

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

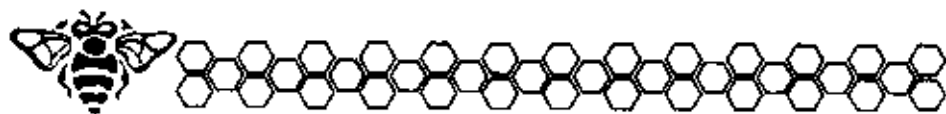
**ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ**

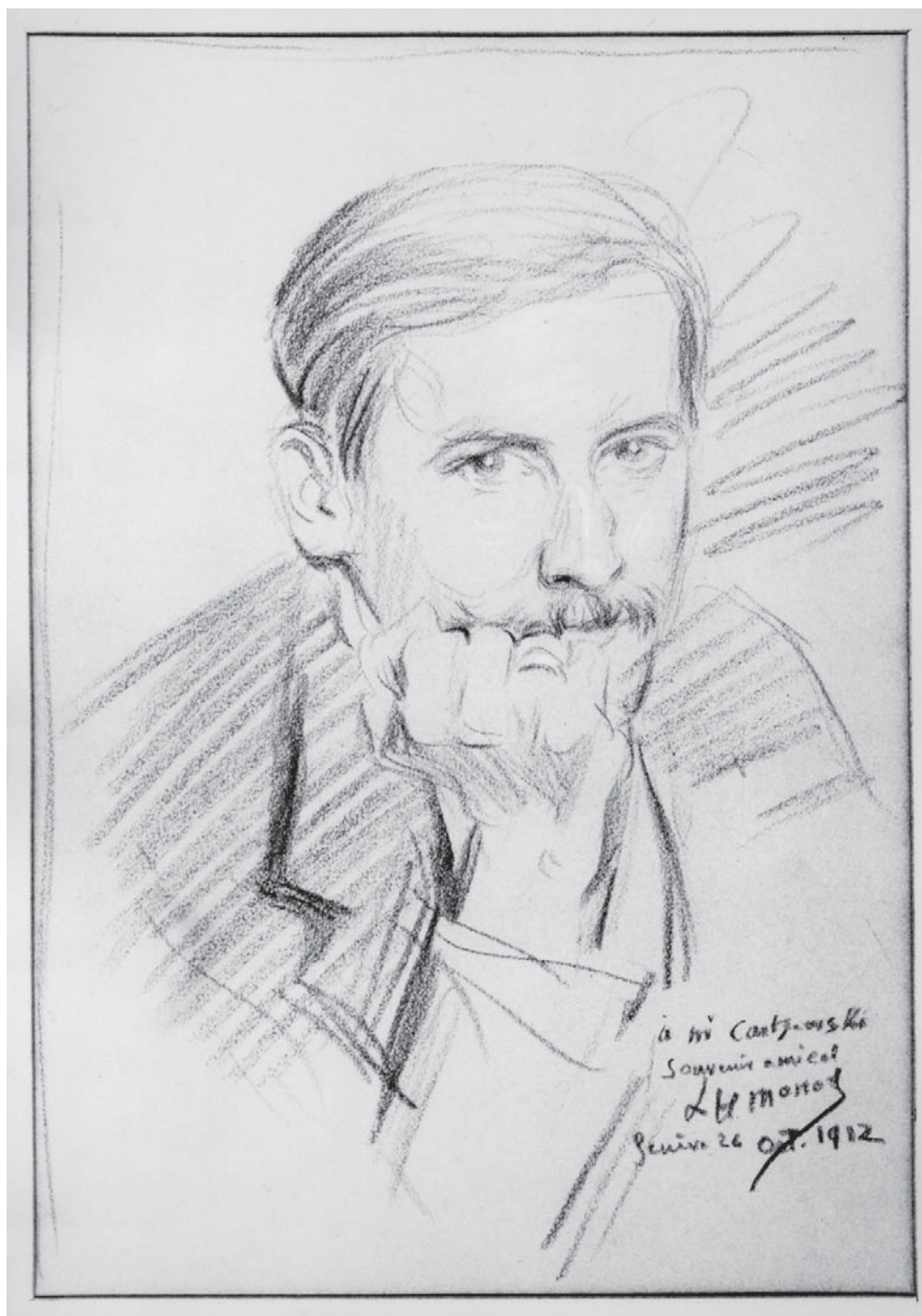
II

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

Сергей Иосифович Карцевский

(Портрет сделан Люсьеном Моно, отцом будущего лауреата Нобелевской премии Жака Моно в октябре 1912 г.)

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ

II

СОСТАВЛЕНИЕ, ПЕРЕВОД,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
И. И. ФУЖЕРОН, Ж. БРЕЙАР, Ж. ФУЖЕРОН

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2004

ББК 81.031
К21

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16100

Карцевский С. И.

К21

Из лингвистического наследия. [Т]. II / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 296 с. - (Studia philologica)

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-160-8

Настоящая книга задумана как второй том выпущенной в 2000 году этим же издательством книги "С.И.Карцевский. Из лингвистического наследия". Цель данного издания - предоставить широкой лингвистической аудитории некоторые работы Карцевского, написанные более пятидесяти лет назад и никогда не издававшиеся на русском языке.

В основе этого тома лежит книга Карцевского "Система русского глагола", переведенная на русский язык. Решение вывести из забвения центральную работу ученого привело к мысли об издании в переводе и некоторых других работ Карцевского, опубликованных в разные годы и разбросанных по разным сборникам. Книга позволяет проследить одну из особенностей манеры Карцевского-исследователя, а именно, неоднократное возвращение к однажды затронутой теме и углубление ее анализа.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

© И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон.
Составление, перевод, вступительная статья и комментарии, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительная статья</i>	7
<i>От составителей</i>	25

I. Система русского глагола

Предисловие	31
Литература	33
<i>I. Введение</i>	
§ 1. Общие положения	39
§ 2. Семиологическое значение	44
§ 3. Идентификация	52
§ 4. Актуализация	62
§ 5. Выводы	65
<i>II. Семантические классы глаголов</i>	
§ 6. Классификация глаголов	70
§ 7. Продуктивные классы	75
§ 8. Непродуктивные группы	88
§ 9. Префиксация	100
§ 10. Ударение	104
<i>III. Переходность</i>	
§ 11. Введение	107
§ 12. Транзитивация	110
§ 13. Нейтрализация	114
<i>IV. Вид</i>	
§ 14. Введение	118
§ 15. Отглагольные образования	122
§ 16. Перфективация	125
§ 17. Имперфективация	130
§ 18. Непродуктивные типы	135

§ 19. Стирание видовой оппозиции	146
V. Деятель	
§ 20. Деятель и подлежащее	148
§ 21. Обезличивание	151
VI. Лицо	
§ 22. Лицо и подлежащее	157
§ 23. Обобщение лица	160
VII. Наклонение	
§ 24. Общие положения	163
§ 25. Повелительное наклонение	165
§ 26. Изъявительное наклонение	169
§ 27. Гипотетическое наклонение	172
VIII. Время	
§ 28. Временная перспектива	174
§ 29. Совершенный вид и время	176
IX. Неличный глагол	
§ 30. Общие положения	183
§ 31. Инфинитив, деепричастие, причастие	187
Заключение	189
Приложение	
№ 1: Заметки о классификации глаголов	191
№ 2: Заметки о приставке <i>о-</i> (<i>об-, обо-</i>)	197
№ 3: Об удлинении гласной корня при префиксации	199

II. Статьи

Понятие процесса в русском языке	209
Заметки о психологии видов в русском языке	221
Об асимметричном дуализме лингвистического знака	239
О фонологии фразы	246
<i>Указатель терминов</i>	290

Вступительная статья

Изучают почерк, манеру писателя. Но можно также говорить о почерке ученого. Существует особая манера анализировать предмет своих изысканий, обнародовать результаты, она и создает почерк каждого отдельного лингвиста.

У С. И. Карцевского был свой почерк. Он выражался прежде всего в скромности. Она проявлялась в выборе и ограничении сферы исследования — русский язык, и только он, а через него и языковая деятельность. Однако не следует заблуждаться: скромность прекрасно сочеталась с железной твердостью, когда надо было защищать свои убеждения, то, что он считал верным. Тогда не принимались в расчет ни время, ни силы, ни личные отношения.

К почерку Карцевского относится и постоянное стремление к совершенству, которое в некоторой мере ограничивало и задерживало его публикации.

Наконец, говоря о его почерке, нельзя забывать, что научная деятельность Карцевского была всегда связана с преподаванием — отсюда ясность и доступность выражения.

Почерк Карцевского вырабатывается в постоянном углублении одной из рассмотренных проблем. Почти каждая из его зрелых работ восходит к исследованиям более раннего периода и является их продолжением.

Р. Якобсон, говоря о творчестве Карцевского, называет его *Summa linguistica*, которая осталась незаконченной. В действительности незаконченность является внутренним качеством, свойственным почерку Карцевского. Именно она делает «Систему русского глагола» центральным произведением всего творчества ученого. При внимательном чтении нетрудно выявить основные темы, которые будут разрабатываться в последующие годы, что делает эту работу «шестилетней давности» одновременно итогом, манифестом и программой дальнейших иссле-

дований. Любовь мастера к своему произведению в соединении с постоянным стремлением к совершенству выражает особое отношение к времени, которое приводит к тому, что «старая» работа становится лучше, потому что она дозрела. «Введение», пишет Карцевский в «Предисловии», было «написано заново», т. е. специально к изданию книги.

Можно было бы сравнить публикации Карцевского с палимпсестами, на которых на месте одних надписей возникают другие. Так, в I главе («Введение») «Системы русского глагола» выражена уже полностью сформулированная мысль о природе лингвистического знака. Впервые эта идея высказана Карцевским в 1925 г. в его статье «О формально-грамматическом направлении»¹. Эту мысль он разовьет двумя годами позже на Первом съезде филологов-славистов (1929 г.) в докладе «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», вероятно, наиболее известной из его работ. Якобсон в некрологе, посвященном Карцевскому², вспоминает, как Карцевский, не успев заранее подготовить свой доклад, «судорожно импровизировал его в маленьком уютном пражском кафе». Учитывая выше сказанное, становится понятным, что «импровизация» была лишь новым оформлением давно созревшей идеи. Именно в этом смысле следует понимать слова Якобсона, когда он относит к самому Карцевскому то, что тот говорил о будущем времени совершенного вида: «У него прошедшее и будущее легко соединялись».

«Система русского глагола» определяет последующие исследования Карцевского, как эти последние объясняют предыдущие, — все творчество Карцевского представляет систему. Особенности почерка Карцевского делают понятным тот факт, что «Введение», написанное через шесть лет после основной части книги, не производит впечатления чего-то привнесенного, отграниченного, а наоборот, дает ключ к книге, поднимает ее до уровня общего языкознания, формулирует и разъясняет последовательно проводимый метод. В этом смысле «Введение» может рассматриваться как вполне самостоятельная статья, излагающая научные позиции Карцевского и представляющая избранный им метод анализа. Этим объясняется двойная аргументация, высказанная им в «Предисловии»: с одной стороны, наблюдается «зна-

---

¹ С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 39–40 [далее — М., 2000].

² S. Karcevski. *Inédits et introuvables*. Paris: Peeters éd., 2000, p. XIX sq. [далее — P., 2000].

чительный» по времени разрыв между «Введением» и всем остальным, а с другой — «легко убедиться», что в основе и того и другого лежат «одни и те же принципы». То, что было «лишь смутной неуловимой интуицией», теперь разъясняется в «терминах функциональной логики». Нельзя не отметить способность Карцевского рассматривать свою работу в перспективе длительного исследования, что заставляет его принести извинения за представление «не вполне организованной работы».

Система русского глагола. Впервые в этом «Опыте синхронического лингвистического описания» русский глагол рассматривается как система в строго синхронической перспективе. Именно эта перспектива заставляет Карцевского отбросить все «до сих пор предложенные» классификации (с. 70), и в частности классификацию Лескина-Буайе. Ученик Фортунатова, Поль Буайе, применил к современному русскому глаголу принцип классификации, предложенный Лескиным для старославянского глагола. Карцевский, как и Н. Дурново в 1915 г., ставит в упрек Буайе смешение диахронии и синхронии. Именно из-за этого глагол *писать*, который в результате действия исторического йота представляет в корне чередование согласных *с/ш*, оказывался в группе С вместе с глаголами, основа которых в настоящем времени содержит йот: *delat'* — *delaj-u*.

Карцевский ставит вопрос о самой сути классификации. Классифицировать — это не значит навести порядок в хаосе, это значит определить «основные нити, которые соединяют глаголы между собой и которые вместе с тем связывают их с другими словами языка» (с. 71): классифицировать — это выявить систему³.

Новым критерием, предложенным Карцевским, является *продуктивность*, или «влияние по аналогии». Этот критерий определяется возможностью или невозможностью исчисления. Класс характеризуется формами инфинитива и 3-го лица единственного числа. На этой осно-

---

³ Интересно по этому поводу привести строки из письма Карцевского Н. Н. Дурново от 5/II 1926 г.: «Вы пишете, что можно двояко смотреть на задачи классификации: 1° [с точки зрения (?)] практики — удобное расположение материала, и 2° — установить ассоциации, действительно существующие у говорящих. Первый взгляд я решительно отвергаю. Не мы должны вносить порядок в жизнь, а выяснить тот порядок, который в ней уже существует и называется жизнью». — *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistics Circles, 1912–1945* / Ed. by Jindrich Toman // Michigan Slavic Publications / Cahiers Roman Jakobson, 1. Ann Arbor, 1994, p. 117.

ве выделяется 5 классов продуктивных глаголов, количественно неограниченных и расположенных по «возрастающей сложности»: степень сложности глагольной парадигмы выступает здесь как второй критерий классификации. Так, класс I представлен глаголом *играть*, *играют*, где нет никаких фонетических чередований: «его спряжение, ударение, видовые формы выступают в единстве друг с другом». К этим пяти классам прибавляется семь групп глаголов, число которых, по мнению Карцевского, не превышает 400.

Но новизна «Системы русского глагола» не ограничивается введением критерия продуктивности в основу классификации. Чем же оригинальна эта работа?

Прежде всего следует отметить большое теоретическое значение «Введения». «Основной идеей» своей книги Карцевский считает одно из главных положений де Соссюра: «В языковой системе нет субстанции» (с. 69). Субстанция существует лишь как обрамление языковой деятельности: физическая сторона звука с одного края и «психическое содержание нашего сознания» — с другого. Но Карцевский не ограничивается проповедью идеи де Соссюра и утверждает свой взгляд на язык как место проявления конфликтов, напряжения и борьбы. По мнению Карцевского, в языке нет ничего статичного. В языке постоянно наблюдается борьба между *лексикологией* — стремлением к произвольному и фонологическому знаку, и *синтагматикой* — стремлением к мотивированному и морфологическому знаку (с. 40). Эта идея конфликта и компромисса наблюдается между говорящим и слушающим, между единичным, неповторимым характером каждой конкретной ситуации и общим характером языка.

Среди особенно важных моментов следует отметить рассуждение об асимметрии знака. «Любое значение, которое, как нам кажется, мы ограничили, реализуя его в фразе, на самом деле лишь точка пересечения серии идеологических фактов с серией психологических фактов. Это значение виртуально [virtuellement] может быть одновременно и синонимом и „омонимом“» (с. 57).

Для Карцевского является характерным постоянное внимание к непрерывному и подвижному характеру языковых явлений. В этом отношении его, может быть, можно в большей степени считать последователем Ш. Балли, чем Ф. де Соссюра. Не случайно он упоминает о важности «переходных зон» между классами, между понятиями. Примером этого, по мнению Карцевского, может служить возможность постепенного перехода от транзитивного глагола к нетранзитивному

(с. 107). Дальше он говорит: «...мы постоянно замечаем, что бывают случаи, когда самые противоположные значения перестают различаться» (с. 157). Именно эти «нейтральные», «обнаженные» точки оказываются наиболее уязвимыми в системе.

Необыкновенно важными и интересными являются мысли Карцевского о глагольной префиксации. Позднее он углубит их в статьях «Понятие процесса в русском языке»⁴ и «Заметки о психологии видов в русском языке»⁵. Карцевский первый развил идею Н. П. Некрасова⁶ об усилении значения переходности в приставочных глаголах. Для Карцевского связь между префиксацией и переходностью не вызывает сомнений: «Теоретически, любой основной [т. е. непереходный] глагол становится переходным при префиксации»⁷. Так, непереходный глагол *верить* + дат. образует переходные при префиксации: *уверить, проверить, заверить, доверить, сверить*.

Большой вклад сделан и в области аспектологии. Карцевский выражает здесь свое несогласие с А. Мазоном в вопросе отношений между временем и видом. В своей работе 1914 г. «Употребление видов русского глагола»⁸, которая содержит немало тонких наблюдений, но по построению скорее приближается к «педагогическому» перечню значений, А. Мазон пишет в заключении: «Именно в категории времени вид нашел свою наиболее прочную точку опоры. Там, где время исчезает, в инфинитиве и в императиве, значение вида слабеет: оппозиции стираются, оттенки ступеваются; говорящий, как бы сведущ он ни был, инстинктивно, к своему удивлению, начинает колебаться»⁹. Карцевский, напротив, относит вид к «основным значениям». Для него образование вида «предшествует, так сказать, созданию предикативных значений лица, наклонения и времени, и скорее, именно время старается „поместиться“ в рамках вида, чем наоборот» (с. 147). Так для Карцевского вид берет верх над временем. Употребляя терминологию Ш. Балли, он относит вид к области «характеризации», а время — к «актуализации»¹⁰.

⁴ Наст. изд., с. 209.

⁵ Там же, с. 221.

⁶ Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. М., 1865.

⁷ Наст. изд., с. 113.

⁸ А. Мазон. *Emploi des aspects du verbe russe*. Paris, 1914.

⁹ *Ibid.*, p. 240.

¹⁰ Ch. Bally. *La Pensée et le langage* // *B. S. L.*, XXIII, 1922, p. 118, n. 1.

Блестящим новаторством предстает «деривационная цепь»: «Видовое значение глагола зависит от места, которое он занимает в отглагольной словообразовательной цепи» (с. 119). Эта схема вытекает непосредственно из понятия системы, т. к. именно место, занимаемое в цепи, сообщает глаголу его «значение». Таким образом, могут быть объединены только соседствующие звенья цепи. А например, приставочный глагол *при-касаться* нсв не может считаться непосредственно образованным от глагола нсв *касаться* (в соответствии с привычной моделью *играть* нсв > *вы-играть* св), так как в этом случае, во-первых, он должен был бы быть совершенного вида, а не несовершенного, и во-вторых, эти два глагола должны были бы быть в цепи «соседями», тогда как они находятся на разных ее концах: *касаться* нсв > *коснуться* св > *прикоснуться* св > *прикасаться* нсв.

Префиксацию глагола Карцевский рассматривает как внутреннюю синтагматику¹¹.

В синтаксисе теория двучленной синтагмы, изложенная в «Курсе общей лингвистики» де Соссюра и развитая Ш. Балли, непосредственно связывает Карцевского с женеvской школой. Используя символику Балли *T* – определяемое и *T'* – определяющее, Карцевский вводит новое – определение подлежащего как «*T* абсолютного»; подлежащее – это слово, «которое не может служить *T'* ни одному другому слову, но к которому все другие слова фразы относятся как *T'* разных разрядов и видов» (с. 157).

Карцевский не признает за предикативной синтагмой какого-либо особого места, рассматривая предикативность как «вмешательство» говорящего лица.

Уже в «Системе» мы находим размышления Карцевского об интонации. Он утверждает, что «порядок слов естественно [связан] с интонацией» (с. 157). Для западной лингвистики подобное утверждение в эти годы было весьма новым. Проблемы интонации и интонационной структуры фразы будут развиты Карцевским позже, в статье 1931 г. «О фонологии фразы»¹².

Перечисляя «вторичные модальности изъявительного наклонения», Карцевский подчеркивает значение недостоверного факта и выявляет то, что сегодня называют опосредованным высказыванием (медиативом), замечая, в частности, что эта модальность, «столь яр-

¹¹ М., 2000, с. 118–119.

¹² Наст. изд., с. 246.

кая и выразительная, не была еще отмечена ни нашими грамматистами, ни нашими писателями»¹³.

То здесь, то там в «Системе русского глагола» встречаются замечания о «русской ментальности», о русском складе ума. Сегодня, в свете теории когнитивизма, они снова стали актуальны. Но следует помнить, что корни их уходят к славянофилам XIX века. Это особенно ясно видно в главе VIII – *Время*. Карцевский отмечает, что «характерной чертой русского склада ума, безусловно, является постоянное стремление видеть и представлять себе. Время в русском языке психологическое и субъективное; временные формы глагола никогда не бывают достаточно „пустыми“, чтобы служить только средством подчинения или сочинения»¹⁴. В русском языке «объективная временная перспектива все время нарушается» воображаемым перемещением говорящего в течение его рассказа. Отметим, что Карцевский тем самым как бы объясняет, почему русский язык не признает «согласования времен». Точно так же инфинитив – «это адекватное выражение идеи процесса, которая в русском сознании неотделима от учета вида»¹⁵.

Сегодня, в связи с первой публикацией перевода на русский язык книги Карцевского «Система русского глагола», следует остановиться на некоторых моментах, помогающих понять, почему книга не получила достаточного распространения.

«Система русского глагола» представляет собой докторскую диссертацию Карцевского, опубликованную в Праге в 1927 г. к защите в Женевском университете. Одним из членов жюри был Шарль Балли.

Почему книга выходит в Праге?

В столице молодого Чехословацкого государства в это время находилось и работало немало русских. Эмигрировавшая интеллигенция была под покровительством правительства Т. Масарика, философа по образованию, автора «*Zakladove konkretné logiki*». Он видел в русской эмиграции преемников русской элиты после предполагаемого краха большевистского строя. К этой интеллигенции относился и бывший член партии эсеров Сергей Карцевский.

С начала 20-х годов Карцевский работает в Праге в Русском лицее, директором которого был теоретик евразийства П. Н. Савицкий.

¹³ Там же, с. 171, примеч. 5.

¹⁴ Там же, с. 175.

¹⁵ Там же, с. 185.

Карцевский работает также в русском педагогическом институте¹⁶, участвует в создании Пражского лингвистического кружка, общается с лингвистами, среди которых В. Матезиус, Р. Якобсон, Н. Трубецкой и др. Выходу книги предшествуют напечатанные в пражском журнале «*Slavia*» две статьи под общим заголовком «*Études sur le système verbal du russe contemporain*»: «I. — Classification naturelle des verbes russes»¹⁷ и «II. — Mécanisme des aspects»¹⁸. Следует также напомнить, что книга Карцевского выходит благодаря поддержке Министерства народного образования и Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики.

Возникает другой вопрос: почему книга выходит на французском языке?

Выбор был неслучаен. Во-первых, он имел целью отмежеваться от немецкой лингвистики. Во-вторых, Франция в этот период выступала символом свободы и культуры, и Чехословакия была с ней тесно связана. В дальнейшем эта связь подтвердилась тем, что большинство работ Пражского лингвистического кружка выходило на французском языке. Кроме того, не следует забывать, что это была не просто книга, а университетская работа, которая защищалась в Женеве.

И здесь правомерно задать еще один вопрос — почему в Женеве, где не было ни установившейся славяноведческой традиции, ни хотя бы просто кафедры какого-либо славянского языка? Почему не в Париже, где уже существовало утвердившееся славяноведение, где в начале века в Сорбонне была открыта кафедра русского языка и литературы, где благодаря щедрости правительства Масарика Эрнест Дени создает при Сорбонне молодой Институт славяноведения, в задачи которого входит объединять и развивать славистику во франкоязычных странах? Почему не в Париже, где с 1921 г. выходит созданный Андре Мазоном и Полем Буайе печатный орган Института «*Revue des études slaves*», и по сей день являющийся одним из центров французской славистики? В 1924 г. начинает выходить «*Le Monde slave*», руководимый Жюлем Легра, Луи Эйзенманном и Этьеном Фурнолем. И, наконец, почему не в Париже, не во Франции, где в последние годы за работой над диссертацией, кажется, наблюдал Антуан Мейе?

---

¹⁶ P. Sériot. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris: Presses Universitaires de France, 1999, p. 35, n. 3.

¹⁷ *Slavia*, vol. I, t. 2/3, Praha, 1922–1923, p. 242–268.

¹⁸ *Slavia*, vol. I, t. 4, Praha, 1923, p. 495–523.

В пользу Женевы можно выдвинуть только тот факт, что именно в Женевском университете во время своей первой эмиграции Карцевский слушал лекции де Соссюра, Сешеэ¹⁹, Балли. Карцевский-лингвист был сформирован женевской школой. Диссертация была одобрена Ш. Балли, который пользовался огромным авторитетом. Но он не был славистом.

И вот труд, написанный на французском языке, вероятно, законченный во Франции, но изданный вне Франции, был воспринят французской славистикой как труд пришедший извне. Эта огромная работа оказалась лишенной всякой научной поддержки со стороны французских славистов. А. Мейе опубликовал в «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris» несколько сдержанную рецензию на выход книги. А. Мазон, похоже, никак лично не отреагировал на выход книги, автор которой говорил прямо противоположное тому, что писал сам Мазон в своей работе о морфологии вида²⁰.

К моменту выхода книги Карцевский и Мазон были уже знакомы. Мазон присутствовал на 112-м заседании Диалектологической комиссии (Москва, 17/V 1918 г.), где обсуждалась представленная Карцевским классификация русских глаголов²¹. Правда, Карцевский не принял критики, высказанной Мазоном.

А в 1925 г. А. Мазон публикует сборник статей в честь Поля Буайе. В нем напечатана статья госпожи М. Гиомар о существующих классификациях русских глаголов²². В статье доказывалось, что классификация А. Лескина, в том виде, в каком применил ее к русскому языку П. Буайе, а затем вновь представил А. Мазон, является наиболее обоснованной. Из статьи явствовало, что следует принимать во внимание только традиционные классификации: «Если оставить в стороне классификацию, недавно предложенную Карцевским, которая основана на различении продуктивных и непродуктивных типов глаголов и в которой личные окончания являются лишь второстепенным критерием, то традиционные системы можно разбить на три

---

¹⁹ Орфография «Сешеэ» соответствует французской фонетической реализации.

²⁰ А. Mazon. *Morphologie des aspects du verbe russe*, Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Sciences Historiques et philologiques, fasc. 168. Paris, 1908.

²¹ М., 2000, с. 325–330.

²² М. Guihomard. «Des systèmes traditionnels de classement des verbes russes», *Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer*. Paris: Librairie H. Champion, 1925, p. 324–332.

группы»²³. Иначе говоря, классификация Карцевского не является «традиционной». Такой подход, с одной стороны, признавал за Карцевским особое место в языкознании, но с другой, означал отказ от рассмотрения его классификации. В статье Буайе предстал наследником русской грамматической традиции в области классификации глаголов, идущей от Смотрицкого и Ломоносова, тогда как Карцевский оказывался от нее отстраненным. Потребовалось более сорока лет, чтобы французская русистика критически посмотрела на классификацию, известную под названием Лескина-Буайе (работы Ж. Леписье, Р. Лермита, П. Гарда), и признала необходимость критерия продуктивности при классификации глаголов.

Итак, книга «Система русского глагола» — книга со странной судьбой. Но и сама книга, можно сказать, странная. Обычно авторы диссертаций подчеркивают современность и новизну своих исследований и устарелость того, что было сделано до них. Карцевский же с первых строк говорит, что его работа — «шестилетней давности»²⁴. Какой автор согласится сегодня, чтобы книга открывалась подобным признанием?! Это больше, чем честность истинного ученого, чуждого какой бы то ни было снисходительности к самому себе. Это его почерк.

* * *

Каждая из четырех статей, также впервые публикуемых в переводе в этом сборнике, развивает идеи, в большей или меньшей степени затронутые в «Системе русского глагола».

Статья «Понятие процесса в русском языке» была впервые опубликована после смерти ученого по рукописи, находящейся в его архиве и помеченной автором «26.V.37 г.». В статье в оригинальной манере ставится проблема диалектического противопоставления тождественности и изменения, неподвижного и подвижного. В основу концепции предложения Карцевский ставит идею напряжения. Существительное, которое представляет вещи, располагаемые в пространстве, является неподвижной точкой. Глагол, представляющий процесс, не располагаемый в пространстве, но вписанный во время, является выражением изменения. Противоречие между тождественностью (неизменяемостью) и изменением разрешается в рамках предложения. Таким об-

---

²³ Ibid., с. 324.

²⁴ Наст. изд., с. 31.

разом, процесс — это напряжение между исходной точкой (подлежащим) и завершением (конечной точкой). Прохождение между двумя точками и обеспечивается процессом. Эта концепция позволяет исчерпывающе представить типологию различных видов предложений: действие, перемещение в пространстве, становление, состояние, а также случаи, когда несовпадение исходной точки процесса, «темы» (в том смысле, в каком этот термин употребляет В. Матезиус), с «Т абсолютным» приводит к устранению подлежащего. В этой же статье Карцевский закладывает основы того, что он углубит в статье «О фонологии фразы»: «Фраза существует до предложения, т. е. независимо от него». Идея напряжения приводит автора к различению «напряжения вопроса и разрядки ответа».

Статья «Заметки о психологии видов в русском языке» была написана годом позже. Начиная ее, Карцевский сразу говорит, что это дополнение к тому, что было сказано о видах в «Системе». Он развивает свой анализ синтаксической роли приставок. По его мнению, оказывается, что в ряде случаев глагольной основе отводится всего лишь роль обстоятельства образа действия, тогда как предикативную функцию призвана выполнять приставка. В качестве примера автор приводит глагол *про-сидеть* (стул), где приставка *про-* и суффикс *-еть* образуют «глагольную рамку», в которой элемент *-сид-* является семой с наречной функцией. В разговорной речи глагольная основа может оказаться настолько второстепенной, что может быть упразднена, отчего, при наличии объекта, смысл не страдает и восполняется из контекста (с. 224). В этой же статье Карцевский намечает классификацию приставок в зависимости от размеров пространства. Он выделяет, с одной стороны, *линейные* приставки, а с другой — приставки, связанные с *поверхностью* и *объемом*.

Верный своему пониманию языка как системы, где все взаимосвязано, Карцевский проводит семантическую связь между приставкой и омонимичным предлогом: ограничительная приставка *по-* и распределительный предлог *по*; обозначающие выход за пределы нормы приставка и предлог *за*.

Вероятно, под влиянием идей А. Бергсона, на которого Карцевский ссылается в статье, он развивает мысль о *длительности* [durée]. Перфективация, согласно Карцевскому, сводится к трем типичным позициям: *линейное сокращение*, *подытоживание* и *сокращение до единичного жеста*. Эта последняя позиция приводит его к анализу образования глаголов на *-нуть*. Он совершенно по-новому рассматривает «отдель-

ную небольшую систему», где главная роль отводится восклицанию, «стержню системы». Карцевский отмечает значение жеста в восклицании и, тем самым, его зрительную природу. Здесь также затрагивается вопрос о напряжении и разрядке, ибо, «несмотря на все многообразие восклицания, его механизм неуклонно сводится к двум фазам: выход из состояния покоя и возвращение в состояние покоя»²⁵, ситуация, в которой нет места для развития процесса. Помимо уже перечисленных вопросов, затронутых в статье, обращают на себя внимание размышления ученого о значении времен, и в частности о различии значения настоящего времени совершенного и несовершенного видов.

Обе статьи показывают, как Карцевский, исходя из наблюдений над своим родным языком, поднимается до проблем общего языкознания, затрагивая вопросы, которые не могут не волновать лингвиста. В этом отношении статья «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», опубликованная в I томе «Трудов Пражского лингвистического кружка» (1929 г.), является безусловно наиболее известной и заслуженно наиболее цитируемой. На нескольких страницах Карцевский, развивая замечание Ш. Балли, напоминает, что «знак и значение не покрывают друг друга полностью, их границы не совпадают по всем точкам» (с. 239). Язык как семиологический механизм колеблется между общим и индивидуальным, между абстрактным и конкретным, и лингвистический знак должен всегда «приспосабливаться к конкретной ситуации, [он] может изменяться лишь частично, так как нужно, чтобы, благодаря неподвижности другой части, он оставался тождественным самому себе» (с. 240). В любом акте узнавания или понимания новое укладывается в старые рамки. Узнать — значит найти точку пересечения известных координат. Эта точка и является новым. Знак определяется лишь относительно. Он, по выражению де Соссюра, «дифференциален». Карцевский останавливается на явлении «транспозиции», которое находится в центре речевой деятельности, т. к. каждый раз, употребляя какое-либо слово, говорящий адаптирует его значение к конкретной действительности, включая в него более или менее новую совокупность представлений. Иначе говоря, семантическое значение знака постоянно транспонируется. Карцевский выявляет двигатель языковых изменений: в их основе тот факт, что «адекватная позиция знака постоянно перемещается в силу адаптации к требованиям конкретной ситуации».

---

²⁵ Наст. изд., с. 230.

Говоря об этой статье, нельзя не отметить, что с точки зрения методологии она явилась источником целого ряда исследований в современном языкознании — достаточно указать Вл. Скаличку, которого эти несколько страниц вдохновили на статью «Asymetrický dualismus jazykových jednotek»²⁶.

Известно, что по де Соссюру лингвистический знак отличают две черты: он «произволен» и имеет линейный характер. Пражские лингвисты, даже такие, как В. Матезиус, который закладывает основы «актуального членения предложения», не уделили должного внимания этому обстоятельству. Для них «обратный» порядок слов представляется как экспрессивный вариант, и, следовательно, такое предложение находит свое место на парадигматической оси. Карцевский же придает большое значение линейному характеру означающих. Это с особенной отчетливостью выступает в статье «О фонологии фразы» (1931 г.), посвященной Матезиусу и Якобсону. Выделяя четыре плана языка (фонологический, морфологический, синтаксический и лексикологический), Карцевский проводит идею о том, что физические характеристики звука (тембр, длительность, тон и интенсивность) можно изучать в различных языковых планах. Таким образом, можно говорить о фонологии звука, о фонологии слова, о фонологии синтагмы и о фонологии фразы. Фраза является единицей высшего, лексикологического плана, она, в противоположность предложению, не относится к ведению грамматики. Фраза — «актуализованная единица коммуникации». То, что у Матезиуса только «сегментация», Карцевский, верный принципу динамики в языке, рассматривает как «напряжение», как «скрученную пружину». Он считает, что любая не слишком короткая интеллектуальная фраза распадается на две части. Это явление не грамматического характера, оно относится к языковой деятельности вообще, а не к какому-то из ее видов в частности. Иначе говоря, грамматика — это лишь оформление, нечто второстепенное. Интонация является средством и проявлением актуализации. Между напряженной, побудительной интонацией и той, которая за ней следует, «успокаивающей», существуют линейные отношения (эти части не могут меняться местами). Это не грамматические отношения. Но если интонация не имеет ничего общего с грамматикой, то эта последняя всячески стремится завладеть ею.

---

²⁶ См. в «Naše řeč», гоѡ. XIX, Praha, 1935.

Разбирая связи между членами фразы, Карцевский разрабатывает сложную систему четырех типов отношений, каждому из которых соответствует определенный тип интонации: интонация симметрии, асимметрии, интонация тождества и интонация градации. Интонационное выражение этих четырех типов отношений обеспечивается комбинацией двух просодических явлений — *полукаденцией* и *каденцией*, которые соответствуют восходящей напряженной и нисходящей успокаивающей интонациям.

Рассматривая интонацию как семиологическое явление, Карцевский ставит вопрос об отношении интонации и фразы к знаку и решает его положительно. Он считает, что интонация обладает статусом лингвистического знака, так как вполне отвечает принципу асимметричного дуализма. И сама фраза, и ее члены, представляя «пересечение отношений общего и частного», пересечение «линии синонимии с линией омонимии», по праву должны считаться лингвистическими знаками.

Как и в других статьях, Карцевский намечает здесь немало вопросов, которые будут разработаны позднее, например, роль и функции «алгебраических символов фразы»: *зм*, *хм*, *узу* и т. д., которые сегодня привлекают лингвистов, прежде всего американских (*back channel items*).

В заключение Карцевский оправдывает свои «скромные результаты» неизведанностью данной области языка. Здесь, как и в других разделах языкознания, его смело можно назвать первооткрывателем.

В последующие годы Карцевский вернется к этим вопросам и разовьет их в статьях, посвященных проблемам синтаксиса: «*Intonation de la phrase*», «*De l'exclamation à la conjonction*», «*Deux propositions dans une seule phrase*»²⁷ и др.

* * *

Место Карцевского в истории лингвистики еще не определено. Ж. Фонтен²⁸ замечает, что трудно с точностью сказать, что в работах Карцевского относится к Женевской школе, а что к Пражской. П. Серию²⁹ считает, что, за исключением участия в «Тезисах 1929 г.», Карцевский «не играет большой роли» в жизни Пражского лингвистического круж-

²⁷ Р., 2000, р. 125–126; 137–174; 195–216.

²⁸ J. Fontaine. *Le Cercle linguistique de Prague*. Paris, 1974.

²⁹ P. Sériot. *Op. cit.*, p. 5, n. 1.

ка, и замечает, что Трубецкой весьма редко упоминает о нем в своих письмах. В. М. Алпатов считает, что Карцевского можно отнести к Женевской школе лишь «с сильными оговорками»³⁰.

Бесспорно, что идеи де Соссюра вдохновляли Карцевского. В письме неизвестному адресату от 27/V 1916 г. он выражает свое намерение перевести «Курс общей лингвистики» де Соссюра на русский язык³¹. По утверждению Р. Jakobson, Карцевский, вернувшись в Россию после Февральской революции с только что вышедшим «Курсом», «зажег молодое поколение московских лингвистов». Однако существуют свидетельства, которые говорят, что «Курс» в России был воспринят весьма сдержанно. В Москве Фортунатов не увидел в «Курсе» ничего, что потрясло бы языкознание. Ученики Бодуэна де Куртене в Петрограде, если верить реакции С. И. Бернштейна и Л. В. Щербы, считали, что «Курс» не давал ничего радикально нового. Jakobson представляет Карцевского как «проповедника учения де Соссюра». Трубецкой же в начале 30-х годов, перечитывая «Курс», не находит в нем ничего, кроме «старого хлама»³². Он же считает «абсолютно возмутительным» тот факт, что А. Мазон видит влияние де Соссюра в книге Jakobson «Заметки о фонологической эволюции русского языка в сопоставлении с другими славянскими языками»³³. Но, несмотря на кажущееся отрицательное отношение Трубецкого к соссюризму, он выделяет Карцевского среди всех прочих «учеников» де Соссюра как раз за то, что тот сумел конкретно, на примере одного языка, показать основу его учения — теорию системы: «... за исключением „Système du verbe russe“, [никто] не сумел описать систему живого языка — хотя бы французского»³⁴. Все это позволяет думать, что связь с Женевой, с Женевским университетом, определила особое, чтобы не сказать обособленное, место Карцевского в глазах Трубецкого и, вероятно, Jakobson.

Связь Карцевского с учением де Соссюра бесспорна. Углубляя идею де Соссюра о тождестве и различии, Карцевский считает, что оппозиция не может быть основанием системы. В настоящей оппозиции неизбежно заложены элементы сходства и различия. Эта же мысль прово-

³⁰ В. М. Алпатов. *История лингвистических учений*. М., 1998, с. 165.

³¹ *Letters and Other Materials...*, p. 34–35.

³² R. Jakobson. *N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes*. 2nd ed. Berlin; N. Y.; Amsterdam: Mouton, 1985, p. 241.

³³ *Ibid.*, p. 189.

³⁴ *Ibid.*, p. 241.

дится в статье «Об асимметричном дуализме лингвистического знака». Карцевский разделяет точку зрения де Соссюра, изложенную в третьей главе «Курса». Тождество в языке является коррелятом различия (см. известный пример о восьмичасовом поезде Женева—Париж — он будет в разные дни тем же, хотя и материально другим).

В определении лингвистического знака Карцевский идет дальше де Соссюра, показывая его трехчленность: знак и значение не совпадают полностью друг с другом, «где-то посредине форма и значение представляются адекватными. Таким трехчленным должно, по-видимому, быть строение каждой языковой формы»³⁵.

Де Соссюр первым вводит идею синхронного описания языка, исключая какое бы то ни было историческое объяснение. Карцевский последовательно проводит этот принцип в своей классификации глагола, которая бурно обсуждается после его доклада на заседании Диалектологической комиссии в 1918 г.³⁶ В этот период русское языкознание принимает позицию Карцевского лишь частично, о чем свидетельствует заключение Д. Н. Ушакова, который предлагает «разделить все изучение языка какой-либо эпохи на две рубрики: *материал*, который будет изучаться исключительно в статическом состоянии, и *объяснения*, куда могут войти все исторические домыслы или кажущиеся таковыми»³⁷. Следует отметить, что, как показывают «Тезисы 1929 г.», Пражский кружок полностью отмежевывается от женеvской школы, отрицая четкое разделение на синхронию и диахронию. Для Карцевского, как и для женеvской школы, синхрония является методологическим принципом.

Еще в одном пункте проявляется приверженность Карцевского к женеvской школе и его расхождения с лингвистами Праги: речь идет о причинах языковых изменений. Члены Пражского кружка считали, что существуют языковые изменения, которые имеют целью повлиять на систему. Карцевский в своих работах не разделяет этого мнения. Кроме того, если в Пражском кружке синхрония равнялась статичности, то Карцевский утверждает, что в языке нет ничего статичного.

Однако Карцевский не всегда следует за де Соссюром. Так, если у де Соссюра «точка зрения создает предмет»³⁸, то для Карцевского язык

³⁵ М., 2000, с. 40.

³⁶ Там же, с. 331–333.

³⁷ Там же, с. 334–337.

³⁸ F. de Saussure. *Cours de linguistique générale*. Paris, 1995, ch. III, p. 23. [Здесь и

существует вне зависимости от исследователя и роль последнего состоит в выявлении системы.

При всей приверженности Карцевского к женеvской школе, у него есть общее и с пражской школой, в частности понятие центра и периферии. Но если в теории пражцев это понятие связано с нераздельностью синхронии и диахронии, то Карцевский связывает его с продуктивностью: в центре находится продуктивное, живое, тогда как на периферии оказывается непродуктивное, мертвое. Но, рассматривая язык в динамике, нетрудно убедиться, что между этими крайними зонами существуют переходные³⁹. Можно также заметить, что термины *живой* и *мертвый*, внешне общие у Карцевского и у лингвистов Праги (Трубецкого и Якобсона в частности), на самом деле у Карцевского не затрагивают сущности. Для него *живой* определяется понятием количественной неограниченности, а то, что «мертво», может быть перечислено.

Нельзя не отметить обращения Карцевского к представителям немецкого идеализма XIX века Канту и Гёте. Не случайно он берет их слова эпиграфами своих работ. Присущее им стремление постигнуть цельность системы и найти *das geistige Band* находит прямой отклик в деятельности ученого.

Говоря о Карцевском человеке и исследователе, трудно ограничиться его связями с Женевой и Прагой. Мы располагаем лишь некоторыми данными, свидетельствующими о связях Карцевского с советскими языковедами после его отъезда из Советского союза.

Известны, например, письма С. И. Карцевского Н. Н. Дурново (1925–1927 гг.)⁴⁰. Карцевский поздравляет Дурново с избранием в члены-корреспонденты Академии, сообщает ему о том, что «защита прошла блестяще („cum maxima laude“)⁴¹; в январе 1925 г. пишет ему о том, что работает над статьей «о форм[ально]-грамм[атическом] течении» и просит прислать лекции Фортунатова. Из этих же писем узнаем об интересе Карцевского к трудам Шахматова: о «Синтаксисе

далее цит. по переводу А. Сухотина и С. В. Чистяковой, Екатеринбург, 1999, 426 с.]

³⁹ М., 2000, с. 46–52.

⁴⁰ *Letters and Other Materials...*, p. 112–120.

⁴¹ Открытка датирована 16/VII 1927 г., что при отсутствии точных данных позволяет приблизительно определить время защиты Карцевским диссертации (между 11 мая и 15 июля 1927 г.). *Letters and Other Materials...*, p. 119.

русского языка» он пишет, что «труд этот является столь важным и богатым, что [...] можно [...] исчерпать его содержание только в результате многомесячного исследования»⁴²; его очень интересует «Очерк русского литературного языка» Шахматова, на который он хочет написать рецензию: «Это ведь [...] редкий случай писать для меня именно по тем вопросам, над которыми я работаю»⁴³.

Но дружеские отношения не мешают расхождениям по научным вопросам. Карцевский решительно отвергает взгляд Дурново на классификацию⁴⁴ и не разделяет некоторые из его положений, выраженных в «Грамматике»: «Если желаете, я с удовольствием напишу большой *научный* разбор Вашей грамматики, но мне_[1] ей богу, тяжело то, что буду вынужден все время оспаривать Ваш метод и Ваши выводы, при всем моем желании быть совершенно объективным, беспристрастным»⁴⁵.

Обращает на себя внимание общность взглядов Карцевского и А. М. Пешковского по целому ряду вопросов: роль интонации и порядок слов, проблемы фразы, понимание классификации глагола⁴⁶. Карцевский опубликовал в Праге несколько рецензий на работы Пешковского⁴⁷. Примечательно, что наиболее крупная рецензия, достаточно критичная, была опубликована в 1928 г. самим Пешковским в журнале, который он редактировал⁴⁸. Этот факт свидетельствует о постоянном интересе ученых-педагогов друг к другу.

Карцевский — это не просто ученый, который разделяет те или иные взгляды или отмежевывается от них. Это ученый самобытный, не поступившийся ничем ради своей карьеры. Нам могут возразить, что его научная деятельность затрагивает не очень широкий круг вопросов. Возможно, но они разработаны в тесном единстве с его общей концепцией языка. Имя Карцевского, вероятно, по ряду причин было отодвинуто в тень. Сегодня настало время вернуть Карцевскому его заслуженное место в русской и мировой лингвистике.

И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон

---

⁴² Ibid., p. 117.

⁴³ Ibid., p. 115.

⁴⁴ См. примеч. 3 на с. 9 наст. изд.

⁴⁵ *Letters and Other Materials...*, p. 118.

⁴⁶ М., 2000, с. 335–336.

⁴⁷ Там же, с. 22; 278–280; 281–305.

⁴⁸ Там же, с. 281–305.

От составителей

Настоящая книга задумана как второй том выпущенной в 2000 году этим же издательством книги «С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия». В первом томе, за исключением двух статей, были опубликованы работы ученого, написанные им на русском языке. Цель данного тома – предоставить широкой лингвистической аудитории некоторые работы Карцевского, написанные более 50-ти лет назад и никогда не издававшиеся на русском языке.

В основе второго тома лежит публикация в переводе на русский язык книги Карцевского «Система русского глагола». Судьба этой книги не может не удивлять: вышедшая на французском языке в 1927 году, она больше не переиздавалась и не переводилась на другие языки, в том числе и на русский, хотя ее научный интерес не подлежит сомнению. Решение вывести из забвения центральную работу ученого привело к мысли об издании в переводе и некоторых других работ Карцевского, опубликованных в разные годы и разбросанных по разным сборникам.

При составлении тома нами руководили два принципа: во-первых, переиздать в переводе на русский язык основополагающие работы Карцевского и, во-вторых, показать одну из особенностей его манеры исследователя, а именно, работу «вглубь», неоднократно возвращаясь к однажды затронутой теме и углубляя ее анализ. Эти два принципа и определили содержание тома: «Система русского глагола», еще две статьи о глаголе (1937 и 1938 г.), статья «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» – вопрос, к которому Карцевский неоднократно возвращается в своих работах, в частности в оригинальной работе 1930–1931 гг. «О фонологии фразы», публикация которой на русском языке, как и другие статьи этого сборника, осуществляется впервые.

Работа по переводу поставила перед нами ряд вопросов, решить которые помогли работы Карцевского, написанные по-русски. Следовало принять во внимание, что «Система русского глагола» была закончена в 20-е годы, четыре других статьи были написаны в 20–30-е годы. Было решено, не впадая в архаизацию, максимально использовать при переводе выражения и термины самого Карцевского, которые встречаются в «Повторительном курсе русского языка»¹, а также в протоколах заседаний Диалектологической комиссии².

---

¹ См. М., 2000, с. 97–204.

² Там же, с. 325–337.

В некоторых случаях во французском тексте встречались термины, не имеющие точных эквивалентов в русском языке. Выбранный перевод, возможно, не всегда звучит по-русски оптимально, но мы придерживались принципа, что однажды переведенный термин сохраняет свой перевод постоянно.

В конце сборника приводится указатель терминов, использованных в переводе. В тех случаях, когда термин взят из работ Карцевского, написанных по-русски, в скобках указывается страница по изданию «Из лингвистического наследия» (М., 2000 г.), где этот термин определяется или встречается впервые.

Составители тома выражают глубокую благодарность сыну ученого, И. С. Карцевскому, за предоставленные в их распоряжение материалы. Оказывается, после выхода «Системы русского глагола» Карцевский возвращался к тексту. Имеется два экземпляра книги с заметками С. И. Карцевского: в одном экземпляре (который мы обозначаем знаком ①) им были исправлены опечатки и сделаны некоторые заметки. Эти записи ученого мы приводим в сносках в соответствующих местах перевода. Однако три записи, относящиеся к §§ 6 и 9, оказались очень развернутыми, и, чтобы не загромождать текст, мы помещаем их в приложение (№ 1, № 2).

В другом экземпляре (обозначаемом знаком ②) на отдельных листах (иногда на календарных листках 43–44 гг.), вложенных между определенными страницами книги, Карцевский добавляет свои размышления, соображения по поводу уже написанного им. В ряде случаев нет указаний относительно страниц. Эти заметки мы помещаем в приложение, группируя их, по мере возможности, по темам; так, например, в Приложении № 1: А – Классификация глаголов; Б – Чередования в группе А; В – Детальный разбор групп А, В и С. Мы воспроизводим эти записи со всеми пометками С. Карцевского, вплоть до самых мелких (×, ?). Мы ограничились переводом, не считая себя вправе вносить в заметки и записи какие бы то ни было уточнения или комментарии.

Записи сделаны Карцевским частично по-французски, частично по-русски. Перевод с французского дается петитом; русский текст Карцевского воспроизводится по оригиналу. Угловые скобки принадлежат Карцевскому. Комментарии и добавления составителей в тексте перевода, как и во всем сборнике, даны или в квадратных скобках или в примечаниях под астериском.

Составители выражают глубокую признательность директору Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук А. М. Молдовану, хранительнице архива Института Г. С. Баранковой и Женевскому университету за предоставленные архивные материалы, а также Р. Ф. и Л. Л. Касаткиным, Т. М. Николаевой, В. С. Ефимовой, М. Н. Григорян и А. В. Лазурскому за помощь в подготовке и издании книги.

I

СИСТЕМА РУССКОГО ГЛАГОЛА

**ОПЫТ СИНХРОНИЧЕСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ОПИСАНИЯ**

UNIVERSITÉ DE GENÈVE

FACULTÉ DES LETTRES

La Faculté des Lettres, sur le préavis d'une commission composée de MM. les Professeurs *Niedermann*
Prof. et M. de Lamotte & Balley

autorise l'impression de la thèse présentée par
Mz Serge Karcevski
intitulée :

sans exprimer d'opinion sur les propositions qui y sont énoncées.

Genève, le *Onze mai* 1927

Le Doyen :

Thèse N° *52*

Vichmarin

Женевский университет — Факультет гуманитарных наук

На основании предварительного отзыва комиссии в составе г-на *Нидермана*, Профессора университета города *Невшатель*, и г-на Профессора *Балли* [деканат] факультета гуманитарных наук допускает к печати диссертацию, представленную г-ном *Сержем Карцевским*, озаглавленную: [...], не высказываясь по поводу положений, в ней представленных.

Женева, 11 мая 1927 г.

Диссертация № 52

Декан: *Виктор Мартэн*
[из архива Женевского университета]

SERGE KARCEVSKI

Docteur de lettres

**SYSTÈME
DU VERBE RUSSE**

ESSAI DE LINGUISTIQUE SYNCHRONIQUE

---

*Ouvrage honoré de la souscription
du Ministère de l'Instruction Publique de la République
Tchécoslovaque*

P R A G U E

En dépôt à la Librairie „Plamja“, Praha II, Ječná 32

Imprimerie „Legiografie“, Prague

1927

*Посвящается г-же Евгении Карцевской
1907 – 21/VII – 1927*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Система русского глагола» — работа шестилетней давности. Однако на сегодняшний день были опубликованы только некоторые части, касающиеся классификации глагола и механизма видов («Slavia», I, Прага, 1922 г.). И теперь работа выходит не целиком: части, касающиеся лексикологии и фонологии, были сняты из-за отсутствия места. В настоящем издании представлена лишь разработка *внутренней синтагматики* глагола (деривация) и *внешней* (синтаксис). Из морфологии было сохранено только то, что необходимо для различения семиологических значений, формирующих русский глагол, главным образом глагольная суффиксация и префиксация.

Вступительная глава была написана заново. В ней использованы некоторые страницы исследования, над которым мы работаем в настоящее время и которое посвящено различительному характеру лингвистического знака. Основная часть книги осталась приблизительно такой же, какой она была шесть лет назад, что вовсе не значит, что автор считает ее окончательной. Легко убедиться, что вступление и основная часть книги, хотя они и базируются на одинаковых принципах, значительно отличаются друг от друга представлением лингвистических явлений. Шесть лет назад автор в своих исследованиях руководствовался смутной интуицией, он шел на ощупь, и анализ носил слишком эмпирический характер. Сегодня то, что прежде было предположением, превратилось в уверенность, а то, что когда-то носило характер неуловимой интуиции, начинает представляться яснее и может, хотя бы в общих чертах, быть сформулировано в терминах функциональной логики. Было бы слишком долго и, может быть, несколько самонадеянно ждать, когда теория языковой деятельности, которую автор стремится вывести из спутанной на первый взгляд массы конкретных фактов, оформится полностью и сделает возможным фундаментальный пересмотр этой работы с целью освободить ее от всех

остатков эмпиризма. Кроме того, представляется необходимым предварить это исследование глагола введением, излагающим некоторые из наших общих взглядов на языковую деятельность, какой она предстает в призме нашего родного языка. Принципы, из которых мы исходим, иногда отличаются от общепринятых взглядов, и, если не предварить наше исследование общим изложением этих принципов, наш труд о системе глагола потребовал бы теоретических отступлений по поводу каждого отдельного утверждения. В системе все взаимосвязано, и невозможно хорошо понять глагол, не имея в то же время ясного представления о том, что его окружает, ибо он является лишь функциональным элементом этого целого.

Таковы причины, которые побудили нас объединить под одним заглавием результаты исследований и размышлений, относящихся к двум различным эпохам.

С огромной благодарностью мы вспоминаем здесь уроки нашего учителя г-на Шарля Балли, а также советы г-на Альбера Сешезэ и лекции Фердинанда де Соссюра.

Без широкой поддержки, полученной нами с различных сторон, издание этой книги было бы, конечно, неосуществимым. Мы выражаем искреннюю благодарность г-ну Т. Г. Масарику, Президенту Чехословацкой республики, Министру народного образования и Организационному комитету Института славяноведения при Министерстве иностранных дел Республики Чехословакия, г-же Ф. Грант, г-же О. Ревийод-Масариковой, г-же К. Грант, г-же Б. К. Эванс, г-дам О. Гуеру, В. Матезиусу, М. Мурко, М. Нидерманну, Ж. Поливка, Ф. Рихтеру, В. Скраху и С. В. Завадскому.

15/V 1927 г.

*Сергей Карцевский
Радшовице у Праги,
Вилла Либуше*

ЛИТЕРАТУРА*

1. На русском языке

- Агфель Сигурд*. Наблюдения над колебанием ударения в русском глаголе. Фонетическо-семасиологическое исследование. Archives d'Études Orientales publiées par J. A. Lundell, Vol. 12, Стокгольм, 1917.
- Аксаков Константин*. О русских глаголах, Москва, 1855.
- Белић А.* О словенском глагольном виде. Југославенски филолог. Кн. IV, Београд, 1925.
- Бернштейн С. И.* Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук, том XXV, Петроград, 1922.
- Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики (из университетских чтений), изд. 4-е, Казань, 1914.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Введение в языковедение, Спб., 1911.
- Будде Е. Ф.* Вопросы методологии русского языкознания, Казань, 1917.
- Буслаев Ф.* Историческая грамматика русского языка, «Этимология», «Синтаксис», изд. 5-е, Москва, 1881.
- Востоков Александр*. Русская грамматика, по начертанию его сокращенной грамматики полнее изложенная, изд. 2-е, Спб., 1835.
- Грот Я.* Филологические разыскания**, I — Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка, Спб., 1876.
- Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд. испр. и дополн. под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене, Спб., 1903—1909.
- Дурново Николай*. Очерк истории русского языка, Москва, 1924.
- Карцевский С. И.* Язык, война и революция, Berlin, 1923.

---

* Список литературы дан С. И. Карцевским в порядке латинского алфавита.

** Здесь и далее исправляем опечатку: «изыскания».

- Карцевский Сергей*. О формально-грамматическом направлении. Русская школа за рубежом, № 12, Прага, 1924.
- Карцевский С. И.* Русский язык, Часть I: Грамматика, Прага, 1925.
- Кошутић Рад*. Руска граматика, I – Гласови, А, Општи део, 2-е изд., Петроград, 1919.
- Кошутић Рад*. Руска граматика, II – Облици, Београд, 1914.
- Кудрявский Д. Н.* Введение в языковедение, Юрьев, 1913.
- Лосский Н. О.* Логика, I и II, Berlin, 1923.
- Лысков И. П.* О частях речи. Опыт характеристики их природы морфологической, синтаксической и семасиологической, Москва, 1926.
- Малаховский В.* Синтаксическое значение инфинитива в русском языке. Сборник трудов Госуд. Иркутского университета, Вып. VIII, Иркутск, 1924.
- Некрасов Н.* О значении форм русского глагола, Спб., 1865.
- Огиенко И. И.* Русское литературное ударение, 2-е изд., Киев, 1914.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н.* К вопросу о классификации бессубъектных предложений. Известия Академии наук, Т. V, кн. IV, 1900.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, изд. 2-е, Спб., 1912.
- Павский Протоцереф*. Филологические рассуждения над составом русского языка. Третье рассуждение: о глаголе, 2-е изд., Спб., 1850.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, Москва, 1914.
- Пешковский А. М.* Сборник статей, Ленинград, 1925.
- Пешковский А. М.* Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? Родной язык в школе, кн. 11–12, Москва, 1952.
- Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка, Петроград, 1923.
- Потебня А.* Из записок по русской грамматике. III: Об изменении значения и заменах существительного, изд. 2-е, Харьков, 1888.
- Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. Журнал Министерства Народного Просвещения, Спб., 1891.
- Чернышев В.* Правильность и чистота русской речи. Опыт стилистической грамматики. Ч. II: «Части речи», Птг., 1915.
- Шахматов А. А.* Очерк современного литературного языка, Ленинград, 1925.
- Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Выпуск первый: Учение о предложении и словосочетаниях, Ленинград, 1925.

- Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского языка. Известия Отделения р. яз. и сл. Академии Наук, том IV, кн. 4, Спб., 1899.
- Ульянов Г. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. II: Основы, обозначающие различия по видам, Варшава, 1895.

2. На других языках

- Agrell Sigurd.* Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen, Lund, 1908.
- Hermann Ammann.* Die menschliche Rede. Sprachphilosophische Untersuchungen. I Theil. Die Idee der Sprache und das Wesen der Wortbedeutung, Lahr i. B. 1925.
- Bally Charles.* Copule zéro et faits connexes. Bulletin de la Société de linguistique de Paris, vol. XXIII, 1922.
- Bally Charles.* Impressionnisme et grammaire. Mélanges d'Histoire littéraire et de Philologie offerts à M. Bernard Bouvier, Genève. 1920.
- Bally Charles.* La pensée et la langue. B. S. L., XXIII, 1922.
- Bally Charles.* Le Langage et la Vie, Paris, Payot, 1926.
- Bally Charles.* Traité de stylistique française, I et II, 2e éd., Heidelberg, 1921.
- Baudiš Josef.* Řeč. Spisy filosof. fakultety university Bratislavě, Praha. 1926.
- Berneker E.* Russische Grammatik, 2-te Aufl., Berlin — Leipzig, 1917.
- Boyer Paul.* De l'accentuation du verbe russe. Livre du centenaire de l'École des Langues Orientales, Paris, 1895.
- Boyer Paul et Spéranski N.* Manuel pour l'étude de la langue russe, Paris, 1905.
- Bréal Michel.* Essai de sémantique (science des significations), Paris, 1897.
- Brunot F.* La Pensée et la langue, Paris, 1922.
- Delacroix Henri.* Le Langage et la pensée, Paris, 1924.
- Dobrovský Joseph.* Lehrgebäude der böhmischen Sprache, Prag, 1809.
- Durnovo N.* La catégorie du genre en russe moderne. Revue des études slaves, t. IV, Paris, 1924.
- Egger Victor.* La Parole intérieure. Essai de psychologie descriptive, Paris, 1881.
- Garbell A.* Das russische Zeitwort, Berlin, 1911.
- Ginneken J. Van.* Principes de linguistique psychologique. Essai de synthèse, Paris — Leipzig — Amsterdam, 1907.
- Guihomard M.* Des systèmes traditionnels de classement des verbes russes. Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, II, Paris, 1925.

- Guillaume F. G.* Études de grammaire logique comparée. Les passés de l'indicatif français, allemands et russes, Paris, 1911.
- Harrison J. E.* Aspects, aorists and the classical tripos, Cambridge, 1919.
- Harrison J. E.* Russia and the Russian verb. A contribution to the psychology of Russian people, Cambridge, 1915.
- Henri Victor.* Antinomies linguistiques, Bibliothèque de la Faculté des Lettres de Paris, II, 1896.
- Jagić V.* Beiträge zur slavischen Syntax. Zur Analyse des einfachen Satzes: erste Hälfte. Denkschr. der k. Akademie der Wissenschaft., Phil.-Hist. Kl. XLVI, Wien, 1896.
- Jakobson Roman.* Vliv revoluce na ruský jazyk. Nové Atheneum, 5–6, 1921, Praga.
- Jespersen Otto.* The philosophy of grammar, London, 1924.
- Jousse Marcel.* Études de psychologie linguistique. Le style oral rythmique et mnémotechnique chez les Verbo-moteurs. Archives de philosophie, vol. II, cahier IV, Paris, 1925.
- Kartsevski Serge.* Études sur le système verbal du russe contemporain: I, Classification naturelle des verbes russes. II, Mécanisme des aspects. Slavia, t. 1, Praha, 1922–23.
- Klionoff Olga et Thommeret L.* 4.000 verbes russes classés en 160 séries, Paris, [s. a.].
- Leskien A.* Handbuch der altbulgarischen Sprache, 5-te Aufl., Weimar, 1910.
- Low W.* Systematization of the russian verbs, Cambridge, 1909.
- Lundell J. A.* Lärobok i ryska språket, I–II, Stockholm, 1911.
- Margulies Alfons.* Die Verba reflexiva in slavischen Sprachen, Heidelberg, 1924.
- Mathesius Vilém.* O potenciálnosti jevů jazykových. Věstník král. České Spol. Náuk, tr. hist., Praha, 1911.
- Martys A.* Satz und Wort. Nachlass herausgegeben von Otto Funke, Reichenberg, 1925.
- Mazon André.* Éléments d'un lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918), Paris, 1920.
- Mazon André.* Emplois des aspects du verbe russe, Paris, 1914.
- Mazon André.* La notion morphologique de l'aspect des verbes chez les grammairiens russes. Mélanges offerts à M. Émile Picot, t. 1, Paris, 1913.
- Mazon André.* Morphologie des aspects du verbe russe. Bibliothèque de l'École des Hautes Études, 168e fasc., Paris, 1908.
- Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux-slave, 1re partie, Paris, 1902.
- Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux-slave, 2e partie, Paris, 1905.

- Meillet A.* Des innovations du verbe slave. *Revue des études slaves*, t. II, Paris, 1922.
- Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921.
- Meillet A.* Sur l'emploi de *se* près des verbes slaves. *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, t. XIX, 1916.
- Mendras Edmond.* Remarques sur le vocabulaire de la révolution russe. *Mélanges P. Boyer*, Paris, 1925.
- Meyer Karl H.* Historische Grammatik der russischen Sprache, I, Bonn, 1923.
- Miklosich Franz.* Subjektlose Sätze, Wien, 1883.
- Miklosich Franz.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. I–IV.
- Pedersen N.* Neues und Nachträgliches. *Kuhn's Zeitschrift*, XL, 1907.
- Pérot Gaston.* L'accent tonique dans la langue russe. *Travaux et mémoires de l'Université de Lille*, t. IX, Mémoire № 26, Lille, 1900.
- Porzig Walter.* Hauptprobleme der indogermanischen Syntax. Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. *Festschrift für W. Streitberg*, Heidelberg, 1924.
- Puchmayer.* Lehrgebäude der russischen Sprache, Prag, 1820.
- de Saussure F.* Cours de linguistique générale publié par Ch. Bally et Alb. Séchehaye, 2e éd., Paris, 1922.
- Sapir Edward.* Language, an introduction to the study of speech, New York, 1921.
- Schuchardt H.* Ein Vademekum der allgemeinen Sprachwissenschaft, Halle, 1922.
- Séchehaye Alb.* Essai sur la structure logique de la phrase, Paris, 1926.
- Séchehaye Alb.* Les problèmes de la langue à la lumière d'une théorie nouvelle. *Revue philosophique*, № 10, Paris, 1917.
- Séchehaye Alb.* Programme et méthodes de la linguistique théorique. *Psychologie du langage*, Genève, 1908.
- Séchehaye Alb.* Locutions et composés. *Journal de psychologie*, Paris, 1920.
- *
- Trávníček Fr.* Studie o českém vidu slovesném. *Rozpravy české akademie věd a umění*, Praha, 1923.
- Vendryes J.* Le langage. Introduction linguistique à l'histoire, Paris, 1921.
- Vondrák V.* Vergleichende slavische Grammatik. II, Göttingen, 1908.

---

* В ② на отдельном листе: *Steinitz Wolfgang.* Die russische Konjugation, Berlin–Leipzig, 1948.

I

ВВЕДЕНИЕ

Иль вот: живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познание получить, –
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!

Гёте, «Фауст»*

§ 1. Общие положения

В лингвистической системе ничего нет, кроме связей. «Язык — это форма, а не субстанция, — говорит Ф. де Соссюр. — Надо неустанно проникаться этой истиной, так как все ошибки в нашей терминологии, все неправильности в названии вещей происходят от ошибочного предположения, что в лингвистическом явлении существует субстанция»¹.

Эта система функционирует с целью установления отношений эквивалента между двумя разными типами чуждых языку вещей, каковыми являются многообразие нашего психического состояния и различие продуктов нашей фонетической деятельности. Механизм, который соединяет дифференцирующие элементы в звуковой области с дифференцирующими продуктами, воздействующими на психологию

---

* *И. В. Гёте. «Фауст». Часть первая* / Пер. Н. А. Холодковского. Пг.; М.: Госиздат, МСМХХII, с. 105.

¹ *Cours de linguistique [générale]*, p. 169, [«Курс [общей] лингвистики»; Екатеринбург, 1999, с. 122].

ческие явления, направленные на внешнее выражение, чрезвычайно сложен, и соединение этих двух областей насчитывает не один промежуточный этап. Так создаются различные семиологические планы, совокупность которых мы называем языком.

Язык — это семиологическая система, иначе говоря, каждая единица, которая возникает в результате пересечения отношений, может распасться на знак и значение. В семиологической системе знак неизбежно имеет дифференцирующий характер; это значит, что он включает элемент-различитель в серии явлений, базирующийся на едином для них, идентичном, а следовательно, общем характере ².

Но в конечном счете почти всякая семиологическая дифференциация имеет базу в морфологическом плане. Так, ради упрощения мы можем приравнять знак к фонетическому виду его означающего (S') и принять, что концептуальная единица непосредственно связана с единицей морфологической, рассматриваемой в ее звуковой форме.

В концептуальном плане языка различаются два подразделения, которые можно охарактеризовать как план *лексикологический* и план *синтагматический* ³. Что касается звукового плана языка, то он подразде-

² Стало общим местом утверждать, что лингвистические значения существуют только в силу оппозиции между ними. В такой форме эта идея приводит к абсурду: дерево есть дерево, потому что оно не дом, не лошадь, не река... Просто оппозиция неизбежно приводит к хаосу и не может служить базой для системы. Настоящая дифференциация предполагает одновременно сходство и различие. Мыслимые факты составляют серии, основанные на общем элементе, и противопоставляются только внутри этих серий. Эти серии, в свою очередь и по тому же принципу, являются членами других серий высшего порядка и т. д. Именно так становится возможной и оправданной омофония, когда два значения, принадлежащие к двум разным и отдаленным друг от друга сериям, имеют общий звуковой знак (см. о природе «серий» E. Cassirer, *Substanzbegriff und Funktionsbegriff*).

³ Мы употребляем термин *синтагма* в том смысле, в каком употребляет его в своем университетском преподавании Шарль Балли, а именно — любая комбинация двух членов, которые относятся друг к другу как определяющее (T') и определяемое (T), например, *ветер* (T) *дует* (T'), *белый* (T') *дом* (T), *учитель* ($T'T$) = *кто* (T) *учит* (T'), *водовоз* ($T'T$) = *возящий* (T) *воду* (T'), *выиграть* (TT') = *приобрести* (T) *в игре* (T'), *домик* (TT') = *маленький* (T') *дом* (T). Транспозиция — это *имплицитная* синтагма, в которой T не называется, например *бык*, употребляемое для обозначения опоры моста. *Эксплицитные* синтагмы подразделяются на *внутренние*, т. е. заключенные в рамках одной части речи, иначе говоря, в рамках одного слова, например *учитель*, и *внешние*, т. е. объединяю-

ляется на *морфологический* план и *фонологический*. В непосредственном соседстве находятся лишь синтагматический и морфологический планы, но наша мысль постоянно стремится установить непосредственные отношения между планами лексикологическим и фонологическим, избегая промежуточных планов. Чем больше лексикализован знак, тем больше он стремится стать неразлагаемым блоком и разорвать свои связи с морфологическим планом, чтобы полностью влиться в план фонологический. В языке, состоящем исключительно из лексикализованных знаков (вещь невозможная!), только порядок этих знаков в фразе будет восходить к морфологии; однако, как только цепь лексикализованных знаков, в свою очередь, превратится в неразложимый блок, она будет ассимилироваться с одним единым знаком. В языке постоянно происходит борьба между лексикологией (тенденция к знаку произвольному и фонологическому) и синтагматикой (тенденция к знаку «мотивированному» и морфологическому); ни та ни другая не одерживают полной победы, но важность той или другой меняется в зависимости от эпохи.

Синтагматический план языка использует систему концептуальных единиц в качестве семиологических значений. Синтагматические комбинации этих значений (формальных и семантических) выступают эквивалентами различных видов нашего психического состояния. Каждый психологический факт, предназначенный для внешнего выражения, получает одновременно оценку, очертание границ и идентификацию посредством этой шкалы значений. Эта операция, естественно, содержит в себе компромисс как с одной, так и с другой стороны, поскольку речь идет о том, чтобы подвести конкретный и индивидуальный факт под зафиксированную семиологическую формулу языка, неизбежно обобщенную. Это возможно сделать, только принося в жертву что-то из индивидуального характера данного факта и в то же время производя сдвиг в значении формулы, чтобы несколько адаптировать ее к конкретному факту.

щие две части речи, например *белый дом*. Эти последние являются *предикативными*, когда отношения между членами в них устанавливаются вмешательством говорящего, например *дом (T) бел (T')*, тогда, становясь функцией говорящего, *T* приобретает значение лица, а *T'* значение наклонения и времени. Синтагматизация *оценочная* накладывается на синтагматизацию обычную, например, *учителюшка (TT')*. С точки зрения логики отношения *TT'* соответствуют соотношениям общего (*G* [général]) и частного (*P* [particulier]).

Чем больше речь носит теоретический характер, тем более говорящие подчиняются условиям понимания, навязанным разумом. Психологический факт максимально проанализирован; он сведен к общим элементам, известным всем, среди которых особо почетное место предназначено формальным представлениям: он «грамматикализован»; все отношения выражены эксплицитно. Субъективная сторона явления сведена к минимуму, если она вообще полностью не принесена в жертву. Напротив, в речи аффективной и практической субъективный элемент важнее всего: стремление быть понятым уступает место стремлению выразиться полностью. Имеет место беглый анализ факта. Выражение отношений становится имплицитным. Формальные значения упускаются из вида. Конкретная ситуация, как и непосредственное присутствие говорящего с его интонациями, жестами, мимикой, становится необходимым условием понимания.

Мы никогда не говорим все, что думаем: невозможно было бы изложить адекватно самое простое и незначительное из наших действий. Каждый факт речи предполагает отбор, предварительную сортировку элементов психологического явления. Будут отобраны для внешнего выражения только *значимые* психологические элементы, т. е. те, которые позволяют умолчать об остальных, или потому, что они включают в себя остальное, как общее включает частные составляющие, или потому, что значимые элементы воспроизводят в памяти остальное, как отдельный факт может подсказать памяти целое. Именно к этим значимым элементам обращается в первую очередь аффективная речь, и вместо того чтобы сказать *Рыба костлявая*, скажут *Что жёв, то плёв*, считая, что конкретная ситуация восстановит связь от частного к общему.

Все эти операции заканчиваются созданием *словесного образа*, т. е. психологического субстрата фразы. Внутренняя речевая деятельность должна подготовить психологический факт к его внешнему выражению, синтагматизируя его для установления эквивалентов между значимыми элементами и семиологическими значениями, предоставляемыми языком. Затем словесный образ должен быть *актуализирован*, т. е. эти элементы, неизбежно виртуальные [virtuels] и обобщенные, должны быть подогнаны к конкретной реальности.

Теперь надо перевести словесный образ на звуковой язык. Оппозиции между фонемами, которые покоятся более или менее на естественных различиях между звуками, оказываются использованными языком так, чтобы каждое различие синтагматического плана отвечало како-

му-то различию звукового порядка. Речь идет о том, чтобы спроецировать элементы дифференциации концептуального порядка «на прямую», так как главные элементы фонологической дифференциации следуют друг за другом в звуковой цепи⁴. Таким образом, в языке создается морфологический план, элементы которого становятся значимыми в силу их позиции на линии слова и фразы.

«Линейный» характер фонемы опирается на деление слухом звуковой цепи на однородные промежутки времени. Это явление прежде всего акустическое. Но язык в своем морфологическом плане использует различные черты фонем: тембр, длительность, тон, интенсивность. Отсюда «вертикальное» деление фонемы и впечатление, что все ее черты «накладываются» на тембр. В фонологическом плане, где фонемы образуют систему, разница в тембрах соответствует различию видов, тогда как другие черты выступают как разновидности.

Все это прекрасно согласуется с характером единиц синтагматического плана, так как семиологические значения также не прибавляются одно к другому для того, чтобы составить слово. Так, в идее деятеля, представляющего член *T* в синтагме *учитель*, уже заложено понятие одушевленности, рода, числа и, следовательно, понятие субстанции; мы увидим дальше, что отношения между категорией (частью речи) и ее формами заставляют скорее думать об отношениях интеграла к его дифференциалам, чем об отношениях между суммой и ее составляющими. Этим объясняется то, что морфологический элемент может совмещать в себе несколько функций. Из дифференциальной природы знака вытекает тот факт, что различные значения могут в различных сериях иметь знаки-омофоны. Слово в силу своих категорий (число, род, падеж и т. д.) представляет собой пересечение различных комплексов, поэтому вполне возможно, что один и тот же элемент звучащего слова участвует как знак в нескольких сериях и тем самым оказывается носителем нескольких начений. Сущность дифференциального знака состоит в том, чтобы определить род и вид одновременно, но часто бывает достаточно эксплицитно назвать вид, чтобы тем самым определить и род; в этом отношении формы русского глагола представляют прекрасный пример; так, в форме *гуляю* эксплицитно выражена только форма лица, но этого достаточно, чтобы определить од-

---

⁴ О линейном характере лингвистического знака см. Ф. де Соссюр. Указ. соч., с. 103; Alb. Séchehaye. *Programme et méthodes*, p. 147–148. У Ch. Bally, в *Le Langage et la vie*, p. 173–174, критика этого принципа.

новременно и время, и наклонение, и даже вид [aspect] этой глагольной формы.

Стремление поставить в непосредственной близости план лексикологический и план фонологический приводит к потере внутренней структуры слова. Синтагма лексикализуется, иначе говоря, слово перестает выражать определенное понятие по отношению к роду, так как оно уже достаточно зафиксировано на уровне лексикологического плана своими логическими связями с другими понятиями; транспонированное слово становится омофоном другого слова; оценочная синтагма превращается сначала в обыкновенную синтагму, а потом полностью лексикализуется. Этот процесс, отражаясь в морфологическом плане, ведет за собой спаянность морфем и приводит к слову без формы, простому комплексу звуков, соединенному с самостоятельным и простым понятием.

Лингвистический механизм в том виде, в каком мы его описали, служит лишь для передачи психологических элементов, достаточно интеллектуализированных; эмоциональная сторона нашего существа выражается опосредованно и каждый раз в ущерб какому-либо умственному приему⁵.

§ 2. Семиологические значения

«Смысл» какого-либо слова — это синтез «частичных» значений, группировка которых и составляет это слово. Возьмем слово *вода*. Анализ позволяет выделить в нем следующие концептуальные элементы: представление некоторой жидкости, которую химик обозначает формулой H_2O , — это семантическое значение в полном смысле слова, наиболее конкретный элемент концептуального слова; полупоформальное значение неодушевленности — мы назовем его «значением подкатегориальным»; формальные значения рода (женский) и числа (единственное); и наконец, формальное функциональное значение падежа (именительный или нулевой падеж) — «синтаксическое значение»⁶. В «про-

⁵ Ср. Alb. Séchehayе. *Essai sur la structure logique*, p. 212.

⁶ Знак именительного падежа может быть отрицательным, например *дом*, или «положительным», например *вода*. Но синтаксические функции, в которых существительное имеет форму именительного падежа, носят всегда отрицательный характер. Подлежащее, *Т*абсолютное, выражает нулевую зависимость и свидетельствует о том, что данное слово употреблено вне зависимости от другого

изводных» словах мы найдем и другие семантические значения, но обобщенные и относящиеся к истинно семантическому значению, как род к виду, это идея класса, как, например, идея деятеля в слове *учитель* или идея места в слове *училище*.

Все элементы, которые мы находим в концептуальном слове, являются результатом отношений, установленных между психологическим элементом – субстратом слова – и понятиями, на которых покоится система языка. Часть языкового образа, соответствующая слову *вода*, определяется по отношению к понятиям числа и рода. Определения по отношению к числу уже достаточно, чтобы представить ее как субстанцию, а представление субстанции ведет за собой различие между одушевленностью и неодушевленностью. Отношения к другим частям словесного образа ведут к функциональной дифференциации; в нашем случае «значение» номинатива свидетельствует о независимости концептуального слова: оно не является функцией другого слова. Семантическое значение слова, актуализуясь, становится конкретным случаем субстанции. Классовое значение, каким оно, например, представляется в понятии деятеля в слове *учитель*, соответствует роду и, как концепт зависимый, содержит уже в себе самое понятие категории. Поэтому производное слово разлагается в нашем сознании на две составляющих: составляющая *P* ([particulier] частное) – семантическая и составляющая *G* ([général] общее), представляющая понятие класса, в которое уже включены значение подкатегории и значения рода (грамматического) и числа; между этими двумя составляющими устанавливаются отношения вида к роду. В основном лексикализованном слове род в языке не выражен эксплицитно: то, что *дом* это вид жилища, не развертывается в речи; перед нами категория и вид, а род выводится логически, но он не выражен.

Формальные значения соответствуют некоторым постоянным понятиям, проявляющимся регулярно при образовании концепта. В речи

слова. В случае предиката типа *Это вода* речь идет о члене *T'*, но это такое *T'*, синтаксическое значение (падеж) которого не использовано, это нулевое управление; ср.: *Он здесь врачом* vs *Он врач*. В случае приложения типа *Мы поедem на пароходе «Волга»* это *T'* примыкающее (см. ниже), следовательно, нулевое управление (и согласование). Может быть, было бы точнее говорить здесь об отрицательных значениях и знаке: инфинитив неизбежно указывает на нулевое лицо, но безличный оборот соответствует отрицательному лицу, отрицательному определению по отношению к понятию лица. Но мы не настаиваем здесь на этом различии, которое, может быть, не оправдается при более глубоком анализе.

они представляют элементы значения, понятные всем членам языкового коллектива. Число, род, падеж, вид и т. д. имеют одинаковое значение для всех говорящих на данном языке. Иначе обстоит дело с семантической стороной слова: полностью опираясь на общий психологический субстрат, семантическая часть тем не менее подвержена субъективной интерпретации. Анализ представлений, вызванных словом *вода*, у каждого из двух собеседников приведет к различным результатам. Однако ситуация закрепляет в каждом конкретном случае точку, вокруг которой эти представления призваны сгруппироваться, останавливая тем самым свободное создание ассоциаций. Можно сказать, что семантическое значение слова является результатом интеграции субъективных представлений, навязанной человеку обществом.

* * *

Язык распределяет по классам психологические элементы. Формальные значения представляют характеристики, общие для серий явлений, тогда как семантические значения служат для их уточнения и различения отличительных черт. Максимальное обобщение, которого язык способен достигнуть, дано в *категориях* (т. е. в частях речи). Каждое явление расценивается либо как субстанция, либо как процесс. Первая категория опирается психологически на представление одушевленности и неодушевленности, а логически определяется отношением к числу. Вторая категория соответствует представлениям переходности и непереходности и несет в себе положительное или отрицательное определение по отношению к понятию результата, что ведет к различию видов совершенного и несовершенного.

Эта первая классификация пересекается с функциональным распределением явлений. Смотря по тому, должен ли данный факт, классифицированный и обозначенный, выступать во внешних синтагмах как элемент T (элемент родовой) или T' (элемент-различитель), его психологическая структура меняется: становясь в зависимость от другого факта, он проявляет определенную реакцию и тем самым выявляет свои функциональные или синтаксические значения. Представление субстанции или процесса может играть обе роли [T , и T'], отсюда различие «форм», разных у существительного и у глагола. В заключение того, что было предварительно сказано о характере субстанции и процесса, можно добавить, что глагол по своей природе — класс явлений более или менее функциональный, так как понятие результата, если даже говорить только о нем, уже включает в себя понятие какой-

то субстанции: либо деятеля, либо объекта. Функциональное распределение элементов психологических явлений ведет нас к установлению двух новых категорий, исключительно функциональных и предназначенных для различения явления, уже классифицированного и уточненного. Этими категориями являются прилагательное, которое служит для различения того, что классифицировано в качестве субстанции, и наречие, различающее либо процессы, либо явления, которые уже прошли стадию различения.

Существование категорий различителей отвечает нашей потребности индивидуализировать. Однако явление поистине частное представляет в любой классификации асимметрическую точку. Язык не является исключением. Любая синтагма является комбинацией координат, соответствующей отношениям рода к виду, и, стало быть, не способна достигнуть частного. Определение типа *дом № 17* просто акт регистрации, произведенный в ущерб личным характеристикам индивидуума. Собственное имя ничем не отличается от простой регистрации, так как позиция индивидуума по отношению к времени и пространству не может быть определена языковыми приемами, она проистекает из всего того, что мы знаем об этом индивидууме. Язык ограничивается тем, что классифицирует собственное имя как субстанцию без уточнения, располагая вперемешку людей и страны, эпохи и реки, и необязательно даже, чтобы язык снабжал его формальными значениями⁷. Не может быть «собственных глаголов», потому что процесс не занимает место в пространстве, а что касается его временного определения, то оно зависит только от говорящего лица.

Классификация, которую производит язык, далеко не похожа на научную классификацию. Приписывая явление к такому-то роду или такому-то виду, а главное, выделяя его отличительные черты, говорящий находится под влиянием случайных аналогий и субъективных впечатлений. Лингвистическая классификация всегда носит прагматический характер. Ситуация, к которой говорящий постоянно прибегает, в значительной степени возмещает все логические недостатки классификации. И наконец, вмешательство говорящего в речь (предикативная синтагма) приводит к тому, что комбинация TT' представляется как акт свободной воли, что дает ей высшую санкцию.

* * *

---

⁷ Существуют собственные имена, у которых полностью отсутствует формальное значение, например, *Дурново, Живаго, Петровых*.

Из всего вышесказанного вытекает, что деление на четыре лингвистических категории в основном функционально. С идеей изолированного концепта связано существительное (в именительном падеже) и, более или менее, глагол (в инфинитиве). Другие формы существительного и глагола, а также категории прилагательного и наречия призваны выступать в функции различителя T' . Значит, существует некоторая иерархия между частями речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие. Но расположить их в одном категориальном плане позволяет именно то, что переход концепта от одной категории к другой влечет за собой изменение в его психологической природе и что, кроме того, существуют независимые концепты-прилагательные и концепты-наречия, т. е. не происходящие ни от существительного ни от глагола. Так, прилагательные *красный* или *дорогой*, наречия *рано* или *поздно* являются основными словами, тогда как существительные *красно́та*, *дороговизна*, *рань* и глаголы *красне́ть*, *дорожа́ть*, *опозда́ть* являются производными от первых. Переход от одной категории к другой всегда связан с каким-то классовым понятием. Так, в слове *учитель* идея *учить* дана как T' идеи деятеля и, как всякий концепт, ставший функцией другого, она переживает внутренние изменения, теряя свои собственные формальные значения и переходя в категорию, соответствующую идее деятеля. Деривация — это синтагматическая комбинация элементов в рамках единой категории, иначе говоря, внутренней синтагматики.

Существуют три вида синтаксических отношений, а именно: *согласование*, *управление* и *примыкание*⁸. Член-различитель испытывает в синтагме некоторое влияние родового члена. Отношения T' к T являются отношениями функций к своей независимой переменной величине. Согласование, управление и примыкание соответствуют различным психологическим отношениям между долями T' и T в словесном образе. Согласование, которое является отражением элементом T' формальных значений (рода, падежа, лица, числа и т. д.) элемента T , заставляет думать о неполной дифференциации соответствующих долей словесного образа: элемент T' остается еще вовлеченным в элемент T и воспроизводит его характерные черты. Управление соответствует психологическому различию между одним и тем же концептом субстан-

---

⁸ Термин «примыкание» введен А. М. Пешковским. Примыкание соответствует отношению T' [к T], которое не восходит ни к согласованию, ни к управлению, например, наречие примыкает к своему глаголу.

ции в роли независимого концепта или субъекта и концептом объекта, т. е. функции другого концепта; в этом последнем случае дифференциация может продолжаться, так сказать, до бесконечности, давая все новые и новые падежные формы. И наконец, примыкание есть отсутствие и согласования, и управления.

Мы еще вернемся в дальнейшем к примыканию, но сейчас пользуемся случаем, чтобы заметить здесь, что подразделения в грамматике идут всегда по два или по три; каждый подчиняющий класс содержит только два или три подчиненных класса. Так, в определении понятия результата содержится два вида: положительный (совершенный) и отрицательный (несовершенный); глагол может быть модальным или нет (*verbum infinitum*), модальный глагол имеет три наклонения; изъявительное наклонение имеет три времени, будущее-настоящее подразделяется на три лица, и каждое из лиц фигурирует в двух числах. Два соотносительных значения противопоставляются друг другу как противоположные, но если этих значений три, то третье нейтрально и противопоставляется двум другим. Примыкание по отношению к согласованию и управлению выполняет роль третьего члена.

Вмешательство говорящего лица в отношения T' к T приводит к исключительно важным изменениям в этих отношениях. Когда синтагма становится функцией говорящего лица, член T , если это существительное, должен неизбежно быть определен по отношению к нему, откуда и возникает значение лица. Что касается его T' , то этот член отражает волеизъявительное отношение говорящего к той связи, которая соединяет T' и T , что создает значение наклонения, но T' выражает также и временную природу этой связи, определяя ее по отношению к моменту волеизъявительного вмешательства говорящего, отсюда вытекает значение времени. Эти три значения могут быть обозначены как *предикативные значения*. Предикативное T' , точно так же, как и T' обыкновенное, может быть связано со своим T согласованием, управлением или примыканием; в случае согласования оно должно отражать значение лица своего члена T , но если T не является существительным, то личный характер предикативного T' будет равен нулю (морфологически: 3-е лицо, средний род, единственное число).

Итак, синтаксические функции сводятся к следующим типам: Табсолютное (или субъект), T' (обыкновенное или предикативное) согласованное, управляемое или примыкаемое. Это новое функциональное синтаксическое распределение пересекает классификацию пси-

хологических явлений по четырем категориям. С этой точки зрения части речи распадаются на категории, имеющие основные формальные и синтаксические значения (существительное и глагол), и категории, лишенные основных формальных значений (прилагательное и наречие). Эти последние разделяются на две категории, одна из которых имеет только формальное синтаксическое значение — прилагательное, и другая категория, у которой формальное синтаксическое значение равно нулю, т. е. наречие⁹. Теоретически любой концепт может выступать в любой синтаксической роли. Но в действительности каждая категория предназначена лишь для определенных функций. Существительное — это *T* абсолютное или управляемое *T'*. Прилагательное — это согласованное *T'*. Наречие — *T'* примыкаемое. Глагол — преимущественно предикативное согласованное *T'*, но он может также выполнять функцию *T* абсолютного (инфинитив), примыкаемого *T'* (деепричастие) и даже, точно как прилагательное, согласованного *T'*, согласованного в роде, числе и падеже (причастие). Тем самым глагол как бы покушается на территорию наречия и прилагательного. Любой *T'* может стать предикативным, но тогда «местоименный»^{*} глагол *быть* (связка) берет на себя выражение наклонения, времени и отражает лицо *T* абсолютного. Переход категории из одной синтаксической функции в другую, для которой она не предназначена, происходит посредством транспозиции; таково, напри-

⁹ У наречий классовое значение выполняет синтаксические функции *T'*. *Весело* это то же самое, что *веселый*, у которого сняты формальные значения (рода, падежа, числа), упразднение которых связано с выражением понятия «образа действия», которое является значением классовым. Само же понятие «образа действия» появляется лишь как функция глагольного виртуального *T*: *Мы весело провели время*. Наречие является прекрасной иллюстрацией того, что такое дифференциальный знак.

^{*} В архиве С. И. Карцевского в ИРЯ РАН хранится рукопись *Les Déterminatifs* (ф. 16, оп. 5, ед. хр. 4, л. 45, с. 13 автора). В самом начале Карцевский дает определение, перевод которого мы приводим:

Детерминативы (или местоименные слова) образуют обширный слой, который располагается под языковой системой в целом. Среди детерминативов имеются существительные (*кто, что*), прилагательные (*какой*), наречия (*когда*), детерминативами могут быть союзы, частицы, даже междометия (оклик *Эй!*); глагол *быть* тоже детерминатив. [...]

От обычных слов детерминативы отличаются прежде всего своим необыкновенно обобщенным семантическим значением. [...]

мер, приложение, т. е. существительное в роли согласованного или примыкающего T' .

Мы называем *формой* всякую реализацию формальных значений, свойственных определенной категории. Каждая форма представляет отличную от других группировку этих значений. Ср.: *играть* (возможная переходность и вид) и *играю* (переходность, вид, наклонение, лицо, время и число). Каково отношение между категорией и ее формами? Можно ли сказать, что в глаголе *играть* категория глагола выражена лишь частично, тогда как в *играю* она выражена полностью? Ясно, что эти отношения не имеют ничего общего с арифметикой; так, падеж существительного, например родительный, отнюдь не является какой-либо долей соответствующей категории. Эти отношения скорее похожи на отношения интеграла к своим дифференциалам. Форма является дифференциалом категории, ставшим функцией каких-то независимых переменных величин (различные значения T или же само говорящее лицо). По форме мы можем вывести категорию, если нам известна независимая переменная величина. Понятие категории — это абстракция, полученная интеграцией; категория никогда не выражается полностью: глагол — это инфинитив или определенное наклонение, время, лицо и т. д., и в реализации глагол не может быть одновременно и инфинитивом и формой наклонения, и дееспричастием, и причастием.

Слово совпадает с формой. Есть только два исключения. Для выражения переходности нужно второе слово, выражающее прямое дополнение, и, может быть, адекватное выражение словесного образа, где объект должен оставаться включенным в процесс. Второе исключение — это выражение предикативных значений связкой, когда роль предикативного T' играет не глагол, а какая-либо другая категория. Однако это не мешает тому, чтобы границы слова и формы совпадали. Отсюда следует, что категория и слово также совпадают. Слово всегда является формой, стало быть определенным случаем реализации какой-то грамматической категории. Как мы уже сказали, слово по своему семантическому характеру представляет собой частный случай психологической категории (субстанции, процесса), однако слово в качестве единицы семиологического значения не всегда способно само покрыть какую-то единицу лексикологического плана, требуя участия семантических значений нескольких слов, например *шут гороховый*.

Какая разница между формами одного слова и членами одной семьи слов? Возьмем, например, семью слов: *учить, учитель, училище, уче-*

ник, учебник и т. д. Если мы выразим каждое из этих слов через внешнюю синтагму, мы получим: *учитель* = *кто* (деятель) *учит*, *училище* = *где* (место) *учат*, *учебник* = *чем* (инструмент) *учат* и т. д.¹⁰ В каждом члене этой семьи слов значение основного слова *учить* проявляется в зависимости от классового значения, которое таким образом играет роль независимой переменной величины.

Если бы все эти классовые значения вместе взятые составляли систему, были бы одними и теми же для каждой семьи слов, не носили бы такой частный, случайный характер, свойственный им, то всякое различие между грамматикой и деривацией, между парадигмой и семьей слов стиралось бы: перед нами была бы одна огромная парадигма. Итак, грамматика представляется как система понятий, функционирующих как независимые величины, тогда как внутренняя синтагматика представляет открытую серию безграничного количества достаточно конкретных понятий, которые проявляются как независимые переменные величины только случайно, по воле обстоятельств.

Таковы функциональные отношения, пересечения которых выступают в качестве элементов значения. Но поскольку речь идет о семиологической системе, эти значения призваны идентифицировать различные психологические явления, они становятся семиологическими значениями, знаками нашего душевного состояния. А любой различительный знак может быть заменен синонимом или же транспонирован — это лишь две стороны одного и того же явления. Мы увидим в дальнейшем, что семиологические значения не составляют в этом отношении исключения.

§ 3. Идентификация

Анализ элементов психологического явления посредством эталонов, предоставляемых языком, может принимать следующие формы: 1) **классификация**: *дом*, *Это дом*; 2) **дефиниция** (род и вид): а) *учитель*, б) *пригород*, *выиграть*, *толкнуть*. К одному и другому типу может быть прибавлена 3) **оценка**: *домик*, *учителюшка*, *неправда*, *беспокойный*. Наконец, 4) каким бы ни был тип анализа, психологическое явление может быть идентифицировано приемом **транспозиции**: *Мост стоит на быках*.

---

¹⁰ Само собой разумеется, что эти парафразы очень грубые. Разница между внутренней и внешней синтагмами качественная, а не количественная.

1. Классификация. Простое распределение по классам возможно, потому что в языке существуют основные, лексикализованные слова. Они указывают только на вид; категория со всеми формальными значениями включается в понятие вида. Эти слова слишком синтетичны по своей структуре, и совершенно очевидно, что новое явление не может быть идентифицировано таким образом, а требует быть определено *per genus proximum et differentiam specificam*, тогда как в словах типа *дом* род и вообще все промежуточные отношения между видом и категорией должны вытекать логически. Соответствующие внешние синтагмы не могут быть ничем иным, как предикативными; *Это дом; Дом это жилище; Он был врачом; Понять — простить* и т. д. Это всегда выглядит как мотивированное вмешательством говорящего лица включение в класс.

2. Дефиниция. Дефиниция слова типа *учитель* объединяет два понятия, уже существующих в языке. Понятие, которое уточняет (T'), всегда опирается на полное слово (основное или, в свою очередь, производное); иначе говоря, дефиниция накладывается на классификацию, и хотя бы поэтому понятие (T') является специфической характеристикой, приложимой ко всему виду, а не к отдельному индивидууму, как выделение особенных черт, различение. Точно так же происходит в сложных словах, с той разницей, что сложные понятия являются более конкретными, например, *водовоз* = *возящий (T) воду (T')*. Однако, как бы конкретно ни было (T), оно опирается на основное слово, обозначающее вид; ср. *водовоз, паровоз* и т. д. Дефиниция — это семиологический прием, но смысл слова, образованного при помощи такого приема, совершенно другое дело. Конечно, *учитель* — это *кто учит*, но обратное не верно: в слове *учитель* идея *учить* является постоянной, главной характеристикой; в синтагме *кто учит* — эта характеристика случайная, временная. Идея *кто учит* более широкая в своем объеме, но более бедная по своему содержанию. Понятно, что новое явление будет всегда оценено таким образом и будет идентифицировано через синтагму. Новые слова всегда имеют синтагматическую структуру.

Необходимо различать две разновидности дефиниции. В одной, как мы это уже видели, категория явления включена в элемент T , например, в слове *учитель*. В другой она дается в элемент T' . Так, *выиграть* = T (*приобрести*) T' (*игрою*), глагольный характер элемента T' берет верх в новом понятии. К этой второй разновидности относятся такие сло-

ва, как *пригород*, *толкнуть*, образованные соответственно от *город* и *толкать*. Конечно, какой-либо концепт, ставший функцией другого концепта, подвергается внутренним изменениям; так, в глаголах, образованных от других глаголов, мы констатируем регулярное изменение вида, не говоря уже о семантических изменениях, свойственных всем производным словам.

Внешние синтагмы, соответствующие изученному типу, весьма многообразны. Однако, каким бы словом ни был член *T*, основным или производным, как в одном, так и в другом случае соответствующее явление уже уточнено, именно поэтому элемент *T'* играет роль различителя, а не уточнителя. В синтагмах *белый (T') дом (T)*, *старый (T') учитель (T)*, *дом (T) отца (T')*, *Мы хорошо (T') отдохнули (T)*, *Дом (T) бел (T')*, *Ветер (T) дует (T')* и т. д. член *T'* приписывает члену *T* характеристику, соответствующую обстоятельствам (в предикативной синтагме временную), имеющую целью отличать данное явление от других явлений того же вида. Иногда члены внешней синтагмы могут быть представлены в обратном порядке: *близна дома, дует ветер*. Такая синтагма (с обратным порядком слов), естественно, опирается на соответствующую обычную синтагму. Логические отношения в синтагме *белый дом* опрокинуты, потому что с психологической точки зрения элемент *белый* в данной ситуации выступает на первый план. В этом конфликте между логикой и психологией язык умудряется отдать должное и той и другой.

Мы не можем останавливаться здесь на изучении процесса лексикализации синтагмы. Заметим только, что синтагмы обязательно лексикализуются, если служат для обозначения собственных имен, например, *Белый Дом* в Вашингтоне, т. е. в тех случаях, когда синтагма обозначает одиночное явление. Причины, ведущие к разрушению сложившихся синтагм, могут быть двух порядков: логического или аффективного¹¹. Какое-либо понятие, отнесенное к серии синонимов, оказывается тем самым отнесенным в определенный класс своего рода и не нуждается более в синтагматическом определении. Под влиянием сильной эмоции синтагматическое сочетание становится также неразложимым блоком, похожим на междометие.

3. Оценка. Оценка накладывается либо на разнесение по классам, либо на определение. Данный психологический факт не вмещается

---

¹¹ См. Ch. Bally. *Le Langage et la vie*, p. 125–126.

полностью в свой вид. Так, *домик* значит, что идентифицированный факт, конечно, *дом*, но дом меньший, чем обычный дом; *учителюшка*, конечно, *учитель*, но хуже среднего; в обоих случаях эталон существует, но у него меняется коэффициент. *Неправда* принадлежит к тому же виду, что и *правда*, но с отрицательным знаком; те же отношения существуют между *беспокойный* и *спокойный*. Оценка может быть или *качественной*, и тогда ее формула *лучше... хуже*, например, ласкательные *Ваня, Ванечка, Ванюшка, Ванюша*; пренебрежительные *Ванька, Ванюшка*; или количественной по формуле *больше... меньше*, например, *доска* > уменьшительное *дощечка*, *дом* > увеличительное *домица, домище*. Количественная оценка обычно сопровождается оценкой качественной: вещи, выходящие за рамки обычного, не оставляют нас равнодушными, они вызывают у нас симпатию или антипатию.

Качественно-количественная оценка накладывается, как мы уже сказали, на обычный, точный анализ. Она, кстати, нацелена только на вид, род уже зафиксирован, и вместе с ним все формальные значения. Только коэффициент или знак эталона изменен. Поэтому качественно-количественная оценка совершенно не касается формальных значений слова, от которого она исходит как от члена сравнения. Например, *топоруще* увеличительное — мужского рода, потому что основное *топор* тоже мужского рода, но его омофон *топоруще* — среднего рода. Точно так же в сочетании *Ждет-пождет старик* или *Все это я уже знаю-перезнаю*¹² вид глаголов *пождет* и *перезнаю* остается несовершенным, как и вид глаголов *ждет* и *знаю*; по той же причине отрицательные слова сохраняют все формальные значения основных слов, например, *беспокоить* так же несовершенного вида, как глагол *покоить*. Оценка синтагматика накладывается на обычное слово, и отсюда вытекает особый порядок членов, ср.: *учитель* (T'T), *домик* (TT'), *учителюшка* (T'T)T'.

Лексикологический план располагает сериями аффективных членов, соединенными с членами-идентификаторами¹³; так, понятие смерти *умереть* (член-идентификатор) располагает для своего выражения синонимической серией аффективно не нейтральных членов: *скончаться, почтить, отдать Богу душу* или *испустить дух, подохнуть* и т. д.

¹² Это у А. Mazon (*Emplois des aspects*, p. 244) мы взяли последний пример. Но автор считает *перезнаю* исключением и относит этот глагол к глаголам «аномальным дуративным» [«duratifs anomaux»].

¹³ См.: Ch. Bally. *Traité de stylistique*.

Процесс лексикализации очень быстро овладевает аффективно не нейтральными синтагмами. Аффективный характер исчезает при злоупотреблении экспрессивностью. Количественная оценка должна неизбежно привести к дифференциации двух видов; для столбяра *дощечка* и *доска* либо различаются как два разных предмета, потому что используются по-разному, либо сливаются, и тогда один неизбежно вытеснит другой. Количественные различия лучше выражаются в процессе индивидуального различения: *маленькая доска*, *большая доска*, и примечательно, что уменьшительные слова и прилагательное *маленький* (а также уменьшительные прилагательные) почти всегда употребляются вместе: *маленькая дощечка*. Отрицательные слова лексикализируются главным образом под влиянием синонимов: *неправда* = *ложь*.

Мы не можем останавливаться здесь дольше на внешних предикативных синтагмах типа *Этот чай лучше того*, *Волга величайшая* или *самая большая река Европы*, *Это не правда*, *Это неправда*; заметим только, что качественная или количественная оценка зависит здесь от говорящего лица, а внешние непредикативные синтагмы типа *наилучший чай* встречаются редко.

4. Транспозиция. В противоположность трем предыдущим типам анализа, представляющим «адекватную» идентификацию, транспозиция основывается на случайных субъективных аналогиях между каким-то данным фактом и совокупностью представлений, обозначенной тем или иным семиологическим эталоном. Говоря *Мост стоит на быках*, мы следуем за нашим воображением, которое способно смешать два разных факта. Но разум мешает нам уподоблять столбы и быков и поддерживает расстояние между *T* (данный факт *столбы*) и *T'* (представление, сопровождающее понятие *быка*). Это имплицитная синтагма, где выражен только *T'*. В любой транспозиции ситуация и контекст играют главную роль, потому что именно они должны подсказать элемент *T*: слово *бык*, взятое отдельно или в другом контексте, вскрывает только свое значение *быка*, «адекватным» знаком которого он является. В переносном значении знак не является больше произвольным знаком, он является символом, и поэтому более или менее мотивированным.

Все лингвистические факты могут быть подвергнуты транспозиции. Только что мы разобрали случай семантической транспозиции. В цепи *Бедный просит милостыню* перестановка затрагивает категорию через посредство вида, так как *бедный* (*T'*-различитель) накладывается на вид (*человек, некто*). В случае *Белое ей идет* категория затронута более не-

посредственно, так как член *T* мыслится крайне обще и сливается с категорией субстанции. В восклицании *Пошел!* транспозиция затрагивает наклонение (и косвенно время, потому что императив его не имеет); мы думаем, предвосхищая реальность, о результате, как если бы он был уже достигнут, и поскольку идея достигнутого результата выражается прошедшим временем совершенного вида, эта форма употребляется без учета других значений, которые она содержит; специальная интонация сообщает транспонированному знаку функцию императивной фразы, однако значения, не затронутые транспозицией, не исчезают, что поддерживает расстояние между адекватным значением этой формы и ее случайным употреблением. И наконец, в фразе *Он раз его по спине!* транспозицией затронута междометие, которому сообщается функция предиката.

Главное в каждой транспозиции — это как раз несоответствие, которое существует между постоянным, «адекватным», значением и случайной функцией, несоответствие, которое поддерживается до тех пор, пока психологическая связь, *tertium comparationis*, существует. Но как только обозначенный факт превращается в автономное понятие, имеющее свое собственное место в системе понятий, ему становится не нужно другое понятие, которое служило для выражения *T'*. Связь разрывается. Каждое из двух понятий непосредственно соединяется со своим знаком. Перед нами два знака, которые в фонологическом плане представляют два означающих и в то же время независимых омофона.

* * *

Транспозиция и синонимия — две стороны одного и того же явления. В духовном мире, достигнуть которого язык стремится через семиологические значения, все непрерывно. Любое значение, которое, как мы полагаем, мы ограничили, реализуя его в фразе, на самом деле лишь точка пересечения серии понятийных фактов с серией психологических фактов. Это значение виртуально может быть одновременно и синонимом и «омонимом».

С логической точки зрения значение неизбежно представляет уточнение рода, а как вид оно входит в понятие соответствующего рода. Так, понятие *учитель* принадлежит серии *учитель, преподаватель, наставник, руководитель, воспитатель* и т. д. — различные виды рода *педагог*. Если в какой-то серии понятий в языке не хватает родового термина или если в ней содержится всего два члена, относящихся друг к другу как

антонимы, это несущественно. Любое значение является членом серии понятий и может перемещаться по всей линии этой серии. Строгая специфическая дифференциация необходима только в теоретической, научной речи, различения родов обычно бывает достаточно, если учесть, что ситуация восполняет остальное. В какой-то конкретной ситуации любой член серии может заменить другой член для представления рода. Так, *тихий* и *бесшумный*, *спокойный*, *мирный*, *безмятежный* прекрасно заменяют один другой, если наше внимание главным образом сосредоточено на общей идее покоя. Можно утверждать, что существуют столь возвышенные идеи, перед которыми оппозиция антонимов также стирается. Синонимическая серия объединяет в понятии рода лингвистические факты, весьма разнообразные с точки зрения каждого из трех низших планов языка. Именно в зависимости от понятийных отношений лексикологического плана происходит лексикализация различных семиологических комбинаций.

Синонимическая серия – серия открытая: число ее членов неограниченно, так как благодаря приему транспозиции какое-либо слово всегда может добавить в серию свое значение. Так значение слова *бык* в фразе *Мост стоит на быках* встраивается в синонимический ряд значений слова *устой*.

Какое-либо значение, которое мы встретили в синонимической серии, может также перемещаться по прямой, так сказать, перпендикулярной первой. С точки зрения психологической, значение представляет собой группировку, организованную представлениями, и, как таковое, оно может вступить в любое объединение, вызванное конкретной ситуацией. Таким образом, оно становится напоминанием, стало быть, знаком других, более или менее случайных группировок представлений. Само собой разумеется, что присущее ему звуковое означающее будет сопровождать его в этом скольжении. В речи мы непрерывно транспонируем все семиологические факты, не отдавая себе в этом отчета. Ибо каждое психологическое явление составляет индивидуальную группировку представлений, которую закрепленные в языке семиологические значения не способны идентифицировать адекватно. Интеллект, который в основном обращается к общему и абстрактному, не видит в этом никакого неудобства. Но наше субъективное «я» стремится к синкретическому восприятию реальности, и транспозиция как раз и является тем средством, которое позволяет ему достигнуть конкретной стороны вещей. Язык, как семиологическая система, базируется на адекватных знаках. Грамматика представ-

ляет собой систему формальных значений, адекватных знаков различных функций, что ничуть не препятствует этим наиболее абстрактным значениям, которые лучше всех ограничены и зафиксированы, транспонироваться и выражать новые функции, созданные новыми психологическими отношениями. Но обычно, чем конкретнее семиологическое значение, тем лучше оно поддается транспозиции, тем легче оно подвергается синонимическому смешению.

Если мы выйдем за пределы концептуальных планов языка, чтобы рассмотреть знак в его звуковом аспекте, мы сможем констатировать, что в различных сериях один и тот же знак может быть снабжен различными функциями, и наоборот: одна и та же функция в различных сериях может быть выражена различными знаками. Ср., например, именительный падеж множественного числа существительных мужского рода различных классов: *столы, паруса, крестьяне, медвежата*; и наоборот, та же фонема *a* выражает разные морфемы в *стола* (род. п., ед. ч.), *паруса* (им. п., мн. ч.), *жена* (им. п., ед. ч.) и т. д.

В фонологическом плане одно и то же явление принимает другой вид. То, что называют «фонемой», является идеальной единицей интеграции (ср. то, что было сказано о категориях и о семантическом значении слов); обе ее стороны (единица услышанная и единица произнесенная) восходят к двум разным порядкам вещей. В акте речи единицы, произнесенные одним из собеседников, оцениваются посредством единиц, услышанных другим. Но невозможно доказать, что два случая оценки, признанные тождественными, объективно являются таковыми. Единица, услышанная несколько раз и каждый раз воспринятая как равная себе самой, может и должна отражать артикуляционные факты, которые не являются абсолютно одинаковыми. Это расхождение не имеет последствий для синхронии: говорящие ориентируются на идеальную фонемную норму и как при фонации, так и при восприятии не принимают во внимание бесконечно малые отклонения от этой нормы. И точно так же, как в лексикологическом плане понятие рода главенствует над понятием вида, здесь вид идеальной фонемы главенствует над конкретной частной реализацией. Что касается принципа, который позволяет различать фонемы как виды, мы думаем, что его нужно искать в морфологическом плане. Эти поиски нас здесь не интересуют.

Транспозиция одного из значений слова может коснуться и других значений. Слово *бык* в фразе *Мост стоит на быках* изменяет свое подкатегориальное значение и становится неодушевленным, например,

Я смотрю на быки моста, а не на быков. Транспозиция прилагательных в предложениях *Бедный просит милостыню* или *Белое ей к лицу* приводит к их «субстантивации», т. е. превращает синтаксическое значение рода и числа в основные значения (а значение падежа из согласованного становится управляемым). В существительном в роли приложения значение падежа из управляемого становится согласованным. Предложение *Пошел!* приобретает интонацию повелительной фразы и т. д. Как мы видим, существуют различные степени транспозиции. Грамматические транспозиции (их также называют «гипостазисы») теоретически ограничены реальным числом формальных семиологических значений, которые должны предоставить *tertium comparationis*. Некоторые из этих транспозиций происходят так регулярно и в столь установившихся условиях, что не хватает малого, чтобы они были включены в грамматическую систему. Таковыми, в частности, являются субстантивация прилагательных и приложение, в которых все формальные значения оказываются транспонированными в одинаковой степени. Если, однако, мы рассматриваем эти два случая как транспозицию, это потому, что семантическое значение слова остается тождественным самому себе и потому, что элемент *T* дан в нем имплицитно, тогда как в деривации семантическое значение было бы изменено вследствие эксплицитного появления нового элемента *T*.

Можно было бы теоретически считать, что каждое перенесение значения должно вести к перемещению знака, так как лингвистический механизм функционирует в целях создания равнозначности между концептуальной дифференциацией и звуковой дифференциацией. Транспозиция формального семиологического значения должна была бы тогда сказаться на всех других формальных значениях. По правде сказать, тогда любая грамматическая транспозиция оказалась бы невозможной. Во всяком случае, такое рассуждение не может быть приложимо к семантической транспозиции: представления, сгруппированные вокруг одного слова, недифференцированы и поэтому не имеют знаков. Кроме того, если бы любое временное случайное изменение в области значений повлекло за собой изменения в области знаков, язык перестал бы существовать. Семиологическая система неизбежно существует вне связи с настроением индивидуума, вне связи с индивидуумами вообще.

* * *

Семантические значения изменяются в объеме в зависимости от того, идет ли речь о виде или о его отдельном представителе. Отношения вида к его представителю, мыслимые *конкретно*, являются отношениями множественности к изолированной единице. Само собой разумеется, что они не совпадают с отношениями множественного числа к единственному. Определенная сумма представителей вида, как бы велика она ни была, еще не составляет вида; так, тысяча деревьев не является эквивалентом леса, даже если этот лес и содержит именно тысячу деревьев. Что касается такого рода отношений, то лучше всего ему отвечает оппозиция коллективного единичному.

Значения единичности и коллективности встречаются лишь sporadически как семантические значения класса, и почти исключительно в народном языке. Так, например, единичное существительное *рыбина* — в противоположность *рыба*, *соломина* — *солома*. В литературном языке перенесение в категорию единичности всегда сопровождается оценкой, например, уменьшительные существительные категории единичности: *соломинка*, *чаинка* и т. д.; обобщающие, как, например, *камень* в противоположность *камень*, весьма редки, за исключением одушевленных существительных отрицательной оценки, таких как *мужичья* в противоположность *мужик*, *бабья* — *баба*, и обобщающих для деревьев, как, например, *сосняк*, *осинник* — [*сосна*], *осина* и т. д.

Разделение вида на конкретные проявления неизбежно базируется на пространственных представлениях, и абстрактные существительные не имеют ни единичных вариантов, ни обобщающих. Понятно также, что в отношении процессов противопоставление вида его представителю должно выглядеть совершенно иначе. Таково, например, различие между двумя сериями глаголов передвижения; так, для выражения понятия «лёт» имеется, с одной стороны, *летать*, который соответствует виду передвижения, и с другой, *лететь* — реализация этого вида передвижения, частный случай [*cas-individu*]. Это единственные глаголы, семантическое значение которых включает детерминацию, положительную или отрицательную, по отношению к понятию пространства: *лететь* включает понятие направления, *летать*, напротив, представляет нулевую степень направления. Процесс, который мыслится как серия однородных актов, признает нечто вроде единичности, ср. глагол мгновенного действия *шагнуть* в противоположность глаголу *шагать*. Прерывистость в этой «единичности во множественности», которая представляет идею вида [*espèce*], находит свое выражение в некоторых редких итеративных и частотных образованиях,

например, *бывал* в противоположность *был* (*быть* в качестве полнозначного глагола) или в предложении *Не певать уж нам так боле!*

Но, как мы уже видели, значение всегда является точным показателем рода, и, следовательно, оно не способно достигнуть частного. Так *соломина* в противоположность *солома* должна обозначать соломенную былинку, но вместе с тем идея былинки соломы составляет новый вид, реальные конкретные особи которого существуют лишь как данные опыта. Поэтому в зависимости от ситуации любое существительное (в единственном числе, потому что множественное слишком конкретно) так же, как и любой глагол (несовершенного вида, так как совершенный вид слишком конкретен), обозначает как вид, так и его представителя. В сочетании *торговка рыбой* речь идет о рыбе как о виде; в высказывании *У нас в аквариуме живет рыба* речь, конечно, идет о представителе вида; если же мы говорим *В этом пруду рыба не живет*, мы обозначаем словом *рыба* вид. Вид не дается как данное опыта, однако в высказывании *Вот так рыба!* речь идет о воплощении идеи вида через его конкретного представителя. Что касается процесса, высказывание *Она поет* может обозначать либо «Она поет сейчас» (частный случай [cas-individu]), либо «Она умеет петь» (видовой случай) и т. д.¹⁴

В этом заключается последний тип анализа, который накладывается на все прочие, тип, необходимый в любом акте речи и поэтому сливающийся с имплицитной актуализацией.

§ 4. Актуализация

Все приемы анализа основываются на идентификации качественной стороны психологического факта, например, последовательное выделение основных черт какого-либо явления направлено на данную асимптотическую точку, которой является индивидуальная, частная сущность этого факта. Однако анализ психологических явлений важен для людей только в той степени, в какой он совершается в связи с действительностью и в своих основах опирается на эту действительность. Не поддаваясь определению, отдельные проявления вида тем не ме-

---

¹⁴ В русском языке оппозиция понятий вида и его представителя лишь в некоторой степени зависит от грамматики, чаще она ведет к семантической дифференциации. Это лучше всего проявляется в обозначении процессов (например, *Она поет*). Иначе обстоит дело в английском языке, ср. *She sings* и *She is singing*.

нее реально существуют, и в жизни мы имеем дело именно с ними, а не с видом в целом. Новая проблема встает перед языком как семиологическим инструментом. Надо установить прямые отношения между концептуальной единицей и единицей, непосредственно данной в действительности. Речь идет не о том, чтобы дать определение или оценку вообще, но о том, чтобы определить данную единицу в зависимости от реальности или просто указать на нее. Именно понятие субстанции особенно нуждается в том, чтобы его соотнесли с реальностью, так как здесь абстрагирование постоянно угрожает выбить у нас почву из-под ног. Мы увидим, как функционирует местоименная система для того, чтобы сделать концепт субстанции адекватным реальности, соотнося его тем или иным способом с говорящим лицом, которое представляется как подлинная реальность, всегда присутствующая в речи. Как мы уже знаем, концепты процесса соотносятся с говорящим лицом через формы наклонения и времени. Напомним, что в русском языке значения наклонения и времени, которые из этого вытекают, не имеют характера синтаксических значений.

Первый этап актуализации¹⁵ затрагивает область количественных отношений между конкретными проявлениями одного и того же вида. Каждое психологическое явление единично или множественно и должно быть отграничено от этой «единичности во множественности», которой является его вид. Так, мы имеем: *пять рыб, одна рыба; Я ему уже говорил об этом, третий дом налево* и т. д. Только существительные, обозначающие число, или имена числительные заслуживают особого внимания. Они образованы значением управляемого падежа и значением числа, наиболее конкретным элементом слова, выполняющим роль его семантического значения. В определительных синтаксических комбинациях числовой элемент, как член наиболее общий, играет роль элемента *T*. Эти комбинации с точки зрения отношений между их членами представляют немало особенностей, в частности, когда они, в свою очередь, становятся функцией какого-либо управляющего члена *T*. Эти особенности восходят к самой природе числовых существительных, которые, будучи актуализаторами, должны отличаться от обычных слов. Количественная актуализация остается, естественно, недостаточ-

---

¹⁵ Ш. Балли дает этому термину несколько другое определение: «Мы актуализуем лексический знак, когда мы указываем, какую долю его смысла мы имеем в виду в каждом случае». *Le Langage et la vie*, p. 76, также см. *BSL*, xxiii, p. 118, n. 1.

ной, так как она направлена только на одну, слишком специальную область отношений; ее дополняет местоименная актуализация. Обе, кстати, встречаются в области выражения неопределенности: *один, однажды*. Так слово *один*, относящееся одновременно к двум системам, отличается по своей структуре от числовых существительных. Оно содержит в себе значение рода, а значение числа у слова *один* меняется: в местоименной серии это значение становится формальным, и слово приобретает семантическое значение; в серии числительных значение числа становится семантическим, и в слове больше не различается единственное и множественное число.

Семантические значения местоимений также очень обобщены, и местоимения составляют связную систему, включенную в общую систему языка. В личных местоимениях наиболее конкретным является значение лица, в связке *быть* (единственном местоименном члене в категории глагола) наиболее конкретным является значение непрерывности, как чистая форма идеи бытийности. Формальные значения местоименных слов также представляют интересные особенности; так, *быть* не имеет вида; личные местоимения за исключением 3-го лица единственного числа не имеют рода; вопросительные, конкретными значениями которых являются одушевленность (*кто?*) и неодушевленность (*что?*), не имеют значения числа; возвратное местоимение не имеет числа, и, кроме того, у него нет формы именительного падежа, и так далее, не говоря уже о морфологических особенностях местоименных слов.

Различные виды местоименных слов определяют по-разному, однако определение, выраженное местоимением, всегда относится хотя бы опосредованно к говорящему лицу. Личные местоимения делают это более непосредственно; указательные являются некоторым видом жеста, прямо указывающего на то, что имеет место, или же на то, что уже было актуализовано, и они делают это исходя из понятий «здесь» и «там», т. е. далеко или близко от говорящего лица; *быть* удостоверяет истинность связи между T' и T , за которую ручается автор речи; другие местоименные слова отрицают отношение какого-либо концепта к реальности: *никто, никогда* или же обобщают: *всё, всегда, везде, всяк* и т. д.

Семантическое значение слов-актуализаторов необыкновенно общее, можно сказать формальное, потому что они призваны установить отношение к реальности, но не уточнять его. Но это значение незначительно и постепенно само конкретизируется и уточняется, и актуали-

заторы приближаются к обыкновенным словам. Так, *пять* (числительное), *пятеро* (собирательное для одушевленных существительных), *пяток* (собирательное для неодушевленных), *пятёрка*, *пятерик*, *пяточок* (обыкновенные слова, образованные от числительного *пять*). Точно так же обычные слова *всякий*, *всяческий*, *всячески*, *всюду* и т. д. примыкают к местоименным: *весь*, *всегда*, *езде*, *всяк*. Так синонимия становится возможной: *все*, *всякий*, *каждый*, *кто-угодно* * и т. д. Как любое семиологическое явление, актуализаторы могут быть превращены в качественные определители. Когда мы говорим *Этого-то я от вас уж никак не ожидал*, очевидно, что слово *этого* не только указывает на факт, но вместе с тем оценивает его. В высказывании *Эта девочка всегда все ломает!* все местоименные слова транспонированы ¹⁶.

Случаи эксплицитной актуализации являются лишь, так сказать, точками осязаемого соприкосновения между умственным миром и чувственной реальностью. До тех пор, пока «функция реальности», по выражению П. Жанэ **, не приведена в расстройство у говорящего лица, любой акт речи базируется на имплицитной актуализации, на стремлении подогнать знак к реальности. Когда говорят *Мост стоит на быках*, ситуация или контекст в качестве ее эквивалента указывают, о каких предметах идет речь, сколько их и обозначает ли глагол *стоит* определенный момент или же общий факт. Наконец, простой жест может часто прямо актуализировать данный психологический факт, делая любую речь ненужной.

§ 5. Выводы

Мы можем прервать здесь наше изложение, и без этого уже слишком длинное для введения. В данной работе мы занимаемся изучением только синтагматического плана системы глагола; лексикология, фонология, а также морфология предикативных и синтаксических значений из нее исключаются по причинам, изложенным в предисловии. Однако, поскольку речь будет идти о внутренней синтагматике

* Орфография С. Карцевского.

¹⁶ См.: V. Mathesius. «Přívlastkové *ten, ta, to* v hovorové češtině» (Naše Řeč, № 2, 1926, Praha).

** Pierre Janet (1859–1947), французский психолог, профессор в Collège de France.

глагола, т. е. о глагольной «деривации», нам показалось необходимым дать здесь некоторые уточнения по поводу префиксации и суффиксации.

Напомним то, что было уже сказано по этому поводу в § 3. Существует два типа определительного анализа: а) *учитель*, б) *пригород*. Характерной чертой первого типа является то, что значение категории в нем выражено в члене *T*; в нашем примере это понятие деятеля содержит значение одушевленности, рода и числа, а следовательно, категорию. Во втором типе носителем формальных значений, и следовательно, категории является *T'*, здесь это понятие *город*. С точки зрения морфологии первый тип является *суффиксальным*, второй — *префиксальным*, иначе говоря, значение суффикса является категориальным или во всяком случае более общим, чем значение префикса. Поэтому отглагольная деривация глаголов, на основе которой различаются виды [aspects] и которая не имеет целью изменить категорию слова, действует через префиксацию. Понятно, что она может затронуть лишь наиболее конкретные значения глаголов, а именно, семантические значения, значение подкатегории (переходность — непереходность) и значение вида (эти два последних значения, будучи формальными, не являются, однако, ни предикативными, ни синтаксическими). Вторичная суффиксация (*выигр-ыва-ть*) всего-навсего стирает значение совершенного вида префиксального глагола и возвращает ему его исходное значение несовершенного, не затрагивая, однако, значение подкатегории¹⁷.

Из всех глагольных суффиксов только суффикс *-нуть* является перфективным. А мы уже видели (см. конец § 3), что здесь речь идет об особом типе анализа, касающемся отношений вида к его конкретному проявлению. Такое образование, как *шагнуть*, является случаем перенесения в категорию единичности, и если глагол при этом изменяет и вид, становясь глаголом совершенного вида, то длительность процесса оказывается упраздненной, не столько за счет понятия результативности, сколько за счет разложения процесса на его составляющие од-

---

¹⁷ Словосочетания типа *заслуживать награды*, где глагол становится непереходным после вторичной имперфективной суффиксации (сравни перфективный и переходный *заслужить награду*), чрезвычайно редки. Мы, кстати, склонны считать, что непереходный характер глагола *заслуживать* связан не столько с вторичной суффиксацией, сколько с аналогичным влиянием простых глаголов несовершенного вида, которые становятся переходными, только становясь перфективными.

народные элементы, длительность которых сведена к нулю. Само собой разумеется, что префикс может иногда присоединяться к однократным глаголам, т. е. что концепт мгновенного процесса может стать функцией «класса», понятие которого представлено каким-либо префиксом, например *отшагнуть*. Но тогда затрагивается только семантическое значение глагола: совершенный вид уже установлен, и приставка не может его стереть; что же касается значения преходности-непереходности основного глагола (в данном случае *шагать*), уже закрепленного однократной суффиксацией, то оно оказывается неприсутственным за такими двойными доспехами [double cuirasse].

Собственно семантическое значение префикса очень расплывчато, именно потому, что оно не «обрамлено» формальными значениями, как это происходит с суффиксами. И если в случае префикса мы говорим о «понятии класса», мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что это выражение не совсем точно. «Понятие класса», кажется, изменяется от одного глагола к другому и зависит в значительной мере от контекста или ситуации. Приставочный глагол представляет собой маленькую идеограмму, очень сложную и часто не поддающуюся расшифровке вне определенной ситуации. Так, например, *выездить* обозначает «заработать (деньги) многочисленными поездками (не пешком; *fahren*)», и необходимо добавить в качестве ключа к пониманию, что это говорится в среде извозчиков. Мы вынуждены были отказаться от нашего намерения систематически изучать глагольные приставки с точки зрения их семантического значения. Это потребовало бы долгого изложения тех отношений, которые существуют в лексикологическом плане, с тем чтобы установить понятийные серии глаголов, так как только по отношению к серии глаголов можно показать регулярный характер семиологических перемещений (синонимических и «омонимических») префиксов, и только потом подойти к распределению их по классам¹⁸.

* * *

---

¹⁸ Слово с префиксом (например, *выучить*) является членом двух синтагматических серий. Так, а) *выучить, обучить, разучить, отучить...* и б) *выучить, выиграть, вылечить, выбросить, выйти...* Вторая более слабая, потому что значение префикса не является значением категориальным. А первая очень сильная: она основана на общем элементе *учить*, который, кроме своего семантического значения, содержит к тому же значение категориальное; префикс (*T'*)

План нашей работы оказывается заранее определенным самой природой предмета изучения. Вот он.

Внутренняя синтагматика глагола, или «деривация», позволит нам отбросить собственно семантическую сторону глагола, которая здесь нас не интересует. Мы сможем таким образом выделить основные формальные значения семантического окружения, составленного понятиями класса. Затем встанут понятия объекта и деятеля, которые присутствуют в любом спонтанном представлении процесса и в зависимости от которых создаются подкатегориальные значения переходности и непереходности и значения процесса «личного» и безличного. Затем мы перейдем к понятию результата и его функциям, т. е. к двум значениям вида. Теперь подошла очередь внешней синтагматики. Вмешательство говорящего лица составляет предикативные значения наклонения, времени, а также значения говорящего лица. После этого останется лишь изучить синтаксические функции глагола: *T* абсолютное, или подлежащее, и различные *T'*: примыкающие, согласованные, управляемые. Здесь удобнее исходить из «форм» инфинитива, деепричастия и причастия, которые более или менее точно соответствуют этим функциям. Ввиду нехватки места мы сможем остановиться более или менее подробно только на форме инфинитива.

Мы считаем, что любой факт в системе глагола, который нам предстоит проанализировать, членится на знак и значение. Значение для нас есть функция, особое отношение между двумя порядками вещей, которое, может быть, невозможно определить, не поднимая онтологических вопросов; но очевидным является то, что ни знак, ни значение не охватывают никакой эмпирической субстанции. Однако нам надо будет установить для каждого семиологического значения его функцию в качестве «адекватного» обозначения и затем его семиологические перемещения, закрепленные в языке. Кроме того, мы проведем как можно более строгое различие между понятиями продуктивного и непродуктивного. Здесь проявляется лишь один из аспектов уже знакомой нам оппозиции между знаком лексикализованным и знаком нелексикализованным, которая вместе с тем является оппозицией между знаком относительно мотивированным и знаком произвольным. Ограничимся здесь этой эмпирической констатацией. Логический и психологический анализ принципа этой оппозиции не может быть

может быть расценен как различитель элемента *T*. Таким образом, структура слов с префиксами является двойкой: *TT'* и *T'T*.

предприят независимо от углубленного рассмотрения проблемы дифференциального знака.

Мы еще раз возвращаемся к основной идее нашей книги. В языковой системе нет субстанции. Вместо того чтобы повторять, как это принято делать, что там, где есть отношения, должны быть и «вещи», между которыми эти отношения установлены, нам хотелось бы утверждать обратное: здесь есть «вещи», значит, есть и отношения, так как «вещи» являются результатом отношений. Мы видели, что элементы обозначения слова — значения формальные, синтаксические, основные, предикативные, подкатегориальные, а также значения класса — являются лишь отношениями. Но и семантическое значение слова, которое кажется всегда тождественным самому себе и формальные значения которого кажутся случайными, и оно является совокупностью представлений, стало быть, и совокупностью отношений. Однако эти отношения принадлежат психологии; их совокупность, не будучи дифференцирована логически, связана с порядком отношений, чуждых языку, и в той мере, в какой он остается «непроницаемым» для игры чисто лингвистических отношений, он предстает как настоящая субстанция. Может быть, можно было бы утверждать, что представление субстанции возникает только в связи с фактами, которые чужды данной системе, но которые ограничивают ее функционирование, такковы отношения между физической стороной звука и психическим содержанием нашего сознания.

II

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

§ 6. Классификация глаголов

Любая классификация неизбежно является статичной, так как можно классифицировать лишь вещи сосуществующие. Классификация русских глаголов должна была бы отразить данное состояние языка, но за пределами этого состояния такая классификация будет иметь весьма относительное значение. А поскольку лингвистическая система никогда не отражает одновременно две соседствующие эпохи, то невозможно создать классификацию, которая отражала бы и систему современного русского глагола, и систему праславянского языка или глагольные системы славянских языков в разные периоды их эволюции. Желая отразить историю явлений, такая классификация исказила бы саму историческую перспективу, заставляя думать, что русский язык не развивается вовсе и что его глагольная система та же, что и тысячу лет назад. Все имеющиеся до сих пор классификации русского глагола можно упрекнуть в стремлении охватить одновременно и диахронию и синхронию¹.

Однако нельзя ли рассматривать любую классификацию просто как удобное, условное средство, лишённое всякой научной значимости, имеющее целью зарегистрировать лингвистические явления, как средство навести в языке немного порядка, в котором ему было отказано природой, и чтобы облегчить его изучение? Но язык — это система, и намереваться внести в него порядок значит просто признать, что мы недостаточно хорошо его знаем. Думать иначе и признавать, что язык это хаос, значило бы отказаться от возможности существования науки о языке.

---

¹ Краткое, но ясное изложение этой проблемы см.: M-elle M. Guihomard. «Des systèmes traditionnels de classement des verbes russes».

Априорно можно утверждать, что глаголы современного русского языка составляют систему, отличную от глагольных систем русского языка в другие эпохи, но в которой все части взаимосвязаны. Определить основные нити, которые соединяют глаголы между собой и которые вместе с тем связывают их с другими словами языка, значит разобраться в законах *внутренней синтагматики*, или *деривации*, законах, управляющих действием глагольного механизма, но вместе с тем это значит и найти естественную классификацию русских глаголов.

Задуманная таким образом классификация никак не может базироваться на различии в типах спряжения. Действительно, современный русский язык располагает тремя типами настоящего времени: *-[^]и* (*-ешь*), *-ош* (*-ёшь*) и *-иш* (*-ишь*); можно ли поэтому утверждать, что *стукнешь* и *толкнёшь* относятся к двум разным глагольным классам или что *играешь* и *лезешь* принадлежат к одному и тому же классу? Правда, спряжение охватывает все формы одного глагола, а не только формы настоящего времени, но тогда возникает новая трудность: такой глагол, как *гореть* — *горят* (*горишь*), принадлежит к типу *хранить* — *хранят* (*хранишь*) или к типу *белеть* — *белеют* (*белеешь*). Ставить ли его рядом с *петь* — *поют* (*поёшь*), составит ли он отдельный класс глаголов на *-еть* — *-ат* и т. д.? Морфология спряжения есть проблема внутреннего порядка, подчиненная проблеме классификации. Русский глагол представлен в спряжении не целиком: так, например, вид чужд спряжению, поскольку каждый вид имеет свое спряжение. Только внутренняя синтагматика (или деривация) может явиться основой для классификации.

В дальнейшем мы постараемся определить степень продуктивности глагольных аффиксов, и в нашей классификации будет проведено строгое различие между продуктивными классами глаголов и группами глаголов непродуктивных.

Русский глагол с продуктивными морфемами образует пять классов; глаголы с непродуктивными морфемами, каковых насчитывается от 380 до 400, легко распределяются по нескольким группам*.

Продуктивные классы:

Класс I (-ат' — -ајўт): *играть, гулять, разбойничать, выигрывать, ахать*.

Класс II (-ет' — -ејўт): *белеть, советь*.

Класс III (-ават' — -ајўт): *рисовать, ночевать, диктовать, массивовать*.

---

* В ① находится на отдельном листе записка, где классификация представлена немного иначе (см. Приложение № 1, л. а — с. 191).

Класс IV (-ит' — -ат): *хранить, мылить, белить*.

Класс V (-нут' — -нут): *толкнуть, стукнуть*.

Непродуктивные глагольные группы:

A — (-ат' — -ут): *сосать, мазать, везать, обнять* (не меньше 157 глаголов).

B — (-ат' — -ат): *кричать* (35 глаголов).

C — (-ет' — -ат): *гореть* (48 глаголов).

D — (-нут', прошедшее время без элемента -ну-): *гаснуть* (60 глаголов).

E — (-т'і или -с'т'): *нести, грызть* (33 глагола).

F — (-ч'): *печь* (16 глаголов).

G — изолированные глаголы: *бить, тереть, дать, мыть, колоть* и т. д. (49 глаголов).

В русском спряжении, рассматриваемом как совокупность глагольных форм, различаются две группы морфем: *группа инфинитива* (инфинитив, прошедшее время, деепричастие и причастие прошедшего времени) и *группа настоящего времени* (настоящее время, императив, деепричастие и причастие настоящего времени). Чтобы определить тип какого-либо глагола, необходимо знать по меньшей мере две формы, например, форму инфинитива и форму 3-го лица множественного числа настоящего времени²; для некоторых непродуктивных групп (D, E и F) необходимо, кроме того, знать форму прошедшего времени.

Пять продуктивных классов представляют пять типов глагольной деривации, и роль каждого класса в организации глагольной системы определяется степенью его продуктивности. В настоящее время источники глагольной деривации следующие: 1) отглагольная, которая одновременно является и видовой; 2) отыменная; 3) подражательная; 4) глагольные заимствования.

1) Отглагольная деривация

А. Префиксальная: (образование глаголов переходных и совершенного вида): *играть* нсв > *выиграть* св; *лежать* нсв и непереходный > *пролежать* св и переходный.

В. Суффиксальная: а) образование глаголов вторичного несовершенного вида: суффиксы *-'ывать, -'ивать, -евать, -ать*: *выиграть* св > *выигрывать* нсв; *согреть* св > *согревать* нсв; *разрубить* св > *разрубать* нсв;

² О важности формы 3-го лица множественного числа настоящего времени см.: Грот. «Филологические разыскания», I. О спряжении русского глагола.

б) мгновенные глаголы совершенного вида: суффикс *-нуть* (и *-ануть*): *толкать* нсв > *толкнуть* (и *толкануть*) св. К мгновенным глаголам совершенного вида могут также прибавляться префиксы: *вытолкнуть*, *подтолкнуть* и т. д.

Словообразовательная видообразующая цепь представляется следующим образом: основной глагол несовершенного вида *толкать* > глагол 1-й ступени * деривации — совершенного вида: *вытолкать*, *протолкать*; *толкнуть*, *оттолкнуть* и т. д. > глагол вторичного несовершенного вида (2-й ступени деривации): *выталкивать*, *проталкивать*, *отталкивать* и т. д. > глаголы вторичного совершенного вида (3-й ступени деривации): *повыталкивать*, *переотталкивать*, *навыталкивать*.

2) Отыменная деривация

Суффиксы: *-ничать* (образование непереходных глаголов): *разбойник* > *разбойничать*, *повеса* > *повесничать*; *-еть* — *-еют* (образование непереходных глаголов): *белый* > *белеть*, *сова* > *советь*; *-ствовать* (образование непереходных глаголов): *пьянство* > *пьянствовать*, *бедствие* > *бедствовать*; *-овать* / *-евать*: *горе* > *горевать*; *-ить* — *-ат* (глаголы обычно переходные): *белый* > *белить*, *пыль* > *пылить*. Продуктивную категорию префиксации составляет отыменная префиксация (следовательно, образование глаголов совершенного вида) на базе имен, не имеющих соответствующих простых (основных) глаголов: *обезлошадеть*, *опайковаться*, *углубить* и т. д. Эти глаголы разбираются так же, как и приставочный перфектив 1-й ступени деривации.

3) Звукоподражательная деривация

Суффикс *-(к)ать*: *ах* > *ахать*, *вы* > *выкать*; *ш...ш...* > *шикать* и т. д.

4) Глагольные заимствования

Суффиксы *-иф-овать*, *-из-иф-овать*, *-из-овать*, *-овать*: *электрифицировать* или *электризовать*, *колонизовать*, *диктовать*.

Различные форманты, которые обслуживают глагольную деривацию, легко группируются в пять классов; именно так складываются пять продуктивных классов. Само собой разумеется, что в этих пяти классах существуют мертвые элементы, т. е. непродуктивные; таковы, например, односложные глаголы, и таким образом, создается переход-

* См. с. 124.

ная зона между продуктивными классами и непродуктивными глагольными группами. Мы вернемся к этому вопросу ниже.

Как только нам становится понятной глубинная структура глагола, и как только мы находим границы, отделяющие продуктивность от непродуктивности, самые важные вопросы, касающиеся русского глагола, такие как ударение, механизм видов, переходность, спряжение, чередование и т. д., становятся легко объяснимыми. В следующих главах мы вернемся к этим вопросам. Но сначала необходимо остановиться на типах ударения в глаголе, которые мы будем различать в дальнейшем изложении.

Можно различать ударение тематическое (*рабо́т-ать* — *рабо́т-ают*) и ударение суффиксальное (*игр-а́ть* — *игр-а́ют*), но это различие не всегда приложимо, когда речь идет о некоторых непродуктивных группах, в которых сема и морфема сливаются, например, *печь* — *пеку́т*, *лечь* — *лягу́т*, *мочь* — *могу́т* (*могу́*).

Движение ударения внутри спряжения позволяет установить различие между ударением неподвижным (*рабо́тать* — *рабо́тают*, *игра́ть* — *игра́ют*, *говори́ть* — *говоря́т*) и ударением подвижным (*ходи́ть* — *ходя́т*, *хожу́*; *тяну́ть* — *тяну́т*, *тяну́* и т. д.). Кроме того, следует различать две разновидности ударения: **а)** о п п о з и ц и о н н о е: *рисува́ть* — *рису́ют*, *рису́ю*, когда каждая группа морфем имеет свое собственное ударение; этот тип характерен для глаголов класса III, где в инфинитиве ударным является последний слог, а также для десятка глаголов непродуктивных групп (*застря́ть* — *застря́нут*, *застря́ну*); **б)** н е п р а в и л ь н о е: *печь* — *пеку́т*, *пёк*, *пекла́*, *пекло́*, где в прошедшем времени ударение переносится на последнюю гласную; этот тип распространяется примерно на 40 глаголов непродуктивных групп E, F и G и затрагивает один глагол класса IV, а именно, глагол *роди́ть-ся* — *родя́т-ся*, *роди́л-ся*, *роди́ла-сь*.

Подвижное³ ударение характеризует около двухсот глаголов, из которых 127 принадлежат к классу IV; 4 глагола относятся к классу V и 75 к непродуктивным группам. Только глаголы с ударением на последнем слоге в инфинитиве могут иметь подвижное ударение. Среди односложных глаголов только глаголы *гнать* — *гоня́т*, *мочь* — *могу́т*, *снять* — *снима́т*, *срать* — *сра́ют* и *стлать* — *сте́лют* имеют подвижное ударение.

---

³ Термин «подвижное ударение» был введен А. Востоковым, см.: «Русская грамматика», § 182 (изд. 4-е).

§ 7. Продуктивные классы

Класс I (-ат' — ајўт): *играть, гулять* *

1. Отглагольные образования

Все глаголы вторичного несовершенного вида принадлежат классу I⁴. Их суффиксами являются: *-ывать/-ивать, -евать* (для образованных от совершенного вида глаголов класса II) и *-ать* (относительно малопродуктивный и все больше и больше заменяется суффиксом *-ывать/-ивать*). Например, *выиграть* св I > *выигрывать* нсв I; *подрисовать* св III > *подрисовывать* нсв I; *переварить* св IV > *переваривать* нсв I; *оттолкнуть* св V > *оттолкивать* нсв I; *согреть* св II > *согревать* нсв I; *разрубить* св IV > *разрубать* нсв I; *отряхнуть* св V > *отряхать* нсв I и *отряхивать* нсв I; *приготовить* св IV > *приготовлять* нсв I и *приготавливать* нсв I и т. д. Чтобы по-настоящему оценить важность этого источника образования, достаточно здесь напомнить, что от каждого основного глагола можно образовать столько приставочных глаголов совершенного вида, сколько имеется продуктивных приставок, т. е. 18, и от каждого приставочного совершенного вида в свою очередь образуется вторичный несовершенный вид.

2. Отыменное образование глаголов

В распоряжении этого способа образования имеется лишь один, но очень продуктивный суффикс *-ничать*: *сапожник* > *сапожничать*, *либерал* > *либеральничать*; *Но он только самбизиозничал* ** (Достоевский. «Бесы», I, 1). Этот суффикс в основном непереходный.

Типы *крепчать* < *крепкий*, *дорожать* < *дорогой*, *обедать* < *обед*, *завтракать* < *завтрак* не являются теперь продуктивными. Единственное новое образование этого типа, известное нам, это глагол *викжелять* презрительный дублет глаголу *викжелить*, что значит «лавировать в политике» (образовано от *викжель* — всероссийский исполн[ительный] ко-

* В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: *брезгать* (*брезговать*?).

⁴ Исключения: *-водить, -возить, -носить, -ходить* (например, *привести* св / *приводить* вторичный нсв); *ложиться, садиться, становиться* (например, *лечь* св / *ложиться* нсв); *давать, знать, ставать* (например, *узнать* св > *узнавать* нсв); отметим, наконец, *падать* (от *пасть* св), неправильность которого заключается в его ударении, но который во всем прочем ничуть не отличается от других глаголов вторичного несовершенного вида класса I.

** В издании 1927 г.: *самбизиозничал*.

митет жел[езных] дорог). По нашему мнению, этот глагол образован под влиянием глагола *вилять* и, может быть, *вихлять*. Отношения между некоторыми старыми отыменными образованиями, такими, как *работать*, *делать*, и соответствующими существительными *работа*, *дело* опрокинуты: в настоящее время эти существительные представляются как образования от первичных глаголов *работать*, *делать*.

3. Подражательное образование *

Почти все подражательные образования могут быть трансформированы в глагол: *ох!* > *охать*, *усь!* > *уськать*, *бай* > *байкать*, *баю* > *баюкать*; тот же суффикс *-(к)ать* употребляется, когда речь идет и о воспроизведении слова как такового, с его звуковыми формами: *вы* > *выкать*, *да* > *дакать*, *не* > *некать*; сравни также: *мадамкать* (Нелли Пташкина. «Дневник», с. 232).

Ударение всегда неподвижное. Если ударение на суффиксе в инфинитиве, оно переносится на третий от конца слог в страдательном причастии прошедшего времени: *проигр́ать* св > *проигранны́й*; исключение составляет *желáнный* от глагола *желáть*, который, кстати, часто воспринимается как простое прилагательное ⁵. Для отглагольных образований ударение в инфинитиве определяется ударением на суффиксах вторичного несовершенного вида ⁶; для других образований ударение в инфинитиве определяется ударением в соответствующих исходных формах.

Все непроезженные глаголы являются глаголами несовершенного вида, за исключением *поймать* св и *обуять* св (очень редкий), которые для нашего языкового сознания сегодня представляются как простые глаголы.

Все глаголы являются двусложными или многосложными, за исключением глагола *знать*.

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца:

3. «— Гм!

— Опять *загумкал!* Со мной не *гумкать!*...

— ... а *гумкаю* для того, что приучаюсь, как ты велела. ...» (Достоевский. «Дядюшк[ин] сон», гл. X).

⁵ Я. Грот цитирует еще *венча́нный* от *венча́ть* («Филологические разыскания», I, с. 415).

⁶ О глаголах вторичного несовершенного вида с неправильным ударением см.: с. 166.

Неологизмы ⁷. Вот несколько примеров: *мешóбничать*, *халтурничать*, *викжелять*; люди из народа, например русские слуги, оказавшись в Швейцарии, говорят *зутéкать* от французского *goûter* (полдник) и т. д. ⁸

Класс II (-ег' — -ејўт): *белеть*

Образование. Почти все качественные прилагательные так же, как и многие существительные, могут образовывать соответствующие глаголы по формуле «быть или становиться таким»: *белый* > *белеть*, *деревянный* > *деревянеть*, *зверь* > *звереть*. Все эти глаголы непереходные ⁹, за исключением первичных *греть*, *жалеть* и *иметь*.

Первичные глаголы следующие:

<i>болеть</i> ,	<i>зреть</i> ,	<i>рдеть</i> ,
<i>владеть</i> ,	<i>иметь</i> ,	<i>сметь</i> ,
<i>говеть</i> ,	<i>млеть</i> ,	<i>спеть</i> ,
<i>греть</i> ,	<i>мреть</i> ,	<i>тлеть</i> ,
* <i>жалеть</i> ,	<i>нреть</i> ,	<i>уметь</i> .

Ударение. Ударение всегда неподвижное. Почти всегда оно падает на суффикс *-еть*. Фонема *е* оказывается безударной только в следующих случаях: **1)** в глаголах, образованных от прилагательных на *-áвый*, *-áтый*, *-ы́вый* / *-и́вый*, *-óвый* и от прилагательных с приставкой *без-*. Эти глаголы воспроизводят ударение их первичных форм ¹⁰: *худощáвый* > *ходошáветь* и т. д.; за исключением *богáтый* > *богатéть* и *вдóвый* > *вдовéть*; **2)** в следующих глаголах, которые также, по большей части, повторяют ударение их первичных:

⁷ О неологизмах см.: А. Mazon. *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918)*; R. Jakobson. *Vliv revoluce na ruský jazyk*; Екатерина Ремпель. «Язык революции и революция языка» (Новый Путь, 28.VIII.21, Рига); нашу статью «Халтура» («Последние Новости», 3.II.1922, Париж) [М., 2000, с. 210–214], а также нашу брошюру «Язык, война и революция»; Edmond Mendras. *Remarques sur le vocabulaire de la révolution russe*.

⁸ Эти несколько примеров не исчерпывают, конечно, области неологизмов. По существу, продуктивный класс неисчерпаем.

⁹ Что не мешает существованию «страдательного» причастия настоящего времени, такого как *владаемый* (книжное).

* В ① (на полях) и в ② (на отдельном листе) добавлено: *довлеть*.

¹⁰ См.: Павский. «Филологические наблюдения», III, с. 37 и Р. Boyer. *De l'accentuation du verbe russe*, с. 435–436; см. также сказанное выше об оценочных словах (с. 54 и сл.).

<i>вѣтрѣть,</i>	<i>пръщевѣть,</i>	<i>тѣневѣть,</i>
<i>дебѣлѣть,</i>	<i>плѣсневеть (или плѣснеть),</i>	<i>убѣжетъ,</i>
<i>ѣндеветъ,</i>	<i>постѣлетъ,</i>	<i>угрѣюметъ,</i>
<i>корѣстетъ,</i>	<i>протѣветъ,</i>	<i>чѣвретъ,</i>
<i>пѣсмурнетъ,</i>	<i>сѣднетъ (или сѣднитъ),</i>	<i>ѣдретъ.</i>

Сюда следует прибавить *червѣнетъ*: «Все поле ярко *червѣнело* золотом от ярко желтевшей сурепицы» (Гоголь. «Из записных книжек»).

В инфинитиве все эти глаголы двусложные или многосложные, за исключением *грѣть, зрѣть, млетъ, мрѣть, прѣть, рдѣть, сметъ, спетъ, тлетъ*.

За исключением глагола *одолетъ* св, все основные глаголы не со-
вершенного вида.

Большинство глаголов класса II, глаголы совершенного вида в особенности, образуют отглагольное прилагательное (безоценочное) на *-лый*: *окаменѣть* св > *окаменѣлый*, *умѣть* > *умѣлый* и т. д.¹¹

Некоторые глаголы класса II испытывают влияние глаголов класса IV, где тоже находятся многие глаголы, образованные от прилагательных (*белить, чернить*), и по аналогии с ними говорят и пишут *обессилит* вместо *обессилѣет*, *ржавит* вместо *ржавеет*, *опротивит* вместо *опротивѣет*, *выздоровлю* вместо *выздоровѣю* и т. д.¹²

Неологизмы: *обольшевѣть* св, *лазурѣть, футурѣть* и т. д.

Класс III (-ават' — -уѣт): *рисовать, горевать*

Здесь мы в первый раз встречаем фонетические чередования: в зависимости от тематического согласного, твердого или мягкого, морфема инфинитива будет *-ават'* или *-еват'*, и это различие сохраняется во всех формах инфинитивной группы. Тематические согласные *ј, ж, ш* и *ѣ* уподобляются мягким согласным: *воеватъ, бушеватъ* и т. д. С другой стороны, обе группы морфем — а именно, морфема инфинитива и морфема настоящего времени — различаются: *рисоватъ* ~ *рисуют*.

Образование. В литературном языке источником деривации считаются заимствованные. Можно утверждать, что нет ни одного иностранного глагола, который не мог бы быть введен в русский язык посредством суффикса *-ировать* или, что реже, *-оватъ*. Кажется, что русский литературный язык окончательно присвоил себе суффикс *-ier-(en)*, который

¹¹ Интересные наблюдения по поводу прилагательных на *-лый* можно найти у А. Потебни в книге «Из записок по русской грамматике», II, с. 134 и сл.

¹² См. другие примеры: В. Чернышев. «Правильность и чистота русской речи», II, с. 252 и сл.

в немецком языке играет аналогичную роль. Например, *редуцировать*, *интернировать*, *дирижировать*, *канонизировать*, *электризировать* или *электризовать*; *диктовать*, *атаковать*, *танцевать*, *колонизовать*, *вербовать*, *штурмовать* и т. д.* Существуют глаголы, которые непосредственно образованы от заимствованных существительных: *шиковать*, *митинговать*, *докторификоваться*, *магистрификоваться*; *бастовать* < *баста!* Отметим также *бронировать* и *советизировать*. Случается, что формы на *-ировать* и на *-овать* сосуществуют: *локализовать* и *локализировать*. В следующих случаях различие форм сопровождается различием смысла: *командовать* — *командировать*, *формовать* — *формировать*¹³. В народе известен только суффикс *-овать*, и русские солдаты, например, находясь во Франции, говорили *ангажевать*, а не *ангажировать*; глаголы типа *митинговать*, как нам кажется, также являются народным образованием. Напротив, в литературном языке суффикс *-ировать* более распространен: такие глаголы, как *компиливать*, *цитовать*, замеченные Далем и Гротом, или *корректировать*: «Сижу день и ночь; езжу, пишу, *корректую*» (Достоевский, письмо к Тургеневу от 14.XII.1864), окончательно заменены глаголами *компилировать*, *цитировать*, *корректировать*. Вот еще несколько любопытных образчиков глаголов, «русифицированных» таким образом, они в основном взяты из газетных колонок: *эвапорировать*, *шиканировать*, *инсталлировать*, *тангировать*, *гангировать*¹⁴, *гутировать* (ср. *гутекать*, упомянутый выше и образованный в народной среде), *композировать*¹⁵, *эффектировать*¹⁶, *афранировать* (кажется, воспринимается как глагол совершенного вида) и т. д. и т. д. «Я уже не предполагаю *контрекартировать*... ваши убеждения («Идиот», III, IX).

Отыменное образование. Глаголы образуются преимущественно от существительных среднего рода на *-ство* и *-ствие*: *царство* > *царствовать*, *торжество* > *торжествовать*, *бедствие* > *бедствовать*. Но просто суффикс *-овать*/*-евать* вообще продуктивен, особенно в народе: *гусь* > *гусевать*, *лицо* > *перелицевать* св, *блядь* > *блядовать*, *паек* > *отайковаться* св и т. д. Но вообще образование глаголов от существительных с нулевым суффиксальным формантом является бесспорной привилегией класса IV.

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца: *бомбардировать* [sic], ср.: *бомбить*.

¹³ См.: В. А. Богородицкий. «Общий курс русской грамматики», с. 493.

¹⁴ Р. Якобсон (*Vliv revoluce na ruský jazyk*) отмечает употребление этого глагола Достоевским.

¹⁵ Тургенев. «Провинциалка», XV.

¹⁶ Белинский. «Статьи о Пушкине».

Ударение. Ударение неподвижное, если падает на основу глагола. Если ударение суффиксальное, оно падает в инфинитиве на элемент *-ва́*, а в формах группы настоящего времени на элемент *-у́*: *рисува́ть* ~ *рисую́т* (страдательное причастие прошедшего времени с ударением на третьем от конца слоге). Этот тип ударения, который позволяет выявить оппозицию между двумя группами морфем, может быть назван оппозиционным ударением.

Глаголы, образованные от существительных на *-ство* и *-ствие*, воспроизводят ударение своих исходных форм. Если суффикс *-ство* ударный, соответствующий глагол будет также иметь ударение на суффиксе; за исключением *вдовствó > вдовствовать*. Заимствования на *-ировать* колеблются между двумя типами ударения: а) ударение на элементе *-ва-*, соответствующее большей части русских глаголов класса III, и б) ударение на элементе *-иѳ-*, в соответствии с немецкими глаголами на *-ieren*¹⁷. Именно этот последний тип, кажется, становится наиболее распространенным в русском языке сегодня. Отметим три случая семантической дифференциации, связанной с различным ударением: *планирова́ть* (снять план) и *плани́ровать* (лететь с выключенным мотором); *милова́ть* (ласкать) и *ми́ловать* (прощать вину); *балова́ть* (неперех., шалить) и *ба́ловать* (перех., исполнять все желания кого-нибудь).

Все прочие имеют ударение на элементе *-ва-*, за исключением:

<i>бесе́довать,</i>	<i>орудо́вать,</i>	<i>сле́довать,</i>
<i>ве́ровать,</i>	<i>па́мятовать,</i>	<i>соболе́зновать,</i>
<i>доса́довать,</i>	<i>па́сынковать,</i>	<i>собо́ровать,</i>
<i>жа́ловать,</i>	<i>па́льзоваться,</i>	<i>сове́товать,</i>
<i>же́ртовать,</i>	<i>по́тчевать,</i>	<i>се́товать,</i>
<i>зави́довать,</i>	<i>пра́здновать,</i>	<i>трапе́зовать,</i>
<i>изоби́ловать,</i>	<i>прóбовать,</i>	<i>тре́бовать,</i>
<i>испове́довать,</i>	<i>ра́довать,</i>	<i>уро́довать,</i>
<i>кома́ндовать,</i>	<i>расхо́довать (запфи́-</i>	<i>хри́стóсоваться.</i>
<i>ми́ловать,</i>	<i>довать св),</i>	

В инфинитиве, естественно, все глаголы имеют больше двух слогов. Единственный двусложный глагол — *днева́ть* ~ *дню́ют*¹⁸, основа которого опирается на основу с беглой гласной *день* ~ *дни*.

¹⁷ См.: P. Boyer. *De l'accentuation du verbe russe*, с. 441—442 и 439—440.

¹⁸ Грот («Филологические разыскания», I, с. 318) совершает ошибку, приписывая этому глаголу подвижное ударение.

Что касается вида, то глаголы класса III не представляют в этом отношении однородной группы. Большинство заимствованных глаголов вовсе неопределенны по отношению к виду или же, что в общем то же самое, способны к двум употреблением, одно употребление совершенного вида, другое несовершенного вида: *телеграфирую* значит «телеграфирую сейчас» или «пошлю телеграмму», точно так же *абонировать*, *атаковать* и т. д. Среди других основных глаголов *миновать* (пройти мимо) является то глаголом совершенного вида, то глаголом несовершенного вида.

Существует небольшое число глаголов, инфинитив которых представляет некоторое сходство с такой же формой глагола класса III, но на самом деле эти глаголы принадлежат другим классам. Это вторичные глаголы несовершенного вида, образованные от совершенного вида глаголов класса II ¹⁹: *согреться* < *согреть* св, *овладеть* < *овладеть* св и т. д.; так же как и некоторые вторичные глаголы несовершенного вида, образованные от совершенного вида глаголов класса IV: *затмевать* < *затмить* св, *отомщевать* (редкий) < *отомстить* св, *растлеть* < *растлеть* св, *успеивать* < *успевать* св; и, наконец, отдельные глаголы несовершенного вида: *здороваться* (исключительно ударение предупреждает нас о том, что этот глагол не принадлежит классу III), *намереваться*, *обучать* < *обучать* св I, *обуревать*, *уповать*, *увещивать*. Все эти глаголы принадлежат классу I. Что касается двусложных глаголов *ковать* ~ *куют*, *жевать* ~ *жуют* и т. д., само собой разумеется, что они чужды классу III ²⁰.

Неологизмы. Неологизмов слишком много, особенно в области заимствований, чтобы мы могли их все процитировать. Мы укажем лишь: *большевистствовать*, *либерданствовать*, *кадетствовать*, *буржуистствовать*, *опайковаться*, *митинговать*, *зафильмовать*.

Класс IV (-ит' — -ат): *хранить*, *ранить*

Глаголы этого класса представляют значительное число фонетических и тонических особенностей, неизвестных другим классам глаголов. Хотя в наше намерение не входило изучать здесь спряжение, ока-

¹⁹ Они немногочисленные: глаголы класса II являются главным образом непереходными, не позволяют столь же богатой префиксации, как глаголы других классов, потому что префиксация, делая глагол перфективным, стремится в то же время сделать его переходным.

²⁰ См. с. 99.

зывается необходимым отметить, что морфема 3-го лица множественного числа настоящего времени, *-ат* под ударением (*храня́т, говоря́т*), звучит вне ударения *’ят* (*ра́нят = ран’ят*). Форма императива также неодинакова, она меняется в зависимости от типа ударения (*храни́, ра́нь*).

Согласные основы подвержены чередованию в 1-м лице единственного числа настоящего времени и в страдательном причастии прошедшего времени — зубные чередуются с шипящими: *садить, сажу, посаженный; крутить, кручу, закрученный; грузить, грузу, нагруженный; косить, кошу, скошенный; чистить, чищу, очищенный*; губные палатализируются посредством *l’*: *любить, люблю, влюбленный; топить, топлю, натопленный; ловить, ловлю, изловленный; графить, графлю, разграфленный; кормить, кормлю, накормленный*. Небольшое количество глаголов²¹ представляет чередования отжившего типа, которые сегодня не используются, например, *возбудить, возбужденный; превратить, превращу, превращенный; вонзить, вонзенный* и т. д.

Образование. Класс IV в основном представлен образованиями отыменными; эти глаголы образуются или от прилагательных, или от существительных.

А. Глаголы, образованные от прилагательных. Почти все прилагательные могут образовывать глаголы класса IV. Эти глаголы, в противоположность тем, которые относятся к классу II, чаще всего переходные; там, где глагол непереходный, он обозначает все-таки действие, а не состояние или становление, что свойственно глаголам класса II, а также некоторым глаголам класса I, образованным также от прилагательных. Например, *золотить < золотой, белить < белый* (ср.: *белеть*), *обезлошадить св < безлошадный* (ср.: *обезлошадеть св*), *облагородить св < благородный, дорожить (чем-нибудь) < дорогой* (ср.: *дорожать*)*.

Б. Глаголы, образованные от существительных. Можно сказать, что нет существительных (за исключением, конечно, тех, что образованы с суффиксом *-ник, -ство* и *-ствие*), от которых невозможно было бы образовать глаголы класса IV. Существительные с нулевым суффиксальным формантом особенно годятся для этого. Например, *мыть <*

²¹ Довольно полный перечень глаголов имеется в книге В. Чернышева «Правильность и чистота русской речи», II, с. 292 и сл. [В ① добавлено: с. 306 и сл.].

* В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: «Ком снега невозможно *растать* мгновенно» (Л. Толстой. «Война и мир», IV, ч. 2-я, гл. XIX, в конце). Ср.: непереходный *растаять*.

мыло, заземлить св < *земля*, *разбазарить* св < *базар*, *гиперболизировать* < *гипербола*, *сдокументить* св < *документ*, *телефонить* < *телефон*, *насобачиться* св < *собака*, *церемониться* < *церемония*; «*Расцыганили ее золовушка*» (Аксаков. «Семейная хроника», IV), «*Наафони* я, говорит, на своем веку немало» (Достоевский. «Братья Карамазовы», III, VIII), «*Лучше не саввить и не варварить, а пониколить*» (Даль).

По поводу этих глаголов необходимо отметить, что почти все приставочные глаголы являются переходными (большое число среди них не существует без приставки, например, *сдокументить*, *переборщить* и т. д.). Переходны и приставочные глаголы, образованные от числительных: *удвоить*, *утроить* и т. д. Напротив, глаголы обозначающие «метать», «рождение детенышей зверей»: *цениться*, *ожеребиться* св и т. д., относятся к непереходным и даже возвратным глаголам.

Ударение. Глаголы класса IV имеют ударение на суффиксе или на последнем слоге основы²². Глаголы, в которых ударение падает в иных местах, немногочисленны, их около двадцати:

<i>блáговестить</i> ,	<i>-кúпорить</i> ,	<i>сóвестить</i> ,
<i>бúторить</i> ,	<i>лáкомить</i> ,	<i>стóпорить</i> ,
<i>гипéрболить</i> ,	<i>-мíлостивить</i> ,	<i>сúдорожиться</i> ,
<i>грáмотить</i> ,	<i>нáзуть</i> ,	<i>тáбориться</i> ,
<i>гúтóрить</i> ,	<i>нáрусить</i> ,	<i>у́росить</i> ,
<i>знáхарить</i> ,	<i>нáзуть</i> ,	<i>штéмпелить</i> (лучше:
<i>кáверзить</i> ,	<i>-порядочить</i> ,	<i>штемпелевáть</i> , III),
<i>клéйстерить</i> ,	<i>сáхарить</i> ,	<i>я́корить</i> .

Можно заметить, что в большинстве случаев ударение этих глаголов основывается на ударении их первичных форм.

Подвижное ударение. Среди глаголов, у которых ударение приходится в инфинитиве на суффикс, примерно 127 имеют подвижное ударение. Мы приводим их список (глаголы, которые могут также иметь неподвижное ударение, отмечены в списке звездочкой):

* <i>белíть</i> ,	<i>боронíть</i> ,	* <i>варíть</i> ,
<i>бесíть</i> ,	<i>бродíть</i> ,	<i>водíть</i> ,
* <i>блудíть</i> ,	<i>будíть</i> ,	<i>возíть</i> ,
* <i>божíться</i> ,	* <i>валíть</i> ,	* <i>волочíть</i> ,

²² Однако пока еще невозможно установить отношение между ударением глаголов класса IV и ударением существительных, от которых они образованы.

*вопíть,	ловíть,	становíть,
воротíть,	-ложíть,	стелíть,
*гасíть,	*ломíть,	стрелíть СВ,
глушíть,	*лудíть,	*студíть,
*гнездíться,	лунíть,	ступíть СВ,
*городíть,	-лучíть (по-),	судíть,
*графíть,	любíть,	*сулíть,
*грюзíть,	*манíть,	*сучíть,
губíть,	-менíть (с-),	*сушíть,
давíть,	*месíть,	тащíть,
*дарíть,	молíть,	-творíть (со-),
делíть,	молотíть,	телíться,
*доíть,	мочíть,	теребíть,
дразнíть,	носíть,	топíть,
*дрочíть,	*облокотíться СВ,	торопíть,
*душíть,	*очутíться СВ,	точíть,
женíть,	платíть,	*травíть,
занозíть, СВ	*поíть,	*трубíть,
*золотíть,	проглотíть СВ,	*трудíться,
*зубрíть,	просíть,	тужíть,
*катíть,	прудíть,	*тупíть,
*клеíть,	пустíть СВ,	*турíть,
клонíть,	*резвíться,	тушíть,
колотíть,	-ронíть (у-),	учíть,
копíть,	рубíть,	хвалíть,
кормíть,	*ручíть (при-),	хватíть СВ,
*коротíть	*рядíть,	ходíть,
*косíть,	*садíть,	хоронíть,
*крестíть,	*светíть,	*цедíть,
*кроíть,	сердíть,	ценíть,
*крошíть,	скобíть,	-цепíть (при-),
*кружíть,	скоблíть,	*чертíть,
крутíть,	-сочíть,	*чинíть,
купíть*,	*слонíть,	*шевелíть,
курíть,	служíть,	шутíть,
-кусíть (у-),	-собíть (по-),	щекотíть (народ.),
*ленíться,	*солíть,	*щенíться,
лепíть,	*сорíть,	явíть СВ.
лечíть,		

* В ① добавлено: св.

В разговорной речи, не слишком отшлифованной, иногда говорят *звоб́нят* (возможно, под влиянием глагола *трезвоб́нить* < *трезвон*), а также *говоб́рено*. Префиксация изменяет иногда тип ударения, например *тво́рить* — *творя́т*, но *отво́рить* — *отво́рят* св; *студíть* имеет двоякое ударение, но в приставочном наблюдаем: *простудíться* св — *простудя́тся* и т. д. В некоторых случаях разница в ударении ведет к семантическому различию: *косíть* — *кося́т* (глазами) ~ *косíть* — *ко́сят* (косой), *крестíть* — *крестя́т* (ребенка) ~ *крестíть* — *крéстят* (осениться крестным знаменем). Отметим еще случай переноса ударения в прошедшем времени: *родíл*, *-á*, *-ó*, *-í* совершенного вида, но *родíла* несовершенного вида и появляется как дублет литературной формы *рожа́ла*²³. Напротив, с приставкой этот глагол представляет неподвижное ударение, например, *возро́диться*, *наро́дить* и т. д. Подвижный тип ударения непродуктивен, наш список глаголов класса IV насчитывает 127 глаголов, число, которое приближается к указанному Гротом²⁴; все неологизмы отличаются неподвижным ударением; наконец, бо́льшая половина цитированных выше глаголов также позволяет неподвижное ударение.

С точки зрения вида глаголы класса IV не представляют единства: некоторые простые глаголы — совершенного вида (см. список простых перфективных глаголов на с. 138)^{*}.

С другой стороны, категория приставочных глаголов, образованных непосредственно от существительных и, естественно, являющихся перфективными, очень продуктивна: *обнажи́ть*, *обезгла́вить*, *сдокуме́нтить*, *переборщи́ть*, *защити́ть* и т. д.

Однословных глаголов насчитывается восемь: *дли́ть*, *зли́ть*, *льсти́ть*, *мни́ть*, *мсти́ть*, *тлѝ́ть*, *тщи́ться*, *чти́ть*.

Рядом с формами *му́чить* — *-ат*, *нянчи́ть* — *-ат* встречается *му́чая*, *му́чают*; *нянчал*, *нянчают*. *Чти́ть* в 3-м лице мн. ч. представляет форму *чтут*, *чтущий*.

Неологизмы. Неологизмов в этом классе очень много: *викже́лить*, *заземли́ть* св, *фригроб́иться* св, *угроб́ить* св, *разбазáрить* св, *халту́рить*, *чеквалáпить* и т. д., и т. д.

²³ См.: С. Агрель. «Наблюдения над колебанием ударения в русском языке», с. 5: «...*родíла* показывает сам процесс действия (*роды*), и *родилá* констатирует только результат действия (*факт рождения*, появление на свет)».

²⁴ Грот: «Филологические разыскания», I, с. 319–327.

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца: *ки́нуть*, без соответствующего глагола несовершенного вида.

Класс V (-нут' = -нут): толкн^уть, ст^укн^уть

В зависимости от суффикса, ударного или безударного, имеет место два типа спряжения: *толкнёшь* (*толкн'ош*) и *ст^укнешь* (*стукн'ли*).

Все глаголы являются глаголами совершенного вида, кроме *гнуть*, *лгнуть*, *тонуть* и *тянуть*.

Образование. Почти от любого глагола несовершенного вида можно образовать мгновенный глагол совершенного вида с суффиксом *-нуть*; это образование возможно, если имперфективный глагол является сколько-нибудь конкретным по смыслу и обозначает процесс, который воображение говорящего может разложить на серию действий без длительности, следующих друг за другом во времени. Например, *жевнуть* < *жевать*, *шагнуть* < *шагать*, *курнуть* < *курить*, *рискнуть* < *рисковать*, *шевельнуть* < *шевелить*, *всплакнуть* < *плакать*; в народной речи *линуть* или *ленуть* < *лить* и т. д. Другим суффиксом для образования мгновенных глаголов, который главным образом употреблялся в народной речи, но теперь уже проник и в литературную, является суффикс *-ануть*, например, *толкануть* < *толкать*, *дергануть* < *дергать*, *тряхануть* < *тряхнуть* и т. д. «Голос ее, как ножом, *резанул* его по сердцу» (Тургенев. «Дворянское гнездо»), «Погляди, погляди! — *рыданул*, проходя мимо, прохожий» (А. Н. Толстой. «Хождение по мукам», XXXV) и т. д.* В сравнении с обычными мгновенными глаголами глаголы с суффиксом *-ануть* представляют действие совершенно изолированное, выхваченное, так сказать, из процесса, рассматриваемого как одно целое, поэтому они способны выражать мгновенное и ослабленное действие: «Паром *толканешь*, а он уже и на другой стороне» (Короленко. «Убивец»), они могут также выражать действие мгновенное, но резкое и интенсивное (ср. *резанул*, цитированный выше²⁵).

Ударение. Ударение неподвижное, за исключением *обман^уть*, *помян^уть*, *тон^уть* нсв, *тян^уть* нсв и в приставочных образованиях от глагола *-глян^уть*. Грот прибавляет сюда и глагол *мин^уть*²⁶, но ударение *мин^уть* гораздо более распространено.

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца: «Эка, *сказанул*...» (Ал. Бек. «Волоколамское шоссе»).

²⁵ Можно найти иную оценку глаголов с суффиксом *-ануть* у Греча в «Чтениях о русском языке», I, с. 297 и у В. Чернышева, указ. соч., с. 231.

²⁶ Грот. Указ. соч., с. 321.

Вообще глаголы класса V имеют ударение на том же элементе, что соответствующий глагол несовершенного вида²⁷. Существует, однако, около двадцати исключений из этого правила:

<i>булты́хнуться</i> (несмотря на <i>булты́хаться</i>),	<i>сви́стнуть</i> (<i>свисте́ть</i>),
<i>-ви́знуть</i> (<i>ви́зжаться</i>),	<i>скри́пнуть</i> (<i>скрипе́ть</i>),
<i>гля́нуть</i> ²⁸ (<i>гляде́ть</i>),	<i>сту́кнуть</i> (<i>стуча́ть</i>),
<i>ки́нуть</i> (<i>кида́ть</i>),	<i>трухну́ть</i> (<i>тфу́сить</i>),
<i>кри́кнуть</i> (<i>крича́ть</i>),	<i>хвастну́ть</i> (<i>хва́стать</i>),
<i>кувы́ркнуться</i> (<i>кувы́ркаться</i>),	<i>хру́стнуть</i> (<i>хрусте́ть</i>),
<i>мазну́ть</i> (<i>ма́зать</i>),	<i>хря́стнуть</i> (<i>хрясте́ть</i> и <i>хря́стать</i>),
<i>ми́нуть</i> (<i>миновáть</i>),	<i>черпну́ть</i> (<i>че́рпать</i>),
<i>пе́рнуть</i> (<i>перде́ть</i>),	<i>шмыгну́ть</i> (<i>шмы́гать</i>),
<i>пры́гнуть</i> (<i>пры́гать</i>),	<i>шоро́хнуть</i> (<i>шороши́ть</i>).

К этому списку надо прибавить два мгновенных глагола, соответствующих односложным глаголам несовершенного вида: *дунуть* (*дуть*) и *рвануть* (*рвать*).

Односложных глаголов всего четыре: *гнуть*, *лгнуть*, *пнуть*, *ткнуть*.

Среди неологизмов, которых необыкновенно много, можно процитировать: *блефну́ть*, *викжельну́ть*, *живну́ть*, *мобилизну́ть*, *дезертну́ть*, *спекельну́ть*, *халтурну́ть*, *дра́пну́ть*^{29*}.

Таковы пять продуктивных классов. Подобно пяти большим широким каналам, они снабжают русскую глагольную лексику. Каждый из этих классов играет определенную роль в организации глагольной системы.

Один из классов поставляет глаголы вторичного несовершенного вида (класс I), другой образует мгновенные глаголы совершенного вида (класс V), следующий класс производит, прежде всего, переходные глаголы (класс IV), тогда как глаголы, образованные от имен, глаголы класса II, прежде всего непереходные, и т. д., и т. д. Рассматривая классы последовательно, от I до IV, можно наблюдать переход от более

²⁷ См.: Р. Воеуг. Указ. соч., с. 426–427.

²⁸ В приставочных глаголах ударение подвижное (см. выше), и оно всегда на суффиксе инфинитива: *загляну́ть*, *пригляну́ться* (исключением, естественно, является *вы́глянуть*).

²⁹ Почти все эти неологизмы относятся к различным типам аргю, и очень трудно найти для них французский эквивалент.

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца: *Регульну́ть* (< *регули́ровать*).

простого к более сложному. Действительно, классу I незнакомо фонетическое чередование, его спряжение, ударение и видовой характер представляют большое единство; следующий класс в этом отношении почти так же един, но не совсем (ср. ударение глаголов, образованных от имен); но уже класс III представляет осложнения в ударении и в спряжении, и в нем имеют место фонетические чередования, он неоднороден и в отношении вида. В классе IV «неправильности» оказываются собранными вместе. Наконец, класс V совершенно отличный от других, так как весь состоит из глаголов совершенного вида, и его глаголы образуются от глаголов предшествующих классов. Теперь понятно, что порядок, в котором мы представили пять классов, не является абсолютно произвольным.

В живых классах не все продуктивно в одинаковой степени, существуют даже части, совершенно отмершие; так, например, ни один из новых глаголов не будет моделироваться по типу односложных глаголов, он не будет также воспроизводить чередование типа *возбудить, возбуждать, возбужденный*, и его ударение не будет подвижным; если речь идет о глаголе отыменного образования, то весьма сомнительно, чтобы его морфема была *-ать*, как в глаголе *обедать*, и т. д., и т. д. Таким образом, между продуктивными классами и непродуктивными группами устанавливается переходная зона.

§ 8. Непродуктивные группы

Морфемы непродуктивных глагольных групп не оказывают больше влияния по аналогии на другие глаголы: совершенно очевидно, что ни один глагол не будет повторять формы глагола *нести, нести* или *писать, писать*. С точки зрения лексики это иногда глаголы наиболее живучие, потому что нередко они обладают высокой частотностью, но — и это лишь одно из противоречий языка — для грамматики они «мертвы». Их морфемы служат лишь для спряжения. Эти глаголы, не будучи достаточно закрепленными в рамках своей семьи слов, легко отделяются; поэтому они легко поддаются влиянию по аналогии более сильных типов (отсюда «изобилие» форм), а также подвергаются действию фонетических законов: сема и морфема, больше не противопоставляясь друг другу в достаточной степени, в конце концов сливаются. Вот почему мы констатируем в непродуктивных глагольных группах большое количество чередований, несоответствующие основы, странные

формы, большое число односложных глаголов (из 400 глаголов 62 односложных, тогда как в живых классах их насчитывается всего 22 на тысячи глаголов), непредвиденный перенос ударения (только глаголов с подвижным ударением насчитывается 75, тогда как их всего 130 во всех продуктивных классах) и множество других неправильностей.

Речь пойдет не об определении типичного значения каждой глагольной группы: теперь место типичного займет индивидуальное и особенное, и нам остается всего лишь составить насколько возможно тщательнее списки глаголов грамматически «мертвых».

Группа А (-ат' — -ут)

В эту группу входят ³⁰:

<i>алкать</i> — <i>алчут</i> (и <i>алкают</i>)*,	<i>веять</i> — <i>веют</i> ,
<i>баять</i> — <i>бают</i> ,	<i>взять</i> — <i>возьмут</i> СВ,
<i>блеять</i> — <i>блеют</i> ,	<i>внять</i> СВ — <i>внемлют</i> НСВ,
<i>блистать</i> — <i>блещут</i>	<i>вопить</i> — <i>вопиют</i> ,
(и <i>блистают</i>),	<i>врать</i> — <i>врут</i> ,
<i>бормотать</i> — <i>бормочут</i> ,	<i>вязать</i> — <i>вяжут</i> ,
<i>брать</i> — <i>берут</i> ,	<i>гаять</i> — <i>гают</i> ,
<i>брехать</i> — <i>брешут</i> ,	<i>глодать</i> — <i>гложут</i> ,
<i>брызгать</i> — <i>брызжут</i>	<i>гоготать</i> — <i>гогочут</i> ,
(и <i>брызгают</i>),	<i>грать</i> — <i>грают</i> ,

³⁰ Глагол *бежать* — *бегут* относится к группе В.

* В © на отдельном листе напротив этого списка:

вава́кать : вавáчут и вавáкают — подражать крику (бою) перепела. Преображенский: «...сначала перепел *вавачет*, то есть кричит похоже на слоги: ва-ва, вавва...» (Аксаков).

вы́нять, вы́ймут > вы́нуть V / вынима́ть.

От избытка сердца уста глаголют.

диал[ектное] кика́ть, -чут и -ают, издавать звук ки-ки (птицы). См. Преображенский: «*исв.[?]* ки[ы]кати, куковать». Ср.: Слово о полку Игореве — «Ярославна рано зегзицею кычет» [«Ярославнынъ гласъ слышити зегзицею незнаемь, рано кычетъ»]

Кокотáть, кокóчут «Курочка кокóчет, яйцо снести хочет» см. Преображенский

колготáть, -лгóчут, спорить, вздорить, ворчать

курлы́кать, курлы́чут «Кто не слышал их ⟨журавлей⟩ прозительного *курлы́канья...?*» (Аксаков).

<i>грохотать</i> — <i>грохочут</i> ,	<i>кропотать</i> — <i>кропочут</i> ,
<i>двигать</i> — <i>движут</i> (<i>двигают</i>)*,	<i>кудахтать</i> — <i>кудахчут</i>
<i>донять</i> — <i>доймут</i> СВ,	(<i>кудахтают</i>)**,
<i>драть</i> — <i>дерут</i> ,	<i>лаять</i> — <i>лают</i> ,
<i>дремать</i> — <i>дремлют</i> ,	<i>лгать</i> — <i>лгут</i> ,
<i>дрисать</i> — <i>дрищут</i> ,	<i>лелять</i> — <i>леляют</i> ,
<i>ебать</i> (<i>ети</i>) — <i>ебут</i> ,	<i>лепетать</i> — <i>лепечут</i> ,
<i>ехать</i> — <i>едут</i> ,	<i>лизать</i> — <i>лижут</i> ,
<i>жаждать</i> — <i>жаждут</i> (<i>жаждают</i>),	<i>локать</i> — <i>лочут</i> (<i>локают</i>),
<i>жать</i> — <i>жмут</i> ,	<i>лопотать</i> — <i>лопочут</i> ,
<i>жать</i> — <i>жнут</i> ,	<i>лоскотать</i> — <i>лоскочут</i> ,
<i>ждать</i> — <i>ждут</i> ,	<i>мазать</i> — <i>мажут</i> ,
<i>жрать</i> — <i>жрут</i> ,	<i>макать</i> — <i>мачут</i> (<i>макают</i>),
<i>занять</i> — <i>займут</i> СВ,	<i>махать</i> — <i>машут</i> (<i>махают</i>),
<i>застрясть</i> — <i>застрянут</i> СВ,	<i>маять</i> — <i>мают</i> ,
<i>затеять</i> — <i>затеют</i> СВ,	<i>метать</i> — <i>мечут</i> (<i>метают</i>),
<i>зачать</i> — <i>зачнут</i> СВ,	<i>мурлыкать</i> — <i>мурлычут</i>
<i>звать</i> — <i>зовут</i> ,	(<i>мурлыкают</i>),
<i>зигдеться</i> (<i>недостаточный</i>),	<i>мыкать</i> — <i>мычут</i> (<i>мыкают</i>),
<i>зобать</i> — <i>зоблют</i> ,	<i>мять</i> — <i>мнут</i> ,
<i>зыбать</i> — <i>зыблют</i> (<i>зыбают</i>),	<i>надеяться</i> — <i>надеются</i> ,
<i>изъять</i> СВ — <i>изъемлют</i> НСВ	<i>нанять</i> — <i>наймут</i> СВ,
<i>икать</i> — <i>ичут</i> (<i>редкий; икают</i>),	<i>начать</i> — <i>начнут</i> СВ,
<i>искать</i> — <i>ищут</i> ,	<i>низать</i> — <i>нижут</i> ,
<i>казать</i> — <i>кажут</i> ,	<i>обнять</i> — <i>обнимут</i> СВ,
<i>капать</i> — <i>каплют</i> (<i>капают</i>),	<i>объять</i> СВ — <i>объемлют</i> НСВ,
<i>каяться</i> — <i>каются</i> ,	<i>обязать</i> — <i>обязжут</i> СВ,
<i>квохтать</i> — <i>квохчут</i> ,	<i>орать</i> — <i>орут</i> ,
<i>клеветать</i> — <i>клевещут</i> ,	<i>орать</i> — <i>орют</i> ,
<i>клегхтать</i> — <i>клегхчут</i> ,	<i>отнять</i> — <i>отнимут</i> СВ,
<i>клепать</i> — <i>клеплют</i> (<i>клепают</i>),	<i>отъять</i> СВ — <i>отъемлют</i> НСВ,
<i>кликать</i> — <i>кличут</i> (<i>кликают</i>),	<i>пахать</i> — <i>пашут</i> ,
<i>клокотать</i> — <i>клокочут</i> ,	<i>плакать</i> — <i>плачут</i> ,
<i>колебать</i> — <i>колеблют</i> (<i>колебают</i>),	<i>плескать</i> — <i>плещут</i> (<i>плескают</i>),
<i>колыхать</i> — <i>колышут</i> (<i>колыхают</i>),	<i>перенять</i> — <i>переймут</i> СВ,
<i>крапать</i> — <i>краплют</i> (<i>крапают</i>),	<i>писать</i> — <i>пишут</i> ,

* В ① перед этим глаголом прибавлено карандашом: *привдвигать*.

** В ① после этого глагола прибавлено карандашом: *мурлыкать*.

<i>плясать</i> — <i>пляшут</i> ,	<i>скакать</i> — <i>скачут</i> ,
<i>подбъять</i> СВ — <i>подбьмут</i> ,	<i>скать</i> — <i>снут</i> ,
<i>поднять</i> — <i>поднимут</i> СВ,	<i>скрежесать</i> — <i>скрежещут</i> ,
<i>полоскать</i> — <i>полощут</i>	<i>слать</i> — <i>шлют</i> ,
(<i>полоскают</i>),	<i>смеяться</i> — <i>смеются</i> ,
<i>понять</i> — <i>поймут</i> СВ,	<i>снять</i> — <i>снимут</i> СВ,
<i>почать</i> — <i>почнут</i> СВ,	<i>срать</i> — <i>серют</i> ,
<i>прать</i> — <i>прут</i> ,	<i>сосать</i> — <i>сосут</i> ,
<i>поясать</i> — <i>пояшут</i> ,	<i>стать</i> — <i>станут</i> СВ,
<i>принять</i> СВ — <i>примлют</i> НСВ,	<i>стлать</i> — <i>стелют</i> ,
<i>принять</i> — <i>примут</i> СВ,	<i>стонать</i> — <i>стонут</i> (<i>стонают</i>),
<i>прятать</i> — <i>прячут</i> ,	<i>страдать</i> — <i>страждут</i>
<i>прыскать</i> — <i>прыщут</i>	(<i>страдают</i>),
(<i>прыскают</i>),	<i>стрекотать</i> — <i>стрекочут</i> ,
<i>пыхать</i> — <i>пыхут</i> (<i>пыхают</i>),	<i>стругать</i> — <i>стружут</i> (<i>стругают</i>),
<i>разнять</i> — <i>разнимут</i> СВ,	<i>сыпать</i> — <i>сыплют</i> ,
<i>распять</i> — <i>распнут</i> СВ*,	<i>таять</i> — <i>тают</i> ,
<i>разбъять</i> СВ — <i>разбьмут</i> НСВ,	<i>тесать</i> — <i>тешут</i> ,
<i>рвать</i> — <i>рвут</i> ,	<i>ткать</i> — <i>ткнут</i> ,
<i>резать</i> — <i>режут</i> **,	<i>топтать</i> — <i>топчут</i> ,
<i>реять</i> — <i>реют</i> ,	<i>трепать</i> — <i>треплют</i> ,
<i>ржать</i> — <i>ржут</i> ,	<i>трепетать</i> — <i>трепещут</i> ,
<i>рокотать</i> — <i>рокочут</i> ,	<i>тыкать</i> — <i>тычут</i> (<i>тыкают</i>),
<i>роптать</i> — <i>ропщут</i> (<i>роптают</i>),	<i>тягаться</i> — <i>тяжутся</i>
<i>рыкать</i> — <i>рычут</i> (<i>рыкают</i>),	(<i>тягаются</i>),
<i>рыскать</i> — <i>рыщут</i> (<i>рыскают</i>),	<i>унять</i> — <i>уймут</i> СВ,
<i>свистать</i> — <i>свищут</i> ,	<i>фыркать</i> — <i>фырчут</i> (<i>фыркают</i>),
<i>сеять</i> — <i>сеют</i> ,	<i>хаять</i> — <i>хают</i> ,

* В ② на отдельном листке к этому глаголу:

пять

пять, *пну*, *пнёшь*, *пнут* (несовершенный вид)

= *натягивать*, *растягивать*, *свигать*, *надавливать*.

пинок, *запинка*, *препинание* [*препятствовать* < *пята*]

распять, // *пнут*: совершенный вид.

** В ② на отдельном листе, напротив этого списка:

мяу́кать, *-ишь*, *-ут* несмотря на привычную орфографию.

ему неймётся.

пронять, *пронмут* совершенный вид,

также *о́рют* (см. Преображенский).

диалектное *реготать*, *-чут* «громко смеяться» (Преображенский).

хлестать — *хлещут* (*хлестают*),
хлопотать — *хлопочут**,
хныкать — *хнычут* (*хныкают*),
хохотать — *хохочут*,
хрепать — *хреплют*,
хромать — *храмлют* (*хромают*),
чаять — *чают*,
чекотать — *чекочут*,
чесать — *чешут*,

чують — *чуют*,
шаять — *шают*,
шепетать — *шепечут*,
шептать — *шепчут*,
щебетать — *щебечут*,
щекотать — *щекочут*,
цепать — *цеплют* (*цепают*),
щипать — *щиплют* (*щипают*).

Это самая многочисленная из всех непродуктивных групп; однако она не вполне едина в своем составе. Все эти глаголы распадаются на три неравных группы в зависимости от их основы: 1) основа на *-j-*: *баять* — *бают* (20 глаголов); 2) основа на носовой согласный: *отнять* — *отнимут*, *распять* — *распнут* (29 глаголов) и 3) основа, не содержащая ни *-j-*, ни носового: а) глаголы односложные в инфинитиве: *брать* — *берут*, *врать* — *врут* (15 глаголов) и б) глаголы в инфинитиве двусложные или многосложные (93 глагола).

Мы не будем останавливаться здесь ни на чередованиях, ни на спряжении.

Ударение. 66 глаголов имеют подвижное ударение; 17 обладают оппозиционным ударением (*застрять* — *застрянуть*, *застряну*)**; оставшиеся 74 имеют неподвижное ударение.

Глаголы «с двойными формами». Примерно сорок глаголов допускают в формах группы настоящего времени морфемы класса I; унифицированные таким образом парадигмы ничем не отличаются от парадигм глаголов типа *играть*, так *страдать* (— *страждут*) — *страдают*, I. Мы видим здесь эффект влияния по аналогии глаголов класса I, который является наиболее многочисленным, а также наиболее продуктивным. Все заставляет думать, что в глаголах с двойными формами формы на *-ают* преобладают над формами на *-ут*. Так, например, формы *лбжю*³¹, *лбчу*³², *мйжу*³³ цитируются некоторыми грамматистами; *чёр-*

* В ① после этого глагола прибавлено карандашом: *хлыстать*.
 В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: *хлыстать*, *хлыщут*.
 А ниже: *сокотать*. *Сорока сокочет* — *гостей профорчит*.

** В ① напротив этой строки: см. с. 74.

³¹ Павский. «Филологические наблюдения», III, с. 153.

³² Puchmayer. *Lehrgebäude der russischen Sprache*, p. 152.

³³ Miklosich. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, III, p. 327.

плю (*Не черплем чашей...*, Пушкин. «Стамбул»), *ичу, máчу, рьичу* — все эти формы совершенно упряднены и заменены формами *лобза́ю, глотáю, мигáю* и т. д. Предпочитают также формы *локáют, мь́кают, страда́ют, струга́ют, фь́ркают*. Детям известны только формы *куда́хтают, му́рлыкают, плéскают, хнь́кают, щипáют* (они даже говорят *мяу́кают* вместо *мяу́чат*). Следует отметить, что список двухформенных глаголов, составленный Востоковым и Павским, содержит всего лишь около пятнадцати глаголов³⁴.

В отношении семантического различия мы можем говорить лишь о двух случаях: чтобы обозначить явление оттепели, говорят только *ка́плет* (а не *ка́пают*); чтобы обозначить «рождение», употребляют в отношении животных только форму *мéчет* (а не *метáет*). В торжественном стиле употребляются также формы несовершенного вида: *наказу́ю, связу́ю, указу́ю*. Что касается *обязу́юсь*, это вполне обычная юридическая формула.

Группа В (-ат' — -ат)*

В эту группу входят:

<i>бежать</i> — <i>бегут</i> ,	<i>визжать</i> — <i>визжат</i> ,
<i>бояться</i> — <i>боятся</i> ,	<i>ворчать</i> — <i>ворчат</i> ,
<i>бренчать</i> — <i>бренчат</i> ,	<i>гнать</i> — <i>гонят</i> ,
<i>брюзжать</i> — <i>брюзжат</i> ,	<i>держать</i> — <i>держат</i> ,
<i>бунчать</i> — <i>бунчат</i> ,	<i>дребезжать</i> — <i>дребезжат</i> ,
<i>бурчать</i> — <i>бурчат</i> ,	<i>дрожать</i> — <i>дрожат</i> ,
<i>бучать</i> — <i>бучат</i> ,	<i>дышать</i> — <i>дышат</i> ,
<i>верещать</i> — <i>верещат</i> ,	<i>жужжать</i> — <i>жужжат</i> ,

³⁴ Востоков. «Русская грамматика», 2-е изд., с. 204; Павский. Указ. соч., с. 153.

* В © к этому параграфу:

[на календарном листке Вторник 30 мая 1944 г.:]

ч — 15, щ — 3, зж — 3, жж — 1, жс — 3-2, к — 1 итого 26.

[на обратной стороне того же листка:]

бояться, стоять,

гнать, спать

? мяукать

держáть, ат

дышáть, ат

? лежать

журчать — *журчат*,
звучать — *звучат*,
зычать — *зычат*,
кричать — *кричат*,
лежать — *лежат*,
молчать — *молчат*,
мчать — *мчат*,
мычать — *мычат*,
мякаться — *мячут*,
пицать — *пицат*,

рычать — *рычат*,
слышать — *слышат*,
спать — *спят*,
ссать — *ссат* (и *ссут*),
стоять — *стоят* *,
стучать — *стучат*,
торчать — *торчат*,
трещать — *трещат*,
урчать — *урчат* **.

Морфемы форм, образованных от основы инфинитива, те же, что и в классе I (то же самое наблюдается и в группе А), тогда как морфемы форм, образованных от основы настоящего времени, совпадают с морфемами класса IV.

Тематический согласный — шипящий, за исключением глаголов *божаться*, *гнать*, *спать* и *стоять* ***. Большинство глаголов обозначают шумы и являются непереходными. Все глаголы группы В несовершенного вида.

Ударение не подвижное, за исключением глаголов *гнать*, *держать* и *дышать*.

Дышáть. Произношение — *дышы́ш* ... *дышы́т* **** (ср. *ра́н* *ўт*). «Дышешь, — пишет Грот, — есть форма от другого, менее употребительного

* В ① напротив этого глагола на полях карандашом в рамке написано: *стой!*

** В ② на отдельном листе напротив этого списка:

[обведено карандашом:] см. *брéзгать* I (и *брéзговать* III ?)

чередования: *мя́каться*, *-чат*; *спа́ть*, *сплю*, *спят*, *за́спанный*.

также *верезжа́ть*, *-зжа́т*.

му́рчать (о медведе: *ворчать*, *урчать*).

мя́учить IV, но лучше: *мя́каться*, *-ут* (группа А), несмотря на обычную орфографию.

сибирский диалект: *харча́ть*. *Лошадь харчи́т*; затянулась, хрипит [у Даля: *храни́т*]. Даль [т.] 4. Также *харчи́ть*.

шури́ать, *-ат* (*шури́ить*?)

хрыча́ть, *-ат* (>старый *хрыч*?) «и другие от милостивого наказания твоего и тобой изувечены и хрычат кровью» (Из письма царевичу Алексею от его духовника, цитируется в исторической хрестоматии Л. Г. Гуревича, ч. III, 2-е издание, Спб., 1897, стр. 390) = *ка́ркать* ?

*** В ① напротив этой строки на полях карандашом прибавлено: *мякаться*.

**** Опечатка (*дышы́т*) исправлена по ①.

глагола *дыхать*, как *пáшешь, мáшешь* от *пахать, махать*»³⁵. *Беж́ать* в 3-м лице мн. ч. дает *беж́ут*; в народной речи встречается *беж́ат* (см. также *бе ж́ат Европы ополченья*, Пушкин).

Группа С (-ет' — -ат) *

В эту группу входят следующие глаголы:

<i>бдеть</i> — <i>бдят</i> ,	<i>обидеть</i> — <i>обидят</i> ,
<i>бздеть</i> — <i>бздят</i> ,	<i>пердеть</i> — <i>пердят</i> ,
<i>блестеть</i> — <i>блестят</i> ,	<i>пыхтеть</i> — <i>пыхтят</i> ,
<i>болеть</i> — <i>болят</i> ,	<i>свербеть</i> — <i>свербят</i> ,
<i>велеть</i> — <i>велят</i> ,	<i>свирестеть</i> — <i>свирестят</i> ,
<i>вертеть</i> — <i>вертят</i> ,	<i>свистеть</i> — <i>свистят</i> ,
<i>видеть</i> — <i>видят</i> ,	<i>сидеть</i> — <i>сидят</i> ,
<i>висеть</i> — <i>висят</i> ,	<i>сипеть</i> — <i>сипят</i>
<i>галдеть</i> — <i>галдят</i> ,	<i>скорбеть</i> — <i>скорбят</i> ,
<i>глядеть</i> — <i>глядят</i> ,	<i>скрипеть</i> — <i>скрипят</i> ,
<i>гореть</i> — <i>горят</i> ,	<i>смердеть</i> — <i>смердят</i> ,
<i>греметь</i> — <i>гремят</i> ,	<i>смотреть</i> — <i>смотрят</i> ,
<i>гудеть</i> — <i>гудят</i> ,	<i>сопеть</i> — <i>сопят</i> ,
<i>жудеть</i> — <i>жудят</i> ,	<i>тарахтеть</i> — <i>тарахтят</i> ,
<i>зависеть</i> — <i>зависят</i> ,	<i>терпеть</i> — <i>терпят</i> ,
<i>звенеть</i> — <i>звонят</i> ,	<i>хотеть</i> — <i>хотят</i> ,
<i>зреть</i> — <i>зрят</i> ,	<i>храпеть</i> — <i>храпят</i> ,
<i>зудеть</i> — <i>зудят</i> ,	<i>хрипеть</i> — <i>хрипят</i> ,
<i>кипеть</i> — <i>кипят</i> ,	<i>хрустеть</i> — <i>хрустят</i> ,
<i>кишеть</i> — <i>кишат</i> ,	<i>хрястеть</i> — <i>хрястят</i> ,
<i>коптить</i> — <i>коптят</i> ,	<i>шелестеть</i> — <i>шелестят</i> ,
<i>корпеть</i> — <i>корпят</i> ,	<i>шипеть</i> — <i>шипят</i> ,
<i>кряхтеть</i> — <i>кряхтят</i> ,	<i>шуметь</i> — <i>шумят</i> ,
<i>лететь</i> — <i>летят</i> ,	<i>шурстеть</i> — <i>шурстят</i> **.

³⁵ Грот. Указ. соч., I, с. 316; см. также Рад Кошутин. «Грамматика русского языка», I, с. 88, 299–300.

* В ① здесь карандашом прибавлено: *увиденный, обиженный, засиженный*.

В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: Чередования — те же, что в глаголах класса IV.

[Ниже напротив списка:] *тарáхнуть, тарарáхнуть* и т. д. см. у Даля.

** В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: Преобр[аженский] и

Морфемы форм, образованных от основы инфинитива, здесь те же, что и в глаголах класса II, тогда как морфемы форм, образованных от основы настоящего времени, совпадают с морфемами класса IV. Фонетические чередования также те же, что и у глаголов класса IV. Ударение неподвижное, за исключением глаголов *смотреть* и *хотеть* (*хочу́, хочешь, хочет, хотим, хотите, хотят*); глагол *вертеть* имеет двоякое ударение. Почти все глаголы относятся к выражению различных сенсорных восприятий и являются непереходными.

Все глаголы этой группы относятся к глаголам несовершенного вида, за исключением глаголов *обидеть* и *велеть*, этот последний может быть то совершенного, то несовершенного вида.

Группа D

В группу D входят следующие глаголы:

(из-) -бегнуть,	дохнуть,	мокнуть,
блекнуть,	дрогнуть,	молкнуть,
брюзгнуть,	дрыгнуть,	мякнуть,
бухнуть,	дрябнуть *	никнуть,
(низ-) -вергнуть,	дрягнуть,	пахнуть,
виснуть,	жёлкнуть,	пухнуть,
воздвигнуть,	жёсткнуть,	сипнуть,
воскреснуть,	жижнуть,	склизнуть,
(при-) -выкнуть,	жухнуть,	скорбнуть,
вязнуть,	зябнуть,	скорюзнуть,
гаснуть,	исчезнуть св,	слабнуть,
гибнуть,	киснуть,	слепнуть,
глохнуть,	крепнуть,	сохнуть,
горкнуть,	липнуть,	(на-) -стигнуть (-стичь),
грузнуть,	мерзнуть,	стынуть,
грязнуть,	меркнуть,	(ис-) -сякнуть,
густнуть,	мозгнуть,	терпнуть,

Даль: *броснуть* нсв или *броснуть* [в словарях не подтверждается] (тмб., нвг., твр.) = обивать, ошмыгивать руками махалку, семя. *Конопель броснут* или *она* [у Даля: *он*] *броснется в кадку*. Не путать с *броснуть* св (*бросать / бросить*), здесь *брусника*: ягоды лег[к]о снимаются, сдёргиваются.

ёлкнуть (горкнуть, загнивать)

* В ① внизу карандашом: *дряблый*.

<i>тихнуть,</i>	<i>тухнуть,</i>	<i>чахнуть,</i>
<i>(ис-)торгнуться,</i>	<i>хизнуть,</i>	<i>шорхнуть</i> *.
<i>тускннуть,</i>	<i>хрипнуть,</i>	

Эта группа потеряла свое сложившееся исторически единство. Из 60 глаголов 4 глагола совершенного вида, 5 других известны лишь с приставками и поэтому, естественно, совершенного вида; глаголы *могннуть, молкннуть, слабннуть, сипннуть, тихннуть, хрипннуть* без приставок почти не употребляются. Некоторые глаголы употребляются редко, и им предпочитают соответствующие глаголы класса II: *густеть, желтеть, слабеть* или же глаголы вторичного несовершенного вида: *увядать, издыхать* и т. д.

Таким образом, группа D атакуется со всех сторон, и даже элемент *-ну-*, который, между тем, является характеристикой этой группы, недостаточно силен, чтобы противостоять различным влияниям по аналогии, особенно со стороны глаголов класса V. Говорят, например, *завять, достичь, избежать, угаснул, издрогнув, пухнул, хизнул, утихнувший, поблекнувший, забнул, ослабнувший* и т. д.

Не надо смешивать *дрогнуть* св V (сердце дрогнуло) и *дрогнуть* (дрог) нсв.

Ударение в этой группе неподвижное и падает всегда на последний слог основы.

Группа Е (-г'і или -с'т')

Эту группу составляют следующие глаголы ³⁶:

<i>блюсти — блюдут,</i>	<i>грызть — грызут,</i>
<i>бости — бодут,</i>	<i>грясти — грядут,</i>
<i>брести — бредут,</i>	<i>густы — гудут,</i>
<i>везти — везут,</i>	<i>ети — ебут,</i>
<i>вести — ведут,</i>	<i>идти — идут,</i>
<i>гнести — гнетут</i> **,	<i>класть — кладут,</i>
<i>грести — гребут,</i>	<i>клясть — клянут,</i>

* В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: *стербнуть* «крепннуть, твердеть» (устаревшее) см. Преображенский.

³⁶ Глагол *есть* — *едят* относится к группе G (группа изолированных глаголов).

** В ② на отдельном листе напротив этого абзаца карандашом: *гнести* без прошедшего времени.

красть — *крадут*,
лезть — *лезут*,
мести — *метут*,
мясти — *мятут*,
нести — *несут*,
обрести — *обретут* св,
пасти — *пасут*,
пасть — *падут* св,
плести — *плетут*,
погрести — *погребут* св,

ползти — *ползут*,
прясть — *прядут*,
рассвети — *рассветет* св безлич.,
расти — *растут*,
сесть — *сядут* св,
скрести — *скребут*,
трясти — *трясут*,
цвети — *цветут*,
(про-) честь — *чтут* *.

Глаголы этой группы имеют особую основу в прошедшем времени: *брёл, грёб, грыз, шёл* и т. д.

Ударение на основе в глаголах *лезть* и *сесть*. В других глаголах ударение всегда на окончании (*брёл, брелá, брелó, брели́*); только в глаголах *грызть, класть, клясть, красть, пасть* св, и *прясть* ударение в прошедшем времени падает на основу (*гры́з, гры́зла, гры́зло, гры́зли*) **.

Значительное число глаголов этой группы вышли из употребления: *бости* заменен глаголом *бодать*, I; *густы* — глаголом *гудеть, -ят*; *рассвети* — глаголом *рассветать* св, I; *мясти* (*м'ес'т'и*, I) употребляется только в выражении «Страсти *мятут* его душу». Часто употребляют инфинитив: *нести, перевести, сплести, расцветь*.

Группа F (-ч')

Группу составляют следующие глаголы:

беречь — *берегут*,
влечь — *влекут*,
волочь — *волокут*,
жечь — *жгут*,
лечь — *лягут*,
мочь — *могут*,

облечь — *облекут* св,
печь — *пекут*,
пренебречь — *пренебрегут* св,
(за-) прячь — *прягут*,
(из-) речь — *рекут*,
сечь — *секут*,

* В ② на отдельном листе напротив этого абзаца:

диал[ектное] *скусть* (*скубстí, скустí; скуба́ть, скуби́ться*): *скубу́т*, щипать, дёргать, выдёргивать шерсть, волос, перо, мычку. (Вероятно, сюда же *скобка*, волосы остриженные в кружок.) См. Преображенский. (сюда же м. б. *чуб*).

[Ниже карандашом:] «удáться» вместо «удáться».

** В ① напротив абзаца карандашом: *на/ по -сти́чь*.

стеречь — *стерегут*,
стричь — *стригут*,

течь — *текут*,
толочь — *толкут* *.

В народной речи парадигмы часто унифицированы в ущерб чередованиям, говорят: *текёт*, *зажгём* («*Зажгём сердца огнем ума*», Горький. «О чиже»), *пекёт* и т. д. Встречают иногда *избечь* (вместо *избежать*), *избёг*.

В прошедшем времени особая основа: *берёг*, *берегла́* и т. д.; *пёк*, *пекла́* и т. д.

Повсюду ударение на окончании, за исключением прошедшего времени *сёк*, *-ла*, *-ло*, *-ли* и *стриг*, *стри́гла*, *-ло*, *-ли*. У глагола *мочь* подвижное ударение в настоящем времени.

Группа G, изолированные глаголы

Группу составляют следующие глаголы:

бить — *бьют*
блевать — *блюют*,
бороть — *борют*,
брить — *бреют*,
быть — *будут*,
вить — *вьют*,
выть — *воют*,
гнить — *гниют*,
давать — *дают*,
дать — *дадут*,
деть — *денут* св,
дуть — *дуют*,
есть — *едят*,
жить — *живут*,
живописать — *живописуют*,
жевать — *жуют*,
знавать — *знают*,
клевать — *клюют*,
ковать — *куют*,
колоть — *колют*,

крыть — *кроют*,
лить — *льют*,
мереть — *мрут*,
молоть — *мелют*,
мыть — *моют*,
надоесть — *надоедят* св,
ныть — *ноют*,
обуть — *обуют*,
переть — *прут*,
петь — *поют*,
пить — *пьют*,
плевать — *плюют*,
плыть — *плывут*,
полоть — *полют*,
пороть — *порют*,
почить св — *почиют* нсв **,
притязать — *притязуют*
(и *притязают*),
разуть — *разуют* св,
реветь — *ревут*,

* В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: *небречь чем-нб.*

** В ① глаголы *почить* и *притязать* карандашом взяты в скобки.

рыть — *роют*,
слыть — *слынут*,
сновать — *снут*,
совать — *суют*,
создать — *создадут* св,

ставать — *стают*,
стыть — *стынут*,
тереть — *трут*,
(у)-шибить — *-шибут*,
шить — *шьют* *.

В этой группе собрано то, что, по выражению Ф. де Соссюра, является «глагольной пылью». Здесь можно встретить глаголы, похожие друг на друга, что позволяет создать такие группы, как *бить*, *вить*, *лечь* и т. д.; *мыть*, *вить*, *рыть* и т. д. Но это лишь удобное мнемоническое средство.

Рассмотрение непродуктивных групп позволяет нам сформулировать следующий вывод: среди общего количества, приблизительно 400 глаголов, входящих в эту группу, мы не имеем ни одной группировки, одновременно морфологической и семантической, которую можно было бы считать способной оказать достаточно сильное влияние по аналогии, чтобы послужить словообразовательным типом. Немало глаголов, которые обозначают различные виды акустического восприятия, распределяются по нескольким группам: *хохотать*, *грохотать*, *летать* и др. — группа А; *кричать*, *брюзжать*, *журчать* и др. — группа В; *галдеть*, *шипеть*, *свистеть* и др. — группа С. Сила их влияния по аналогии оказывается раздробленной, если не сведенной к нулю. Не может быть речи и о влиянии по аналогии глаголов группы D, единство которой уже разрушено.

§ 9. Префиксация

Русский глагол располагает 22 ** приставками, из которых только 18 являются продуктивными. Вот они, записанные орфографически ³⁷: *в-*, *вз-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из-*, *на-*, *над-*, *о-* (*об-*), *от-*, *пере-*, *по-*, *при-*, *про-*, *раз-*, *с-*, *у-*.

* В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: *есть*.

«К матери я не попал, а получилось так, что теперь я *есть* красноармеец кавалерийской бригады...» (Н. Островский. «Как закалялась сталь», I, 7).

Кто-то там, кажется, упал. — Упал и *есть*.

** В ① чернилами исправлено в: 21.

³⁷ Мы оставляем в стороне все фонологические проблемы, такие как беглые гласные, появление гласной и т. д., размеры нашей работы не позволяют заняться здесь анализом этих вопросов.

Непродуктивными являются: *воз-**, *низ-*, *пре-*, *пред-*.

Иногда³⁸ включают в число приставок элемент *обез*, который мы встречаем в глаголах *обездолить*, *обесчестить* и т. д. Но в действительности здесь имеется две приставки, одна глагольная *о-*, и вторая приименная *без-*³⁹. Приставки *на-* и *над-* часто смешивают и говорят без различия *набавить* и *надбавить*, *наставить* и *надставить*. Иногда различают две формы одной и той же приставки *о-* (*об-*), так, *оставить* и *обставить комнату*, *обставить* (арго — обмануть); *очистить* и *обчистить* (арго — обокрасть кого-нибудь); *осудить* и *обсудить*, *огрызнуться* и *обгрызть*; *одумать* и *обдумать*; и т. д.⁴⁰ В некоторых отдельных случаях различают также *с-* и *со-*, например, *согреть* и *сгреть* (арго — украсть). Интересно то, что эти попытки различать значения в зависимости от различия звуковой формы одной и той же приставки приходят к нам главным образом из арго.

Было бы интересно изучить семантические значения, вносимые приставками. Однако здесь, как мы уже заметили на странице 67, семантические значения префиксов являются результатом взаимодействия многих факторов и, чтобы различить самые общие тенденции, надо брать случаи, где эти факторы по мере возможности постоянны и малочисленны. Так, можно довольно точно определить значение приставок в глаголах, образованных от основных глаголов передвижения, отделяя серию глаголов «определенного движения» от глаголов «неопределенного движения». Так, например, *пройти*, *проехать*, *пролететь* и т. д. представляют движение сквозь что-то; *сойти*, *сехать*, *слететь* — движение сверху вниз (их несовершенный вид *сходить*, *сезжать*, *слетать*). С другой стороны, в глаголах неопределенного движения *сходить*, *сездить*, *слетать* представлено движение туда и обратно и т. д. Но та же приставка *про-* имеет совершенно другие значения в глаголах *проиграть* (потерять в игре), *проиграть всю ночь*, *прочесть книгу*, *пропечатать* (с оттенком пренебрежительности), *проучить* и т. д.

Ниже мы приводим наиболее употребительные значения приставок, исходя из их значений в глаголах определенного движения:

* В ⊙ эта приставка вычеркнута карандашом.

³⁸ П. Е. Стоян. «Толковый русский словарь», Спб., 1913.

³⁹ Некрасов (указ. соч., с. 186) справедливо замечает, что к основному глаголу в русском языке никогда не прибавляется приставка *без-*. См. что было сказано о количественно-качественной оценке на с. 54–55.

⁴⁰ Когда печаталась наша статья «Механизм видов» («Slavia», т. I, 1922–23), мы считали, что *о-* и *об-* являются двумя различными префиксами.

в- движение внутрь: *въехать, войти, вселиться, вбить, вчитаться, всмотреться, вдуматься, почувствоваться, вобрать.*

вз- движение вверх: *въехать, взойти, взобратся, вскричать.*

воз- (непродуктивная).

вы- движение наружу; отсюда: *выехать, вылететь, выселиться, выбить, вычитать, выбрать, высмотреть, выдумать, выездить, выходить.*

до- предел процесса: *доехать, добраться, дожждаться, дочитать, додумать(ся), дожить, добежаться.*

за- а) начинательное: *запеть, заговорить*, и в глаголах разнонаправленных: *заездить, залетать*; б) идея сделать что-то непригодным из-за слишком частого пользования, завершать, поглощать: *заездить лошадь, заносить платье, заговорить кого-н., завладеть, задуматься* *.

из- движение изнутри; чрезмерное действие: *истечь, извлечь, избрать, избить, избегаться, изъездить, избаловать, изорвать, износить* **.

на- результат, достигнутый накоплением, удовлетворение: *належать головную боль, наговорить дерзостей, наработать, найти, наиграться, наестся* ***.

над- движение сверху, но останавливающееся на поверхности предмета: *надломить, надстроить, надставить, надписать.*

низ- (непродуктивная).

о- (об-) огибающее движение: *обойти, объехать, обдумать, обставить квартиру, оженить, опутать.*

от- удаление: *отъехать, отойти, отправить, отлить, отставить, отбить, отделаться.*

пере- движение за пределы предмета или пространства; повторение: *перейти, переехать, перескочить, перечитать, переработать, передумать.*

по- а) ограничительное ⁴¹ значение: *поездить, почитать, попеть* и т. д.; б) с глаголами однонаправленного движения и некоторыми дру-

* В ① напротив этого абзаца карандашом на полях: *забежать, записать.*

** В ② на отдельном листе напротив этого абзаца:

Вряд ли можно считать приставку *из-* продуктивной в настоящее время. Она часто дублирует приставку *вы-*: *изгнать ~ выгнать, ис- ~ вылить, ис- ~ вычерпать, из- ~ вылечить* и т. д. (стилистические различия).

[ниже:]

Надо, значит, их перехитрить, «передумать»... (Ал. Бек. «Волоколамское шоссе»).

*** В ① напротив этого абзаца карандашом на полях: *наскочить.*

⁴¹ Некрасов. Указ. соч., с. 219: «сокращающая распространение действия, приставка укорачивает длительность».

гими — начинательное: *побежать, полететь, дождь полил ручьями*; в) значение завершения: *побелеть, поседеть**, *похорошеть, помереть, дождь полил землю*; в глаголах вторичного совершенного вида: *попа́дать, повы́талкивать* и т. д.

под- (антоним *над-*) движение, идущее снизу вверх и останавливающееся у поверхности предмета: *подставить, подпилить, подписать, подъехать, подломить(ся)*.

пре- (непродуктивная).

перед- ** (непродуктивная).

при- точка, в которой останавливается или вокруг которой концентрируется процесс: *приехать, прибрать, прикрепить, придумать, присмотреться*.

про- движение, направленное вперед и проходящее сквозь предмет или пространство: *пробежать, проболеть неделю, продумать, просмотреть, прозевать, пробить*.

раз- а) центробежное движение: *разъехаться, разнести, разбить, разорвать, разболтаться, разбегаться, развеселиться, разносить сапоги*; б) конечный момент: *разлюбить, разочароваться*.

с- а) (антоним *раз-*) движение, стремящееся к одной точке: *свехаться, сойтись, сдружиться, собрать(ся), скрепить*; б) нисходящее движение: *сойти, свехать, слить, спустить*; в) значение конченности: *срубить, сделать, спеть, сосчитать*.

у- движение удаления; движение к конечной точке; исчезновение: *ухать, уйти, узнать, убрать, упустить, укрепить, успокоить, уделать*.

Из этих примеров видно, что в основном приставкам присуще обстоятельственное значение: приставка определяет направление процесса, во-первых, в пространстве и, во-вторых, во времени. Направление в пространстве может быть определено удовлетворительно только по отношению к какому-либо предмету, отсюда переходное значение большинства префиксальных глаголов, а также их результативное или перфективное значение ***.

Не все глаголы в одинаковой степени способны к префиксальным образованиям. Одни глаголы, такие как *играть, ехать, сидеть, жить, быть*, позволяют очень широкую степень различения и могут присое-

* Опечатка («посидеть») исправлена по ①.

** Опечатка («перед-») исправлена по ①.

*** В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: *пéчься о ком-нб., опека́ть кого-нб.*

динять к себе большое количество приставок. Другие, такие как, например, *бездельничать, лицевать, глохнуть, белить*, образуют очень мало приставочных глаголов. Наконец, некоторые, такие как *ахнуть, пальнуть, ликвидировать, лишить*, употребляются только как простые.

Похоже, что первичные глаголы, т. е. такие, которые при современном состоянии русского языка не представляются как производные от других слов, образуют максимум приставочных глаголов. Тогда естественно, что глаголы непродуктивных типов, будучи первичными, поставляют огромное количество приставочных образований и, тем самым, составляют основу русского словаря. Что касается префиксации производных глаголов, то она находится в непосредственной связи с вопросом о переходности, поэтому мы будем их разбирать только в следующей главе (см. § 16).

Заметим, что заимствования класса III также мало подвержены префиксации: *атаковать, демократизировать, телеграфировать, реквизиовать* или *реквизировать* и т. д. Эти глаголы проникают в русский язык через слой образованных людей, что обеспечивает сохранность некоторого иностранного характера, именно отсюда их сопротивляемость префиксации, а также различению видов.

§ 10. Ударение

Из всего вышесказанного явствует, что именно тип образования глагола определяет его ударение⁴². Что касается места ударения в первичных глаголах, оно также должно быть связано с их образованием, но этот вопрос относится к исторической лингвистике и не существует для синхронии. В данной работе нас особенно интересует позиция ударения по отношению к спряжению. Речь идет о том, чтобы исходя из какой-либо глагольной формы с ударением, например, формы инфинитива, узнать, будет ли ударение во всех формах этого глагола на одном и том же месте. Мы начнем с продуктивных классов.

Ударение русского глагола *не подвижное*, т. е. оно удерживается или на одном и том же слоге семантемы (если речь идет о тематическом ударении), или на морфеме (в случае ударения суффиксально-

---

⁴² Только отношения между ударением отыменных глаголов класса IV и ударением соответствующих имен остаются пока неясными, но мы уверены, что последующие исследования позволят прояснить этот вопрос.

го). Эта общая тенденция содержит, однако, некоторые ограничения и требует уточнения, как только речь идет о глаголах, в которых под ударением оказывается суффикс инфинитива:

1. Страдательное причастие прошедшего времени глаголов классов I, II и III и большинства глаголов класса IV имеют ударение на третьем слоге от конца, например, *разрисова́ть* — *разрисова́нный*, *прочита́ть* — *прочита́нный*, *затопи́ть* — *затопле́нный*.

2. В глаголах класса III суффиксальное ударение падает на элемент *-ва-* в формах, образованных от основы инфинитива, но оно переходит на элемент *-у-* в формах, образованных от основы настоящего времени; и в другом месте оно не может находиться, за исключением формы страдательного причастия прошедшего времени (см. пункт 1). Это то, что мы называем **о п п о з и ц и о н н о е** у д а р е н и е, например, *торгую́*, *торгую́ешь*, ..., *торгую́й*, *торгую́ющий*; *торгова́ть*, *торгова́л*, ..., *торгова́вший*.

3. В 127-и глаголах класса IV и некоторых глаголах класса V ударение переносится на последний слог основы во всех формах настоящего времени, за исключением 1-го лица единственного числа. Однако деепричастие «настоящего времени» этих глаголов имеет ударение на морфеме, например, *ходи́ть*, *ходи́л* и т. д., *хожу́*, *ходишь*, ..., *ходи́*, *ходя́*, *ходя́щий*. Это то, что называют **п о д в и ж н ы м** у д а р е н и е м.

Ударение в глаголах непродуктивных типов представляется следующим образом:

1. **Н е п о д в и ж н о е** ударение, тематическое или суффиксальное.

2. **О п п о з и ц и о н н о е** ударение является свойством следующих глаголов:

алка́ть — *а́лчут*,

бреха́ть — *б́решут*,

зоба́ть — *зб́блут*,

*зыба́ть*⁴³ — *зы́блут*,

колеба́ть — *коле́блут*,

колыха́ть — *колы́шут*,

ора́ть — *о́рют*,

страда́ть — *стра́ждут*,

храма́ть — *хра́млут*.

3. **П о д в и ж н о е** ударение присуще 75 глаголам, которые фигурируют в списках непродуктивных глаголов⁴⁴.

4. **Н е п р а в и л ь н о е** ударение. В действительности существует всего лишь один глагол с неправильным ударением, а именно глагол *хотéть*, *хочу́*, *хóчешь*, *хóчет*, *хотíм*, *хотíte*, *хотя́т*. Все прочие отклоне-

⁴³ Известно также ударение *зыба́ть*.

⁴⁴ Можно легко определить тип ударения какого-либо глагола, сравнив ударение в инфинитиве и в 3-м лице множественного числа.

ния от правила касаются лишь переноса ударения на конечный слог в формах прошедшего времени. Этот перенос свойствен некоторому числу глаголов, которые в других формах имеют либо неподвижное ударение, либо подвижное; большинство из них односложные в инфинитиве.

Можно различить три типа ударения в прошедшем времени:

а) *нёс, несла́, несло́, несли́*. Это ударение свойственно всем глаголам группы Е (за исключением *грызть, класть, клясть, красть, лезть, пасть* св, *пьясть, сесть* св) и всем глаголам группы F (за исключением *сечь* и *стричь*).

б) *взял, взяла́, взяли́, взяли*. Это ударение встречается в глаголах *брать, быть, взять* св, *вить, врать, гнать, гнить, дать* св, *драть, ждать, жить, жрать, звать, лгать, лить, пить, плыть, рвать, слать, слыть, спать, срать, ткать*⁴⁵. Глаголы *класть, клясть, пьясть* часто имеют такое же ударение.

в) *нача́л, начала́, нача́ло, нача́ли*. Сюда же относятся глаголы с основой на носовую согласную группы А и приставочные глаголы от *быть, вить, дать* св, *создать* св, *жить, лить, пить, плыть, переть, мереть*.

В возвратной форме, особенно в префиксальных образованиях, в глаголах, перечисленных в рубрике в), ударение переносится на последний слог: *начался́, ла́сь, ло́сь, ли́сь*; точно так же: *блудя́ти, взяли́* св, *враща́ть, дава́ть* св, *жда́ть, жива́ть, жра́ть, ли́ть, пи́ть*. С другой стороны, ударение типа *бра́лся, ла́сь, ло́сь, ли́сь* свойственно следующим глаголам: *гна́ть, зва́ть, дра́ть, рва́ть, спа́ть* и *созда́ть* св.

Колебания ударения в прошедшем времени⁴⁶ слишком разнообразны, чтобы можно было считать три выделенных нами типа чем-то неизменным и окончательным.

5. Ударение в односложных глаголах. Глаголы *гна́ть, мочь, сня́ть* св, *сра́ть, стла́ть* имеют подвижное ударение. Другие имеют ударение либо на корне: *лечь* — *ля́гут*, либо на суффиксе: *бра́ть* — *беру́т*. Там, где обе основы остаются односложными, вопрос об ударении не стоит: *же́чь* — *жгу́т*. Мы уже видели, что в большинстве односложных глаголов в прошедшем времени ударение переносится на окончание.

⁴⁵ Следует отметить перенос ударения на *не́* в *не́ был, не́ взял, не́ дал, не́ жил* и *не́ пил*.

⁴⁶ См., например, С. Агрель. «Наблюдения над колебанием ударения в русском глаголе».

III

ПЕРЕХОДНОСТЬ

§ 11. Введение

Из всех проблем, которые встретились на нашем пути, проблема «залога», может быть, самая запутанная. То, что обозначают этим словом, содержит в действительности две различные системы отношений, из которых одна вращается вокруг понятия объекта, а центром второй является понятие деятеля. Однако этот последний, в свою очередь, должен рассматриваться с двух точек зрения: либо с точки зрения обезличивания процесса, либо с точки зрения отношений между деятелем и подлежащим предложения. Следовательно, необходимо различать три типа полярных зон: а) между переходностью и непереходностью, б) между личным и безличным и в) между активом и пассивом. Однако эти различия никогда не проводятся достаточно строго.

Представление, которое русские грамматисты имели о залоге до появления книги Некрасова¹, можно передать следующим высказыванием Востокова: «Вообще заметить должно обо всех глаголах^{*}, что они различаются не по окончаниям, а по значению, какое глагол получает в употреблении с другими словами»². Это все равно что сказать, что залог зависит от семантики и грамматика здесь ни при чем. В. Даль еще более резок: «распределение глаголов на *залог* одно школярство, [...] на каждый вопрос о залоге глагола ученик должен отвечать: в каком залоге вам угодно его употребить, в таком он, на сей раз, и будет

---

¹ Некрасов. «О значении форм русского глагола», 1865.

^{*} В переводе цитаты С. Карцевский, вероятно, учитывая контекст, заменяет слово *глагол* словом *залог*.

² «Русская грамматика...», Спб., 1839, § 57.

числиться»³. А ведь именно Далю принадлежит заслуга в проведении четкого различия между прямой формой глагола и возвратной. Буслаев⁴, с его исключительно исторической точкой зрения, не содействовал прояснению нашей проблемы. Он продолжает смешивать семантику и грамматику и приписывает русскому глаголу следующие залого: 1) действительный, 2) страдательный, 3) средний и 4) возвратный с подразделением на а) собственно возвратный, б) взаимный и в) общий; в это последнее подразделение входят такие глаголы, как *бояться*, у которых вовсе нет прямой формы.

Некрасов, кажется, был первым, кто точно определил значение возвратной формы. Продолжая называть ее *возвратная форма*, он объясняет, что это название означает возврат действия не на субъект, а на самоё себя или, как мы бы сказали, замкнутость процесса на самом себе. Он также первым констатировал, что к любому русскому глаголу можно прибавить элемент *-ся* и что известен пример глагола *быть* в возвратной форме; для поддержки своего тезиса он приводит цитату из былинной поэзии:

Будучись Садко купец, богатый гость,
Под славным Новым Городом...

(Киреевский, II, 2)

Новый этап в изучении залогов отмечен появлением статьи Фортунатова⁵, который уточняет идеи Некрасова, признавая, что настоящая роль возвратных форм — сделать глаголы непереходными. Он устанавливает несколько типов глаголов с *-ся*: 1) возвратные глаголы: *одеваться*, *умываться*; 2) глаголы взаимного действия: *целоваться*; 3) глаголы, обозначающие внутреннее состояние: *сердиться*, *садиться* (наряду с глаголом *сидеть*); 4) глаголы средние⁶: *кусаться*, *проситься*; 5) страдательные: *одеваться*, *умываться*. Таким образом, Фортунатов различает только две формы залога: прямую и возвратную, и он не признает никакой формы, а следовательно, никакого залогового значения за глаголами с *-ся*, как, например, *бояться*, у которых нет параллельной прямой формы.

³ «Напутственное слово. Словарь», 1-е изд. [т. е. «Напутное слово», с. XXI]

⁴ «Историческая грамматика», § 176 и сл.

⁵ «О залогах русского глагола», 1899.

⁶ Такое название предлагаем мы, Фортунатов определяет это значение как «значение действия, рассматриваемого независимо от объектов, т. е. исключительно по отношению к субъекту действия». Там же, с. 1154—1155.

В это же время Овсяннико-Куликовский⁷ строит иную систему залога, где он стремится различить глаголы по их отношению к деятелю и к объекту. По его мнению, русский язык обладает двумя залогами: 1) действительным с двумя вариантами: переходным и непереходным и 2) страдательным с двумя формами: одна представлена страдательным причастием прошедшего времени, а другая возвратной формой. Однако его точка зрения слишком психологична; чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на тонкие различия, которые он устанавливает между группами непереходных глаголов. В этом отношении Овсяннико-Куликовский прямо противоположен Фортунатову. Между тем достаточно произвести синтез психологизма, свойственного школе Поттебни, с формализмом, характеризующим московскую школу, чтобы оказаться на истинно лингвистическом пути. Хотя А. Пешковский старается, безуспешно, реализовать этот синтез⁸, в вопросе залога он все-таки остается на позициях Фортунатова.

Система залога, предложенная В. Богородицким⁹, приближается к системе Овсяннико-Куликовского.

Наконец, Шахматов в своих лекциях, прочитанных в 1910–1911 году, может быть, лучше других решил проблему и отделил объект от субъекта. Он различает три залога, или три типа отношений процесса к субъекту¹⁰: действительный, страдательный и нейтральный, или средний с *-ся*. С другой стороны, он устанавливает две разновидности глаголов в зависимости от отношения процесса к объекту: переходные и непереходные.

Так постепенно русские грамматисты сумели отделить проблему переходности от того, что называют «залогом». Нам еще предстоит здесь выделить систему отношений между процессом и деятелем и систему отношений между деятелем и подлежащим предложения, эти последние отношения, на наш взгляд, составляют как раз то, что можно определить как залог.

---

⁷ «Синтаксис», с. 125–154.

⁸ «Русский синтаксис в научном освещении».

⁹ «Общий курс русской грамматики», с. 288 и сл.

¹⁰ «Формами залога называются те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту». А. Шахматов. «Очерк современного русского литературного языка», с. 168.

§ 12. Транзитивация

Изучение образования семантических значений глагола, которое мы предприняли в главе II, позволяет нам лучше понять природу процесса в его отношении к объекту.

Непереходными являются глаголы, синтагматическая формула которых содержит в качестве *T'* либо внутреннее сказуемое, либо внутреннее дополнение. Следовательно, большинство продуктивных типов дает глаголы непереходные, так как они включают семантическое значение основного слова как внутреннее сказуемое или внутреннее дополнение. Например, глаголы класса I на *-ничать*: *разбойничать* = *быть разбойником* или *вести себя разбойником*; на *-(к)ать* (подражательные): *ахать* = *делать, издавать ах*; глаголы класса II на *-еть*: *белеть* = *быть, казаться, становиться белым*; глаголы класса III на *-ствовать*: *монашествовать* = *состоять, быть монахом*; глаголы класса V на *-нуть*: *ахнуть* = *сделать, издать ах*.

Напротив, глаголы класса IV являются по большей части переходными, например, *белить* = *делать (что?) белым*.

Почти все глаголы, которые относятся к слуховому восприятию, могут становиться переходными, как только внутреннее дополнение преобразуется в обстоятельство образа действия. Так, *выкать* = *говорить вы > называть (кого?) на вы*; *грохнуть* = *сделать грох, грохот > сделать (что?) с грохотом* и т. д. Само собой разумеется, что эти парафразы очень схематичны и грубы.

Если остановиться на непродуктивных группах глаголов, мы заметим, что из 400 глаголов почти половина являются непереходными. Но это либо глаголы, обозначающие различные восприятия звуков (приблизительно 110 глаголов из групп А, В и С), или же глаголы группы D (примерно 60 глаголов) с прозрачной синтагматической структурой. Они соответствуют формуле «становиться каким-то», например, *киснуть* = *становиться кислым*. Заметим по этому поводу, что это единственный класс, где идея становления находит свое собственное морфологическое выражение, во всех других случаях становление сливается с состоянием; этот класс, кстати, непродуктивный. Кроме указанных 170 глаголов мы находим всего лишь около двадцати непереходных, обозначающих главным образом некоторое перемещение (или положение) деятеля в пространстве, таковы глаголы *идти, ехать, плыть, лечь, сесть* и т. д.¹¹

¹¹ Тогда как перемещение дополнения должно, естественно, быть выраже-

Однако непреодолимой пропасти между переходными и непереходными глаголами не существует. Глаголы передвижения (или положения в пространстве) могут сопровождаться обстоятельственным дополнением меры в винительном падеже, например, *идти всю ночь, ехать сотню верст, сидеть полчаса* и т. д. Глаголы, выражающие желание (например, *алкать, жаждать, ждать, желать, требовать, хотеть* и т. д.) и употребляемые с родительным падежом, допускают иногда пассивный оборот: *Он ждет награды > Им ожидается награда; ожидаемая награда; требуемый, желаемый* и т. д.¹² С другой стороны, переходность некоторых глаголов ограничивается числом дополнений, которые могут за ними следовать, например, *распнуть, орать — брют, погрести**, *поясать, низать, клонить* и т. д.

Если основные непереходные глаголы столь многочисленны в русском языке, то причину этого нужно, вероятно, искать в естественной тенденции русского склада ума всегда вызывать конкретный образ, даже если речь идет о процессе. Кстати, мы увидим ниже, что образование переходных глаголов посредством префиксации относится к тому же характеру воображения. Однако не надо преувеличивать роль основных непереходных глаголов. Так, при слуховом восприятии различие между бесчисленными оттенками, выраженными непереходными глаголами разных типов, используется очень мало вне специализированной речи или вне аффектированной. Образования с *-ничать*, так же как и с *-ствовать* (несколько книжного характера), имеют очень ограниченное поле приложения. То же можно сказать и об отыменных образованиях типа *белеть*. Вообще, именно приставочные глаголы чаще, чем простые, употребляются в речи.

Если сравнить простой глагол *играть* с его приставочными образованиями, такими как *выиграть, проиграть, разыграть* и т. д., можно отметить, что идея игры, выраженная основным глаголом, вновь появляется в приставочных лишь как вторичная идея, так как то, что их отличает друг от друга, это как раз характерные свойства, носителями которых являются приставки и которые выступают как различители идеи игры. Значение простого глагола *играть* рядом с приставочными глаголами оказывается очень общим, расплывчатым и бледным. Не-

---

но переходным глаголом, например, *везти, нести, волоочь, тащить* и т. д.

¹² Ср.: Лысков. «Части речи», с. 64–65.

* В этой работе Карцевского наряду с формой *погрести* встречается и форма *погрести*.

красов был прав, говоря, что «глагол, соединяясь с предлогами, теряет общее значение действия и получает значение действия частного, выражающего, так сказать, *новый, особенный образ* своего проявления. От соединения с тем или другим предлогом зависит *картинность, изобразительность* действия, а не та сухая отвлеченность, которою выражается его оконченность или неоконченность»¹³. Даль формулировал похожее мнение, считая, что приставочные глаголы «выражают понятие точнее, определительнее, прикладнее, а потому и более слышны в речи»¹⁴.

Различение и уточнение процесса не что иное, как обращение к конкретным обстоятельствам, которые определяют направление процесса, его цель, его конец. Синтагматическая формула приставочного глагола, такого как *проиграть*, следующая: потерять (*T*) путем игры (*T'*) (с. 53 и 67). Значение основного глагола присутствует здесь не в качестве сказуемого или внутреннего объекта, а в качестве средства; поэтому в формуле место для внешнего объекта остается свободным. Под влиянием идеи средства и намеченного результата наше внимание направляется на объект.

Некрасов, кажется, первым заметил, что в приставочных глаголах выражение переходности усиливается. Он пишет: «...продолженность действия *дочитать* представляется сознанию уже не общею, абсолютною, как в глаголе *читать*, а определенной, ограниченной известным каким-либо пределом, краем, концом, который лежит собственно не в глаголе и не в предлоге, а в том предмете, на котором проявляется действие: в книге, письме, рукописи, таблице и пр. Другими словами, действие *читать* в глаголе *дочитать* теряет уже значение безотносительности своего проявления к предмету, и, таким образом, из общего, родового, безотносительного действия переходит в действие частое, видовое, относительное»¹⁵.

Похоже, что современные грамматисты не спешат признать важность тесной связи, существующей между префиксацией и переходностью. Правда, А. Пешковский понял, что некоторые приставки оказывают влияние на глагольное управление, но он из этого выводит, лишь что «в производных словах управление зависит от формальной стороны глагола, тогда как в основных словах оно зависит от семантической

¹³ Указ. соч., с. 117 [177].

¹⁴ Указ. соч. [без указания страницы].

¹⁵ Указ. соч., с. 179.

стороны»¹⁶. В. Богородицкий, напротив, думает, что глагол, образованный от глагола, имеет тот же залог, что и соответствующий основной: «*мету* = *подметаю*, *слеплю* = *ослепляю*», и признает лишь как исключения случаи, когда прибавление приставки к непереходному глаголу превращает его в переходный, например, *хожу по площади* = *перехожу площадь*¹⁷.

Теоретически любой основной глагол становится переходным при префиксации. Ср.: *верить* > *уверить*, *проверить*, *заверить*, *доверить*, *сверить*, ... ; *ходить* > *исходить город*, *выходить больного*, *уходить кого-нибудь*; *сидеть* > *просидеть стул*, *подсидеть кого-нибудь*, *пересидеть кого-нибудь*, *отсидеть ногу*, *мухи засидели зеркало*, *курица высидела цыплят*; *смеяться* > *высмеять*, *засмеять кого-нибудь*; *лениться* > *вакации разленили его*¹⁸ и т. д., и т. д. Похоже, однако, что приставки *за-* (в начинательном значении), *по-* и *раз-* не имеют большого влияния на переходность глаголов, например, *посидеть*, *поездить*, *полежать*, *рассидеться*, *разъехаться* и т. д.

В следующем диалоге (Тургенев. «Затишье», IV) можно схватить, так сказать, на лету прием превращения глагола в переходный посредством префиксации: «Полноте! — промолвила она. — Вы все смеетесь да шутите, и *прошутите* так всю вашу жизнь. — Гм! *прошутить* жизнь! Новое выражение! Ведь вы... употребили глагол шутить — в смысле действительном?» (переходный: за шутками не заметить, как прошла жизнь).

Префиксация глаголов, в основе своей непереходных, т. е. таких, синтагматическая формула которых содержит либо именную часть сказуемого [attribut] либо внутренний объект, префиксация таких глаголов очень ограничена. Так, рядом с глаголом *разбойничать* мы находим лишь *поразбойничать*, *заразбойничать*, *наразбойничать*, *отразбойничать*, *проразбойничать* и, может быть, в речи аффективного характера *доразбойничаться* и *изразбойничаться*. Эти глаголы сопротивляются префиксации, которая лишила бы их непереходного характера, а в нем заключается весь смысл их существования. Приставки, которые все-таки можно к ним присоединить, это *по-* ограничительное с очень общим значением¹⁹, *за-* начинательное тоже с очень общим значением

¹⁶ Указ. соч., с. 154.

¹⁷ Указ. соч., с. 231.

¹⁸ Ср. также прямое дополнение глагола совершенного вида *заслужить доверие* и косвенное дополнение глагола несовершенного вида *заслуживать доверия* (см. с. 66, примеч. 1).

и, наконец, *на-*, обозначающее общий результат, достигнутый накоплением, также обобщающего значения. Эта последняя приставка единственная строго переходная. Что касается таких глаголов, как *отразбойничать* и *проразбойничать*, они непереходные и не допускают при себе ничего, кроме обстоятельства длительности.

Глаголы типа *монашествовать*, *ахать*, *белеть* ведут себя по отношению к приставкам так же, как глагол *разбойничать*, с той только разницей, что в глаголах класса II приставка *по-* не имеет ограничительного значения, как, например, *побелеть*. Похоже, что глаголы класса V чаще всего не допускают префиксации; таков, например, глагол *ахнуть*.

Среди непереходных глаголов, относящихся к непродуктивным группам, тип D с синтагматической формулой «становиться таким-то» также не расположен к префиксации, например, *киснуть* > *закиснуть* (значение конца), *прокиснуть*, *скиснуть*. Другие непереходные глаголы, которые сегодня представляются как первичные, менее враждебно относятся к префиксации, но, естественно, в этом отношении не выдерживают никакого сравнения с простыми переходными. Ср., например, *молчать* непереходный > *домолчаться*, *замолчать*, *намолчаться*, *отмолчаться*, *помолчать*, *фромолчать*, *смолчать*, *умолчать*, с одной стороны, и *рвать* переходный, к которому можно присоединить следующие приставки: *взо-**, *взь-*, *за-* (*ся*), *изо-*, *на-*, *надо-*, *обо-*, *ото-*, *пере-*, *по-*, *подо-*, *пре-*, *про-*, *разо-*, *со-* и *у-*! Исключением являются глаголы передвижения, которые широко используют префиксацию.

§ 13. Нейтрализация

Поскольку префиксация преобразует непереходный глагол в переходный, глаголы непереходные, особенно те, что непереходны в основе своей, противятся префиксации (за исключением глаголов пере-

¹⁹ Эта приставка очень употребительна, так что П. Буайе и Н. Сперанский думают, что «в русском языке, можно сказать, не существует простых глаголов или снабженных уже какой-то приставкой, к которым, особенно в разговорной речи, нельзя было бы присоединить приставку *по-* с этим ограничительным значением» (*Manuel*, с. 20, примеч. 3). Однако глаголы определенного движения, глаголы вторичного совершенного вида, мгновенные глаголы и многие другие вовсе не имеют ограничительного значения. Напротив, имеются глаголы с ограничительным значением, выраженным приставкой *при-*, например, *призадуматься*, *пригорюниться*, *прибедниться*.

* Опечатка («вз-») исправлена по ①.

движения). Однако, как мы уже отметили, приставочные глаголы, следовательно переходные, наиболее употребительны в речи. Как же поступают, когда нужно нейтрализовать переходный глагол без изменения его семантического значения?

Ничто не мешает употребить любой невозвратный глагол как переходный или как непереходный. Так, в Думе создали глагол *уйти* с переходным значением: *Не он ушел, а его ушли*. Самый обычный прием — это употребление переходных глаголов в качестве непереходных. Например: *Каждый вечер я читаю, иногда пишу*. Внимание само собой концентрируется на процессе, оставляя в стороне какое бы то ни было дополнение. Эта концентрация достигает своего максимума в употреблении типа *Этому ребенку всего пять лет, а он уже читает и пишет*, т. е. он умеет читать и писать. Мы имеем здесь дело с тем обобщением, о котором шла речь в § 3 по поводу отношений между частным [individu] и видовым (см. с. 62).

Мы думаем, что не все глаголы в одинаковой мере поддаются этому обобщенному употреблению, и приставочные глаголы еще меньше, чем простые, именно потому, что они подверглись действию различителя. Их нейтрализация должна быть мотивирована и должна найти иное обоснование, чем просто стремление к обобщению. Здесь именно возвратная форма на *-ся* должна вступить в действие. Она служит для того, чтобы заставить процесс замкнуться на самом себе в зависимости от лица, заинтересованного в этом процессе.

В русском языке, если можно так сказать, нет ни одного переходного или непереходного глагола, который не мог бы быть употреблен в безличных оборотах, и чаще всего отрицательных типа: *Мне не спится, не работается; ей взгрустнулось; надо было подсказать, да как-то не подсказывалось* и т. д. Здесь речь идет о процессе, который не зависит от воли лица, в интересах которого процесс совершается. Но это заинтересованное лицо присутствует во всех подобных оборотах: *естся сытно, торгуется хорошо* относятся к какому-то обобщенному лицу: *ему, им, всем, каждому* и т. д. *естся, торгуется*. Этим оборотам соответствуют другие, с лицом неопределенным²⁰: *едят здесь сытно, торгуют хорошо*.

---

²⁰ Шахматов («Очерк», с. 170), утверждая, что некоторые глаголы, такие, как *идти, телеграфировать, долженствовать* (книжный), *возненавидеть, вознегодовать*, не имеют возвратной формы, забывает о безличных оборотах *Мне не шло, не телеграфируется* и т. д. Некрасов прав, утверждая, что любой русский глагол может иметь возвратную форму.

Другой прием нейтрализации состоит в том, чтобы заключить процесс в сферу деятеля. Когда говорят *Я бреюсь, одеваюсь, чешусь, умываюсь* и т. д., во-первых, это значит, что я это делаю для самого себя, а во-вторых, что я делаю это сам или же это делают для меня. Нужно ли подчеркивать тот факт, что *я умываюсь* (= *я сам умываю себе лицо*) противопоставляется выражению *меня умывают*, а не выражению *я умываю тебя, его* и т. д.²¹ В народе любят говорить: *я сегодня шьюсь, стираюсь, я отстряпалась*, что должно значить, что говорящее лицо, по какой-то причине, является заинтересованным в действии, чаще всего потому, что оно делает это в своих собственных интересах. Говоря *он постучался в дверь*, хотят подчеркнуть, что он делает это в своих интересах, чтобы ему открыли; просто *он постучал в дверь* не выражает причины этого действия. Точно так же можно сказать: *мальчишки бросают камня* или *мальчишки бросаются камнями*. Во второй фразе подчеркивается, что камни являются лишь средством; здесь лжеобъект устранен, потому что ребят интересует сам процесс²². Таким образом, действие процесса становится «внутренним», и эта тенденция замкнуть процесс в самом себе заставляет нас говорить: *снег валится, рыба берется, парус белеет* рядом с такими выражениями, как *снег валит, рыба берет, парус белеет*^{*}.

Импрессионистский и субъективный характер представления процесса в самом себе, мыслимого как внутренняя деятельность, был тонко объяснен Ш. Балли в уже цитированной нами работе²³. Следовательно, не удивительно, что русский язык изобилует непереходными оборотами.

Что касается пассивного употребления возвратных глаголов, о котором так часто говорят русские грамматисты, то оно имеет целью лишь создать второй, имперфективный член видовой пары, перфек-

²¹ Ср., напротив: *Я себя браню за то, что* и т. д.; *Я себе не могу простить, что* и т. д.; *Они готовы убить друг друга*; *Она любит себя* и т. д., где объект процесса совпадает с его субъектом.

²² Ср. мнение S. Hall, цитируемое Pierre Bovet (*l'Instinct combatif*, p. 25), о страсти, которая свойственна детям в определенном возрасте, они бросают все равно что и все равно куда. Речь идет, таким образом, о действии, которое не имеет внешней цели.

^{*} В © на отдельном листе напротив начала этого абзаца: Неправильно: «*Воображаясь героиней / Своих возлюбленных творцов...*» («Евгений Онегин», III, 10). Следовало бы: *Воображая себя*.

²³ *Impressionnisme et grammair.*

тивным членом которой является пассивная фраза. *Пашня вспахивается (мужиками)* существует только как противовес предложению *Пашня вспахана (мужиками)*. Об этом мы еще будем говорить дальше. Здесь достаточно напомнить, что в пассивной фразе деятель более или менее упразднен и что его замещают подлежащим, которое, по выражению А. Мейе, является «точкой приложения процесса»²⁴. Но действие подлежащего возвратного глагола, выступающего в роли деятеля, также сокращено до минимума, что позволяет, до некоторой степени, уподоблять страдательным такие обороты, как *Пашня вспахивается*.

Необходимо, чтобы в некоторых случаях противопоставление переходный ~ непереходный стиралось и употребление прямой или возвратной формы какого-либо глагола становилось бы одинаково возможным. Именно этот случай мы находим в уже приведенном примере: *рыба берет и берется, снег валит и валится*, и особенно *парус белеет и белеется*, где в обоих случаях глагол одинаково непереходный. Обобщающее значение глагола *берет* и *валит* в этих фразах тесно связано с их специфическим употреблением в значении «рыба клюет», «идет очень сильный снег». В предложении *парус белеется* внутренний характер процесса особенно подчеркнут, но здесь речь идет о процессе, по сути своей непереходном, эффект этого подчеркивания почти не наблюдается в интеллектуальном языке, и он оценивается главным образом в аффективной речи простого народа, и особенно в поэтической речи.

---

²⁴ *Linguistique historique et linguistique générale*, с. 177 и 193.

IV

ВИД

§ 14. Введение

То, что в настоящее время думают о видах глагола, можно изложить следующим образом.

Носителями значения совершенного вида являются приставки. Русские глаголы разделяются на приставочные, следовательно, глаголы совершенного вида, и простые, которые являются глаголами несовершенного вида, за исключением нескольких десятков простых глаголов, которые сами по себе являются глаголами совершенного вида, таковы *решить*, *сесть* и т. д., и примерно 300 глаголов типа *толкнуть*, также относящихся к совершенному виду¹. Кроме того, необходимо различать две разновидности простых глаголов, а именно *д л и т е л ь н ы е*, которые становятся перфективными с прибавлением к ним приставки, например, *играть* нсв, но *выиграть* св, и с другой стороны, *м н о г о к р а т н ы е*, которые остаются глаголами несовершенного вида, несмотря на прибавление приставки, например *касаться* нсв, *прикасаться* нсв. Исходя из того, что противопоставление длительных и многократных глаголов имеет семантическую природу и, кстати, не отвечает больше сегодняшней языковой реальности, А. Мазон заменяет это противопоставление противопоставлением *perfectibles* и *imperfectibles*².

---

¹ Мы знаем (с. 86–88), что тип *толкнуть*, класс V, это продуктивный тип, следовательно, цифра 300 может представлять лишь *numerus clausus*.

² А. Мазон. *Morphologie des aspects du verbe russe*, р. 5–6. [*perfectibles* – морфологическое по своей природе определение глаголов, которые с прибавлением приставки меняют свой вид на совершенный; *imperfectibles* – глаголы, которые в указанном случае сохраняют несовершенный вид].

Однако невозможно согласиться с подобным представлением системы видов русского глагола. Утверждению, что приставочные глаголы являются перфективными, можно противопоставить тысячи таких глаголов, как *выигрывать*, которые мы называем вторичными глаголами несовершенного вида и которые представляют собой наиболее продуктивную глагольную категорию. Тем, кто считает, что такие глаголы, как *выигрывать*, образованы от глаголов, всегда сохраняющих несовершенный вид, и кто противопоставляет их глаголам, которые с прибавлением приставки меняют свой вид на совершенный, следует возразить, что в современном русском языке вовсе не существует таких глаголов, как *игрывать*, *горевать*, *рубать* и т. д., и что к тому же, за редким исключением, не существует в русском языке глаголов, которые при присоединении приставки не становились бы перфективными; так, *выигрывать* нсв, но *навыигрывать* св³.

Мы уже видели, что образование видов полностью основывается на отглагольной деривации и не является ничем иным, как частным случаем глагольного словообразования в его совокупности. Видовое значение глагола зависит от места, которое он занимает в цепи отглагольного образования. Конечно, невозможно изучать изолированные и застывшие глаголы, как если бы они были этикетками, внесенными в каталог словаря, вместо того чтобы быть частью грамматической системы. Объединение глаголов в видовые пары также операция очень тонкая, и, если не принимать во внимание цепь деривации, существует опасность сблизить глаголы, которые в языковом сознании русских вовсе не составляют видовых пар. Эта словообразовательная цепь представляется следующим образом: *играть* нсв > *вы-играть* св > *выигрывать* нсв > *на-выигрывать* св. Подобная схема позволяет говорящему либо сравнить между собой глаголы одного уровня, такие как *вы-играть*, *про-играть*, *раз-играть* и т. д., либо сравнить различные фазы деривации одного глагола, а значит, видообразовательные этапы, например, *играть* и *выиграть*, *выиграть* и *выигрывать*, *выигрывать* и *навыигрывать*. Следовательно, становится невозможно противопоставить друг другу

---

³ К некоторым отдельным глаголам, например, *предзнаменовать*, *предшествовать*, *предстоять*, *отстоять*, *присутствовать*, невозможно присоединить приставку; они не составляют отдельной морфологической категории, максимум, что возможно, это объединить их под рубрикой глаголов, выражающих одновременное действие и относящихся главным образом к глаголам несовершенного вида.

касаюсь нсв и *прикасаюсь* нсв, так как они не являются двумя соседствующими звеньями: *касаться* нсв > *коснуться* св → *прикоснуться* св > *прикасаться* нсв, точно так же нельзя соединять глаголы *играть* и *выигрывать* или *навыигрывать*, так как они расположены на ступенях, слишком удаленных друг от друга.

Мы снова взяли, хотя и в новом значении, старый термин *степень*, который был предложен когда-то Павским и который затем встречается у К. Аксакова, Некрасова и других русских грамматистов вплоть до Овсянико-Куликовского. В том смысле, в каком мы его употребляем, этот термин не содержит в себе никакого понятия оценки, а служит просто для обозначения различных этапов деривации. Нам кажется удобным и вполне отвечающим языковой реальности называть вторичным несовершенным видом глаголы, которые раньше называли итеративными, потому что эти глаголы образуются дополнительной или вторичной суффиксацией. По той же причине можно говорить о вторичном совершенном виде в таких глаголах, как *вытолкнуть*. Однако нам нужна терминология одновременно точная и объемная, чтобы охарактеризовать продвижение глаголов по последовательным этапам деривации, а также чтобы охарактеризовать сами эти этапы, не напоминая всякий раз приемы деривации, свойственные каждому этапу. Иначе нам пришлось бы создать немалое количество частных и описательных названий для каждого типа глаголов, расположенных на одном уровне. Так, в рамках того, что мы называем первой степенью, мы находим такие разные типы, как *вытолкать*, совершенный приставочный, и *толкнуть*, совершенный не приставочный, оба, как нам кажется, образуются непосредственно (= 1-я степень) от основного глагола *толкать*. Затем мы находим там глагол *вытолкнуть*, приставочный, образованный от *толкнуть*; глагол *решить*, первичный, но совершенного вида; и, наконец, *облагородить*, отыменный приставочный глагол совершенного вида; тем не менее, все эти три глагола анализируются так же, как *вытолкать* и *толкнуть*, являющиеся основными типами, которые обладают большой силой влияния по аналогии на массу русских глаголов, включая и такие, как только что названные *вытолкнуть*, *решить* и *облагородить*.

Вводя термин *степень*, Павский еще раз доказал свое тонкое чутье грамматиста: он предвидел наличие словообразовательных связей, которые соединяют между собой все русские глаголы и без которых вовсе не было бы системы видов. Однако он ошибся в характере этого словообразования. По его мнению, именно вид стоит на первом мес-

те, тогда как собственно деривация выражает всего лишь тройную видовую трансформацию глаголов. Три видовые степени по Павскому представляются следующим образом *: «Первая степень: глаголы *однократные*, к которым относятся *мгновенные* / например, *мелькнуть*/, *решительные* / например, *прочитать*/ и часть *однообразные* / например, *лететь*/ . Вторая степень: глаголы *многократные неопределенные*, к которым причисляются *продолжительные неопределенные* / например, *мелькать*/, *прерывистые* / например, *почитывать*/ и *разнообразные* / например, *летать*/ . Третью, и последнюю, степень занимают глаголы *многократные дальние*. Сюда причисляются *продолжительные дальние* / например, *читывать*/ и *разнообразные дальние* / например, *хаживать*/»⁴. Именно поэтому Павский находит возможным установить параллель между степенями глагольными и степенями сравнения прилагательных: «В прилагательных именах три степени означают сравнительную меру качеств, в глаголах степенями означает меру продолжительности и объем действия»⁵.

Наше мнение совершенно иное. Мы считаем, что вид — это явление в какой-то мере вторичное, которое прибавляется к явлению деривации. Глаголы образуются одни от других, и в своем продвижении они располагаются как ступени лестницы или как этажи здания. Каждый глагольный этаж обладает своими собственными характеристиками, которые отличают его от других глагольных этажей. На эти семантические и морфологические различия наслаиваются различия в переходной природе глагола, и главным образом постоянные чередования видов. Поэтому термин «степень», по нашему мнению, не включает в себе никакого оценочного значения и вовсе не может быть соотнесен со степенями сравнения. Мы думаем, что лучше всего заметить его словом *ступень*⁶.

---

* Мы цитируем здесь Павского в подлиннике с примерами, прибавленными С. Карцевским (в косых скобках). Отметим, что в переводе на французский язык Карцевский несколько изменил терминологию: *решительные* переведено как результативные, *однообразные* — «определенного» движения, *многообразные* — «неопределенного» движения или разнонаправленные.

⁴ «Филологические наблюдения. III: О глаголе», Спб., 1850, с. 4.

⁵ Там же, с. 205.

⁶ Именно термин *ступень* мы используем в нашей грамматике «Русский язык», § 52 и § 64.

§ 15. Отглагольные образования

Рассмотрение употребления глагольных видов приводит нас к констатации трех следующих фактов.

1. Морфологическая система видов основывается на отглагольной деривации. Чередование видов является в некотором роде лишь частным случаем более широкой и сложной системы, которой является отглагольное словообразование в целом.

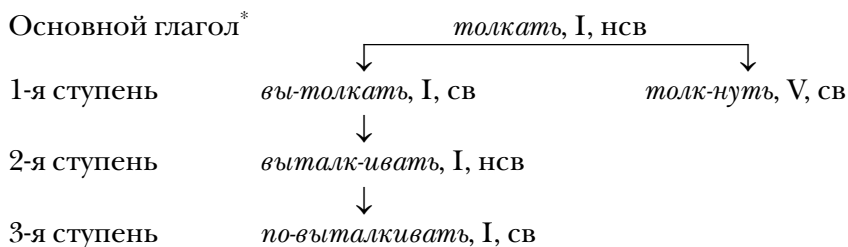
2. Семантика видов опирается на понятие результата. А ведь это понятие — одна из основных пружин системы русского глагола, и его действие проявляется даже в таких областях, как переходность, залог и наклонение. Именно поэтому понятие вида пересекается не только с понятием времени, но также с понятием переходности, залога и наклонения.

3. Функционирование механизма видов определяется двумя противоположными принципами, которые соответствуют двум различным умственным операциям. С одной стороны, если не принимать во внимание понятие длительности⁷, это сведение всякого процесса к результативной точке (от этой операции, семантической по своей природе, остается, однако, грамматический след в форме спряжения совершенного вида). С другой стороны, имеет место развитие результативного процесса во времени — операция грамматического характера. Однако было бы неправильно свести всю игру оппозиции видов только лишь к грамматическому противопоставлению обоих типов спряжения. По отношению к спряжению вид является чем-то внешним, ибо он относится к области словообразования.

Отглагольное словообразование происходит посредством наслаивания префиксов и суффиксов. Его механизм может быть сведен к следующей схеме:

---

⁷ Smith (*De verbis perfectis et imperfectis in linguis slavonicis*, Kjobenhavn, 1875, p. 1) определяет оппозицию видов как «*discrimen inter actiones diutius durantes et puncto temporis perfectas*», это высказывание цитирует Л. Размусен в работе: «О глагольных временах» (Ж.М.Н.П., июль 1891, с. 379). Статья Л. Размусена, с которой мы познакомились совсем недавно и которую мы не смогли использовать, как она того заслуживает, содержит большое количество тонких и справедливых замечаний, и можно лишь сожалеть, что она была так мало использована теми, кто занимался изучением проблемы видов.

Эта маленькая схема позволяет понять, благодаря каким приемам глаголы образуются от глаголов, она также помогает увидеть чередование видов и смысловые отношения, существующие между соседними звеньями цепи.

То, что мы называем «основными глаголами», это глаголы, не образованные от других глаголов, как непроизводные, так и производные. Это простые глаголы, т. е. бесприставочные и несовершенного вида⁸.

Затем идут глаголы, образованные от других глаголов или при помощи приставок, или при помощи суффикса *-нуть*, или, наконец, обоими этими способами. Все их можно объединить как глаголы 1-й ступени деривации, поскольку все они совершенного вида, но образованы не от вторичного несовершенного вида, в противоположность глаголам совершенного вида 3-й ступени деривации. Приставочные глаголы часто значительно отличаются по смыслу от простых, ср., например, *играть* и *обыграть*, *разыграть* или *учить* и *проучить*, *отучить* и т. д. Имеется очень большое число глаголов первой ступени, образующихся от одного и того же основного глагола. Теоретически можно образовать столько приставочных глаголов, сколько существует продуктивных приставок, т. е. восемнадцать. Мгновенные глаголы совершенного вида на *-нуть* также позволяют присоединение к ним префикса, хотя обычно эти приставки менее разнообразны, чем у глаголов несовершенного вида. К тому же многие приставки могут наращиваться, например, *по-при-за-думаться*. Обе серии приставочных глаголов могут частично совпадать, отсюда появление дублетов совершенного вида, например, *протолкать* и *протолкнуть* (см. с. 146). Отыменные приставоч-

* В «Повторительном курсе...» С. Карцевский дает здесь: «Простой глагол» (М., 2000, с. 160).

⁸ Существует около пятидесяти простых глаголов совершенного вида, такие, как *решить*, *сесть* и т. д. (См. § 18). Что касается глаголов, образованных от приставочных имен, например *сотрудничать* < *сотрудник*, они, естественно, являются глаголами несовершенного вида.

ные глаголы, такие, как *благородить*, *уместить*, с точки зрения видов уподобляются приставочным отглагольным образованиям, точно так же, как если бы они были образованы от глаголов *благородить, *местить и т. д.

Вторичные глаголы несовершенного вида образованы от приставочных глаголов 1-й степени посредством прибавления суффикса. Ибо, теоретически, каждому приставочному глаголу соответствует тождественный ему по приставке и по смыслу глагол 2-й степени, однако этот глагол противопоставляется первому как глагол несовершенного вида. Именно так создаются видовые пары типа *выиграть* св / *выигрывать* нсв. Иногда прибегают одновременно к приему вторичной суффиксации и префиксации, чтобы образовать глаголы несовершенного вида непосредственно от основных глаголов. Так создаются, например, обе серии глаголов несовершенного вида, которые Шахматов⁹ называет комитативные, например, *приплясывать*, *поддакивать*, *фрипевать*, *фрипотывать* (не смешивать с глаголом *фрипотать* св > *фрипатывать* нсв), и дистрибутивные, например, *перекояться*, *перезванивать* и др., не имеющие соответствующего совершенного вида.

Наконец, глаголы 3-ей степени словообразования восходят к вторичному несовершенному виду и образуются при помощи приставок. От вторичного несовершенного они отличаются по смыслу и являются глаголами совершенного вида. Они немногочисленны, так как только приставки *на-*, *пере-* и *по-* употребляются для образования вторичного совершенного вида. Здесь дублеты тоже возможны, так как к приставочным глаголам 1-й степени может прибавляться одновременно по несколько приставок, например, *повытолкать* и *повыталкивать* (см. § 18) *.

На этом останавливается образование видов. Если бы мы хотели создать 4-ю степень, то в нашем распоряжении оказался бы только один способ деривации, а именно префиксальный, потому что весь запас суффиксов уже израсходован. Сколько бы мы ни прибавляли приставок, вплоть до трех (*по-на-вы-думывать*), глаголы, образованные таким

⁹ «Очерк...», с. 167 [с. 173; у Шахматова: «длительно-комитативные» и «длительно-дистрибутивные»].

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца:

В глаголах вторичного совершенного вида за значением результата, достигнутого накоплением, можно различить идею многократност[и], ср.: *выбросать* [sic], *побросать*, *перебросать*, *набросать*.

образом, представляя новый оттенок смысла, останутся все-таки перфективными и будут уподобляться приставочным глаголам либо 1-й, либо 3-й ступени.

§ 16. Перфективация

Из двух приемов образования глаголов особого внимания заслуживает префиксация.

Прибавляясь к простому глаголу, приставка изменяет как семантическое значение, так и значение переходности и видовое значение глагола.

Более чем вероятно, что перфективное значение приставочных глаголов полностью зависит от характера их семантики и от значения переходности. Ибо перфективация процесса не что иное, как концентрация нашего внимания на одном конкретном моменте процесса, концентрация, исключая все прочие моменты, откуда впечатление, что перфективный процесс вовсе лишен длительности, но — это только впечатление, скажем мы, так как любой процесс неизбежно имеет некоторую протяженность¹⁰. Каким бы ни был этот момент, конечным (*спеть*), начальным (*запеть*) или другим, он субъективно мыслится как результативный¹¹: когда мы говорим *он запел*, действие завершено, точно так же как и в *он спел*, потому что наше внимание сконцентрировано именно на точке отправления процесса. Мы имеем дело с иным явлением при употреблении глагола *стать*, отмечающего начало развивающегося процесса: *Он стал работать*, *Мы станем петь*. Тот факт, что перфективация проводится в зависимости от понятия результата, с особой очевидностью проявляется в видовых, так называемых лексикологических парах, таких как: *искать* нсв / *найти* св (синоним глагола *сыскать* или *отыскать*) или *ловить* нсв / *поймать* св (синоним глагола *словить*); *брать* нсв / *взять* св; *говорить* нсв / *сказать* св. Результативный момент заставляет думать именно о конкретном результате и, так сказать, вполне осязаемом, к которому стремится и которым заканчивается процесс, и, естественно, первым возникает в мысли пря-

¹⁰ Писатели отдают себе в этом отчет и, подчеркивая длительность некоторых грамматически перфективных процессов, добиваются интересных эффектов, ср., например, следующую фразу: *Смердяков медленно и невозмутимо вскинул на него глазами* (Достоевский, «Братья Карамазовы», V, II).

¹¹ См.: Шахматов: «Очерк...», с. 174.

мое дополнение¹². Картину, которая соответствует глаголу совершенного вида, можно часто представить в других выражениях, так, чтобы выделить конкретный результат процесса. Так, *выиграть* значит *приобрести нечто*, так же как *проиграть* значит *потерять нечто*; *вылечить больного* = *сделать его здоровым*; *не укараулить* = *не уберечь, упустить нечто* и т. д.

Нам кажется, что будет уместно остановиться именно здесь на нескольких, хотя и немногочисленных, конкретных примерах, которые показывают роль понятия результата для глагольной системы русского языка*.

Форма прошедшего времени в спряжении глагола совершенного вида имеет значение перфекта и выражает результат действия, уже реализованного, но которое, если не было утверждения обратного, существует и в настоящем. Прошедшее время в спряжении глагола несовершенного вида, напротив, выражает процесс, развивающийся в плане прошедшего, полностью отделенного от настоящего момента. Так, вопрос *Взял ты книгу?* в какой-то мере приравнивается к вопросу *У тебя книга?* Отрицательный ответ, который стремится отрицать сам акт, был бы *Я не брал книги*, тогда как *Я не взял книгу* (что лучше, чем *книги*) значит, что действие имело место, но не достигло желаемого результата. Роль отрицания в русском языке очень важна и заслуживает специального углубленного изучения. Вообще императив совершенного вида, обозначая действие, мотивированное своим результатом, является менее произвольным, следовательно, менее повелевающим, более вежливым, чем императив глаголов несовершенного вида. В этих последних внимание сосредоточивается на самом процессе, не используя результат в качестве повода; ср., например, *Реши мне эту задачу* и *Решай мне эту задачу*.

Оборот с формой *было* составляет специальную модальность для выражения действия, аннулированного в связи с его результатом. Говоря *Я зашел было к нему, но его не было дома*, я хочу сказать, что я действи-

¹² L. Razmusen. Указ. соч., с. 379: «Глагол совершенного вида, мне кажется, первоначально указывает действие, достигающее своей цели (или предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как целое. Глагол несовершенного вида первоначально указывает действие как подготовку к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только с точки зрения конкретных проявлений без указания на глобальность действия».

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца: *Делай, чтобы сделать*, а не для того, чтобы делать.

тельно был у него, но, поскольку мое желание увидеть его оказалось нереализованным, я считаю сам акт недействительным.

Заметим также, что только глаголам совершенного вида свойственно употребление страдательного причастия прошедшего времени для выражения результата какого-либо действия, добавленного для качественной характеристики имени.

Мы считаем необходимым подчеркнуть здесь некоторые семантические значения, обобщенные до такой степени, что их можно рассматривать как перфективную модальность. Это главным образом финальная (или конечная¹³), начинательная и аттенуативная модальности.

Финальная модальность фиксирует наше внимание на конце процесса. Она имеет очень обобщенный характер, но отсутствие связи с одной определенной приставкой мешает, однако, ее полной грамматикализации. Действительно, образ окончания процесса видоизменяется в зависимости от его характера, например *сделать, написать, вспомнить, окаменеть, прочитать, поцеловать, укусить*; или еще: *сорвать цветок, вырвать зуб, порвать бумагу* и т. д.

Начинательная модальность сводит процесс к моменту его начала. Она чаще всего выражается посредством приставки *за-*, например, *заиграть, забегать, засуетиться, запеть, засесть, заговорить* и т. д.¹⁴ Однако эта модальность может также быть выражена другими приставками: например, глаголы передвижения, так называемые глаголы определенного движения, используют с этой целью приставку *по-*: *побежать, полететь, поехать*, а также *поскакать, помчаться, дождь полил* (напротив, в предложении *дождь полил землю* выражена конечная модальность) и т. д. С другой стороны, приставка *за-* даже в упомянутых выше глаголах может иметь совсем другое значение, например, *записать на память, зачитать книгу, заигранная пьеса, он совсем забегался* и т. д. Было уже отмечено, что приставка *за-*, употребленная в начинательном значении, не оказывает никакого влияния на переходность простого глагола.

---

¹³ Богородицкий называет это «окончательный вид» (см. «Общий курс...», с. 246).

¹⁴ L. Razmusen (указ. соч., с. 382) замечает, что «в русском глаголе начало действия никогда не выражается простым глаголом совершенного вида как *дать, деть, купить* и т. д., а всегда выражается приставочным глаголом, особенно с приставкой *за ...*».

Аттенуативная модальность сокращает, так сказать, размеры процесса до минимума. Она может подвергнуть перфективации лишь часть процесса¹⁵, потому что аттенуативные глаголы чаще, чем все другие глаголы совершенного вида, допускают обстоятельство времени: *поработать час-другой; пожить с неделю, недолго* и т. д. Однако они не допускают при себе определителей, обозначающих большую длительность, и фраза «*Петушков долго молча поглядел на Онисима*» (Тургенев. «Петушков») не совсем правильна, если только не считать глагол *поглядел* глаголом совершенного вида не аттенуативным, что вполне возможно. Эта модальность обычно выражается при помощи приставки *по-*, например, *поиграть, почитать, побегать* и т. д. Однако так называемые глаголы определенного движения, вторичные глаголы совершенного вида (3-я ступень), мгновенные глаголы совершенного вида на *-нуть* и мн. другие вовсе не имеют смягчительной модальности. У некоторых глаголов значение *по-* не аттенуативное, например, у глаголов определенного движения или у таких, как *погубить, поставить, почесть* и т. д. Наконец, в некоторых глаголах значение, которое можно назвать аттенуативным, выражается приставкой *при-*: *призадуматься, прикфрыть*, ср. также: «...*пройдет молодец — приосанится, пройдет девица — пригорюнится*» (Лермонтов). Приставка *по-*, употребленная в аттенуативном значении, не оказывает никакого влияния на переходность глагола*.

С глаголами совершенного вида на *-нуть* связана другая модальность, присущая мгновенным глаголам совершенного вида. Почти любой основной глагол сколько-нибудь конкретного значения способен образовать мгновенный перфектив. При этом необходимо, чтобы глагол

¹⁵ Ульянов говорит, что аттенуативные глаголы обозначают ограничение в распространении действия (указ. соч., с. 154); см. А. Мазон. Указ. соч., с. 112.

* В © на отдельном листе напротив этого абзаца:

Кутузов долго внимательно *поглядел* на этих двух солдат... (В[ойна] и м[ир]).

Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза... (Тургенев. «Ася»).

После того долго еще пришлось *посидеть*, слушая рассказы этого охотника о Ленине (М. Пришвин. «Рассказы охотника»).

«На ходу Серизье обменялся жестами и улыбками также с ближайшими друзьями и присел на первое свободное место, торопливо пожав руку соседу с видом: „Не сажусь, а только ‘*присаживаюсь*’“. Сейчас, сейчас услышите» (М. Алданов. «Пещера»/Последние новости, № 4302, 1—I/1933).

выражал процесс, который говорящий в своем воображении может разложить на серию актов без длительности, следующих друг за другом во времени: *ахатъ* > *ахнутъ*, *шагатъ* > *шагнуть*, *стучатъ* > *стукнуть*, *спекулифовать* > *спекульнуть* и т. д. (см. с. 86–87). Наряду с этими глаголами существует совершенный вид на *-ануть*, также мгновенный, но вдобавок с некоторым значением действия, выхваченного из процесса: *резнуть* > *резануть*, *щелкнуть* > *щелкануть* и т. д.¹⁶ Некоторые мгновенные глаголы вовсе не имеют соответствующего основного глагола несовершенного вида, как *грянуть*, *звездануть* и другие¹⁷. Суффикс *-нуть* (и *-ануть*) является единственным перфективным суффиксом, все остальные суффиксы имперфективны.

Мы уже видели (глава III, § 12), что не все глаголы обладают одинаковой способностью присоединять к себе приставки. Похоже, что именно от глаголов, которые при настоящем состоянии языка предстают как первичные, образуется наибольшее количество приставочных. К глаголам, непереходным в своей основе, можно прибавить очень ограниченное число приставок¹⁸. Они допускают почти исключительно приставки с обобщенным значением: аттенуативным, начинательным, и особенно финальным. Перечисленные приставки не оказывают никакого влияния на непереходный характер этих глаголов. Мгновенные глаголы на *-нуть*, представляющие уже вполне конкретную перфективную модальность, также образуют мало приставочных.

Наконец, вторичные глаголы совершенного вида образуются исключительно при помощи приставок *на-*, *по-* и *пере-*. Здесь речь идет о новой перфективации процесса, который только что был сделан имперфективным, после того как уже прошел первую перфективацию (например, *толкать* нсв > *вытолкать* св > *выталкивать* нсв [*> повыталкивать* св]). Вот почему вторая перфективация кажется операцией гораздо более трудной, чем первая, и происходит она при наличии идеи результата, достигнутого накоплением, т. е. результата, полученного после определенных усилий. Каждая приставка, употребленная для вторичной перфективации, имеет неизменное значение; так, *по-* обозна-

¹⁶ См. с. 86.

¹⁷ Правильная этимологическая орфография должна была бы быть *звиздануть* (< *свистануть*), ср. в чешском языке: *hvizdnouti*.

¹⁸ Соответствующие фактивные глаголы класса IV (*белить*, *чернить* и т. д.), напротив, могут образовать большое количество приставочных.

чает результат, полученный накоплением последовательных действий, например *повыталкивать*; *пере-* — результат, полученный накоплением чередующихся действий, например *перевыталкивать*; *на-* обозначает глобальный результат накопленных действий, например *навыигрывать*.

§ 17. Имперфективация

Все суффиксы, за исключением *-нуть*, *-ануть*, принадлежащих классу V, являются имперфективными. Среди них различают две серии: первичные суффиксы, которые служат для образования основных глаголов, и вторичные суффиксы, при помощи которых образуются вторичные имперфективы (2-я степень деривации). Мы уже разбирали и те и другие (глава II, § 7), что позволяет нам не прибегать здесь к их детальному морфологическому анализу.

Понимание любого процесса как развивающегося во времени, т. е. имеющего длительность, является при настоящем состоянии языка таким естественным, что имперфективное значение основных глаголов представляется как первичное явление, нечто вроде непосредственно данного, не требующего объяснения. Но, будучи «естественным», имперфективное значение основных глаголов не очень акцентируется. К тому же известны основные глаголы совершенного вида, такие как *бросить*, *решить*, некоторые другие, также основные, но неопределенного вида, например, с одной стороны, *казнить*, *ранить* и др., а с другой — заимствования: *атаковать*, *телеграфировать* и др. Следует также признать, что двойное видовое значение основных глаголов, особенно в прошедшем времени, явление гораздо более частое, чем думают, например: *Учитель чистописания воспользовался смятием и бежал* (св) (Чехов. «Неудача») или *...и удивлял, смущал и почти пугал пришедшего знанием тайны его, прежде, чем тот молвил* (нсв) слово (Достоевский. «Братья Карамазовы», I, V). *Все рушилось* содержит также двойное толкование вида в зависимости от контекста и т. д.

Совершенно иначе обстоит дело с вторичными имперфективами, которые отражают операцию развития во времени процесса, уже однажды перфективированного, и в которых видовое значение до такой степени связано с суффиксом, что иногда за неимением других показателей вид глагола определяется по присутствию или отсутствию вторичного суффикса. Ср., например, *обнародовать* св и *обнародывать*

нсв¹⁹; естественно наблюдается стремление установить аналогичное различие и между глаголом двойного вида *исповѣдовать* (дублет *исповѣдать*) и *исповѣдывать* нсв; *исследовать* и *исследывать* нсв; и некоторыми другими глаголами*.

Среди вторичных суффиксов несовершенного вида суффикс *-евать* наименее продуктивный. Он служит исключительно для образования несовершенного вида, от соответствующих глаголов совершенного вида класса II, которые не очень многочисленны, например, *согреть* > *согревать*, *овладеть* > *овладевать* и т. д. Его не следует смешивать с суффиксом *-ать*, когда этому суффиксу предшествует фонема *-в-*, что происходит после гласных в некоторых глаголах, относящихся почти исключительно к непродуктивным типам: *навеять* > *навеивать*, а также *остыть* (дублет *остынуть*) > *остыивать*.

Суффикс *-ать*²⁰ не характерен для образования вторичного несовершенного вида, и его легко спутать с первичным суффиксом *-ать* (см. с. 118: случай глагола *касаться* и *прикасаться*), поэтому он все чаще и чаще заменяется суффиксом *-ывать* / *-ивать*²¹. Довольно многочисленны случаи, где обе формы сосуществуют: *отряхать* и *отряхивать*, *накоплять* и *накапливать*, *приготовлять* и *приготавливать*, *затоплять* (употребляется особенно в значении наводнения) и *затопливать* (особенно в смысле зажигать печь) и т. д. Существуют, однако, случаи, где формы на *-ать* предпочтительны формам на *-ывать*, так, следующие фразы нас коробят: *Бедность, худоба и старость ... фазруши и вали гармонию* (Лер-

¹⁹ Следует заметить, что форма *обнародывать* представляет нечто вроде компромисса между **обнародовывать*, единственным бесспорно правильным образованием (ср.: *подписовывать*), и **обнародовывать*, с соответствующим ударением от глагола *обнародовать*.

* В ② на отдельном листе напротив этого абзаца: «Меня она узнавала всегда, улыбаясь, *просиявала*, как электрическая лампочка, когда нажмешь кнопку...» (Л. Толстой. «Воспоминания детства». — О Ергольской).

²⁰ Этот суффикс безударен только в глаголе *па́датель* нсв < *пасть* (или *упасть*) св; но в префиксальных глаголах он ударный: *напа́сть* св > *напа́датель* нсв, *припа́сть* св > *припа́датель* нсв и т. д. Ср. также вторичный совершенный вид *попа́датель*, *перепа́датель* и вторичный несовершенный *попа́датель* < *попасть* св и *перепа́датель* < *перепасть* св.

²¹ Следует заметить особенное ударение в глаголах *упоря́дочивать* < *упоря́дочить*, в производных от *ку́порить*, например, *заку́поривать* (в народе, как правило, ударение ставят на -о-: *закупоривать*, *откупоривать* и т. д.); в глаголе *усо́вещевать* (рядом с *усовещевать* и *усовещевать*) < *усо́вестить* и в глаголе *подса́харивать*.

монтов. «Княгиня Лиговская»); ... *выпрямливала стан и выставляла грудь* (Тургенев. «Чертопханов и Недопюскин») и т. д.²²

Вторичные глаголы несовершенного вида во всех отношениях тождественны глаголам совершенного вида, от которых они образованы. Они наследуют и их семантические значения, и их переходность. Мы знаем, что в настоящее время только глаголы совершенного вида имеют форму страдательного причастия прошедшего времени, но можно также утверждать, что если в письменной речи сохраняется форма страдательного причастия настоящего времени, то это главным образом благодаря вторичным глаголам несовершенного вида: *выработанный* || *вырабатываемый*, *признанный* || *признаваемый* и т. д. Из этого следует, что такой глагол, как *выигрывать*, отличается от глагола *выиграть* только своим видом и что оба составляют пару, члены которой противопоставляются друг другу как глаголы различных видов. Эта оппозиция по природе своей исключительно грамматическая, без какой-либо примеси семантического различия. Так составляются грамматические видовые пары, которые отражают развертывание во времени какого-либо процесса, предварительно перфективированного.

Операция развертывания во времени является операцией грамматической. Напрасно было бы искать в явлении имперфективации что-либо семантическое, что играло бы роль, аналогичную той, которую играет понятие результата в операции перфективации.

Из этого следует, что глаголы несовершенного вида вовсе не могут иметь значения многократности. Если сравнить, с одной стороны, такую фразу, как *Вчера, когда я возвращался домой...*, и, с другой стороны, *Он отправлялся на несколько мновений в сад, стоял там как истукан... и снова возвращался к сыну* (Тургенев. «Отцы и дети», XXVII), можно констатировать, что вторичный имперфектив может одинаково хорошо выражать как действие повторяющееся, так и действие единичное, но которое развивается²³. Вот почему нет никаких оснований говорить о глаголах длительных и многократных в современном русском языке*.

²² См. другие примеры: В. Чернышев. «Правильность и чистота русской речи», II, § 29.

²³ См. Некрасов. Указ. соч., с. 152; Л. Размусен. Указ. соч., с. 384–385; А. Мазон. *Morphologie des aspects*, p. 68.

* В © на отдельном листе к этому абзацу: Вторичные глаголы несовершенного

Множественное значение, однако, хорошо знакомо говорящим на русском языке, только это значение имеет не один способ выражения. Так, существует несколько наиредчайших глаголов несовершенного вида, которые выполняют роль многократных по отношению к их дублетам также несовершенного вида, например, *бывают* и *видать* наряду с *быть* и *видеть*. Это исключительное явление остается, естественно, без последствий для видовой системы. Кроме того, существует второстепенная модальность более или менее итеративного значения, это, в частности, обороты с глаголом *бывало*²⁴. Наконец, спряжения представляют нам форму частично модальную, частично временную и видовую, этой формой является прошедшее время многократное (см. с. 61 и § 26). Следующий пример вполне представляет это употребление: *Елисей был старичок ни богатый, ни бедный, хаживал в ал прежде по плотничной работе, а под старость стал дома жить и пчел водить. Один сын в добычу ходил, другой — дома. Человек был Елисей добродушный и веселый. Пивал и водку, и табак нюхал, и любил песни петь, но человек был смиренный* (Л. Толстой. «Два старика», I). Формы *хаживал* и *пивал*^{*} не обозначают действия, ставшие привычными в силу частого повторения, это скорее две серии действий, отделенных друг от друга промежутками времени. По отношению к моменту рассказа эти серии относятся к прошлому и они завершены²⁵, даже если затем они будут возобновлены. Поскольку речь идет о выражении серии действий, отстоящих друг от друга во времени, одна и та же форма, в зависимости от намерения говорящего, будет обозначать либо часто повторяющиеся акты, либо действия редкие. Так, в фразе *... простившись со своей супругой, которую звал Аришей, когда был весел, и Аниною, когда бывал сердит...* (Аксаков. «Семейная хроника», I) формы *был* и *бывал* выражают оппозицию между серией состояний, присущих человеку довольно часто, и другой серией, составленной из состояний, встречающихся редко.

вида, образованные от мгновенных приставочных глаголов, должны иметь оттенок *многократности*, так как имперфективация должна проводиться здесь путем повторения действия, мыслимого сначала как единичное.

²⁴ См. об этом ниже: глава VII, § 26.

* Исправляем опечатку: *невал*.

²⁵ Именно поэтому некоторые грамматисты приписывают этой форме значение *plusquamperfectum*. См., например, Востоков. Указ. соч., с. 100 (изд. 2-е).

Что касается инфинитива, соответствующего прошедшему многократному, он вовсе не употребляется в литературном языке, за исключением некоторых застывших выражений, всегда отрицательных: *Не житье уж нам так боле*.

Теоретически любой приставочный перфектив 1-й ступени может при помощи вторичной суффиксации образовать парный имперфектив. Однако существуют глаголы совершенного вида без соответствующих вторичных глаголов несовершенного вида, таковы, например, *сделать, сыграть, суметь, написать, поседеть, поцеловать* и т. д. Эти глаголы чаще всего относятся к финальной модальности, и значение их приставки обычно настолько обобщено, что глагол почти становится просто парным грамматическим перфективом соответствующего основного глагола. Мгновенные глаголы совершенного вида не имеют парных вторичных имперфективов²⁶, если только они не присоединяют к себе какой-либо приставки. Кроме того, существуют глаголы несовершенного вида 2-й ступени, которые не имеют соответствующего глагола совершенного вида 1-й ступени, такими являются комитативные и дистрибутивные глаголы, о которых мы уже говорили (с. 125). Можно также назвать некоторые изолированные глаголы, например, *заигрывать, отнекиваться, ухаживать, охорашиваться, заискивать* и т. д.²⁷

Единственными видовыми парами, имеющими действительное существование в языке, являются грамматические пары (*выиграть* св / *выигрывать* нсв), соответствующие операции развертывания во времени предварительно перфективированного процесса. Эта операция, как мы уже говорили, носит исключительно грамматический характер. Лексикологические пары (*говорить* нсв / *сказать* св, *взять* св / *брать* нсв) чрезвычайно редки и вовсе не заслуживают внимания со стороны грамматиста. Что касается основных глаголов, то они не входят ни в одну видовую пару. Действительно, рядом с основным глаголом *играть* возникают следующие приставочные глаголы совершенного вида: *выиграть, доиграть, заиграть* (начинательный глагол), *заиграть* (испортить частой игрой), *наиграть* (получить большой выигрыш в игре), *обыграть, отыграть, переиграть, подыграть, поиграть* (аттенуатив-

²⁶ Нам известна только одна пара такого типа, а именно *воскреснуть* св / *воскресать* нсв (см. с. 139).

²⁷ Форма *заискать* св кажется слишком искусственной, хотя мы встречаем ее у Достоевского: ... он умел *заискать* и *понравиться*.

ный), *поиграть* (играть в течение некоторого времени), *разыграть*, *проиграть*, *сыграть* (окончательный) и т. д. По отношению к глаголу *играть* это всё новые глаголы, и ни один из них не может соединиться с *играть* в качестве грамматического партнера совершенного вида²⁸. В самом крайнем случае можно было бы соединить глагол *играть* с глаголом конечной модальности *сыграть*. Однако составленная таким образом пара, которую можно было бы определить как семантическую, была бы поддельной, ибо она вовсе не соответствует языковой реальности. Один и тот же основной глагол может иметь несколько конечных модальностей (*сорвать*, *порвать* или *вырвать* наряду с глаголом *рвать*, в зависимости от того, значит ли он рвать цветы, бумагу или зуб). Мгновенная модальность также не составляет грамматического перфективного значения (см. с. 61), и *толкнуть* по отношению к *толкать* будет расцениваться так же, как *вытолкать*, *протолкать* и другие приставочные глаголы совершенного вида.

Проведенный анализ показывает всю неоправданность столь пространного мнения, что русские глаголы всегда образуют видовые пары. Существуют только грамматические пары, и, хотя они очень многочисленны, они соединяют только перфектив 1-й ступени с имперфективом 2-й ступени.

§ 18. Непродуктивные типы

До сих пор наше внимание сосредоточивалось исключительно на типичных живых элементах, на тех, сила аналогического влияния которых составляет видовую систему, функционирующую в настоящее время. Теперь нам остается отметить случаи, которые с точки зрения этой же системы являются непродуктивными, т. е. нетипичными, неспособными проявлять силу аналогического влияния. Таковыми, в частности, являются: 1) глаголы передвижения, которые обычно называют глаголами движения; 2) совершенный вид простых глаголов; 3) глаголы неопределенного вида; 4) глаголы, в которых формы, образованные от основы инфинитива, и формы, образованные от основы настоящего времени, представляют разные виды; 5) приставочный несовершенный вид и 6) видовые дублиеты.

---

²⁸ По тем же причинам нельзя также составить видовую пару, соединяя вторичный несовершенный вид с вторичным совершенным видом (3-я ступень деривации).

1) Глаголы передвижения

Они образуют две параллельные серии:

«определенные»	«неопределенные»
<i>бежать</i>	<i>бегать,</i>
<i>брести</i>	<i>бродить,</i>
<i>везти</i>	<i>возить,</i>
<i>вести</i>	<i>водить,</i>
<i>гнать</i>	<i>гонять,</i>
<i>ехать</i>	<i>ездить,</i>
<i>идти</i>	<i>ходить,</i>
<i>катить</i>	<i>катать,</i>
<i>лезть</i>	<i>лазить,</i>
<i>лететь</i>	<i>летать,</i>
<i>нести</i>	<i>носить,</i>
<i>плыть</i>	<i>плавать,</i>
<i>ползти</i>	<i>ползать,</i>
<i>тащить</i>	<i>таскать</i> * .

Особенностью этих глаголов является их определенность или неопределенность по отношению к пространству (см. с. 61). Это новое значение, неизвестное другим русским глаголам, является причиной того, что глаголы передвижения составляют отдельную маленькую систему.

Глаголы неопределенного движения обозначают различные возможности или способы передвижения: *ползать* — передвигаться, лежа на земле; *летать* — передвигаться по воздуху или, точнее, передвигаться при помощи крыльев и т. д. Например, *Рыбы плавают, черви ползают, птицы летают и плавают, но не лазят. Люди же ходят, ездят, бегают, плавают и даже летают.*

Глаголы определенного движения не могут употребляться в этом обобщенном значении абсолютного настоящего времени. Когда говорят *рыбы плывут, птицы летят* и т. д., речь идет о практическом приращении одного из различных способов передвижения, что неизбежно заставляет думать о конкретных условиях ситуации, таких как на-

* В © к этому абзацу:

-скочить
блудить

скакать
блуждать.

правление движения и время. Глаголы неопределенного движения, напротив, никогда не позволяют достаточно точно указать направление движения. Если говорят *Я смотрю, как птицы летят к дереву* — это значит, что птицы летят в одном-единственном направлении — к дереву. Но если говорят *Я смотрю, как птицы летают к дереву*, глагол позволяет предположить, что птицы повторяют свой путь несколько раз — движение туда и обратно. *Когда я шел вчера в школу, я встретил приятеля* и *Когда вчера я ходил в школу, я встретил приятеля*, обе фразы абсолютно правильны, но во второй фразе не уточняется, встретил я приятеля по дороге туда или по дороге обратно. Можно сказать *Поезд ползет как черепаха* или *Поезд летит стрелой* — это значит, что движение поезда такое же замедленное, как движение черепахи, или такое же быстрое, как полет стрелы. Но нельзя сказать **Поезд ползает как черепаха* или **Поезд летает как птица*, так как эти два способа передвижения свойственны соответственно пресмыкающимся и птицам и вызывают у нас картину движения ног, живота, волочащегося по земле и т. д.*

Естественно, бывают случаи, когда различия между двумя сериями стираются. Так, можно одинаково сказать: *Лошадь везет* (более конкретно и индивидуально, *pars pro toto*) или *возит* (обобщенный характер) *до шести седоков*, *Он легко несет* или *носит пятипудовый мешок*. В этих случаях общее (*возить, носить*) и индивидуальное (*везти, нести*) смешиваются в одном конкретном случае актуализации**.

К глаголам определенного движения можно прибавить все приставки. Их вторичный несовершенный вид почти всегда совпадает по формам с соответствующими глаголами неопределенного движения. Так, например, *по-* (начинательное) — *побежать, полететь* и т. д. — не имеет соответствующего вторичного несовершенного вида; *с-* (движение вниз): *слететь* св / *слетать* нсв и т. д.; *в-* (движение внутрь): *войти* св / *входить* нсв и т. д.; *при-* (приближение): *принести* св / *приносить* нсв, *привезти* св / *привозить* нсв и т. д.; *от-* (отделения): *отъехать* св / *отъезжать* нсв, *отвести* св / *отводить* нсв.

Глаголы неопределенного движения менее подвержены префиксации, за исключением тех случаев, когда они употребляются в переносном значении (так, например, *заносить* или *затаскать платье, выходить*

---

* В ② к этому абзацу:

Она носит на шее крест | Она безропотно несёт свой крест.

** В ② к этому абзацу:

Эти часы стары, но ходят / идут хорошо.

большого и т. д.; здесь они имеют значение накопленного результата и часто бывают переходными); *по-* (аттенуативное): *побегать, полазить* и т. д.; *за-* (начинательное, к этому значению прибавляется идея сильного волнения): *забегать, залетать; забегаться* и т. д.; *с-* (туда и обратно): *сбегать, сходить*; эти значения не имеют соответствующего вторичного несовершенного вида; *вы-*: *выходить* св / *выхаживать* нсв, *выездить* св / *выезживать* нсв и т. д.; *до-* (конец, цель): *доносить* св / *донашивать* нсв, *добегаться* св / *добегиваться* нсв и т. д.*

Префиксация глаголов передвижения приводит к образованию многочисленных дублетов совершенного вида: *перенести* св и *переносить* св (*нести* нсв > *перенести* св > *переносить* втор. нсв, это с одной стороны, а с другой, *носить* нсв > *переносить* св > *перенашивать* втор. нсв, очень редкий, так как он заменен глаголом *переносить*); то же *загнать* св и *загонять* лошадь (*гнать* нсв > *загнать* св > *заганивать* (редко) и также *загонять* вторичные нсв, с одной стороны, а с другой, *гонять* нсв > *загонять* св).

2) Простые глаголы совершенного вида

Простые глаголы совершенного вида не существуют изолированно, они всегда сопровождаются соответствующими глаголами несовершенного вида: *решить* св / *решать* нсв, *благословить* св / *благословлять* нсв и т. д. Эти пары имеют грамматический характер, потому что их члены тождественны по семантическому значению; следовательно, они уподобляются парам типа *выиграть* св / *выигрывать* нсв, несмотря на то, что их члены сохраняют один по отношению к другому некоторую независимость.

Глаголы несовершенного вида в этих парах почти всегда оканчиваются на *-ать* (существует всего лишь шесть исключений), что позволяет опять-таки сблизить их с вторичным несовершенным видом; ср., например, *разрешить* св / *разрешать* нсв и *разрубить* св / *разрубать* нсв. Говорящие видят в этом суффиксе прямой показатель видового значения этих имперфективов, которое, таким образом, оказывается относительно мотивированным и не совсем первичным, как в других основных глаголах. Таким образом, глаголы типа *решать* занимают особую позицию: будучи основными, они до некоторой степени уподобляются вторичным имперфективам.

* В © к этому абзацу: *смотáйся* или *смахáйся* (= *сходи́*, *съезди́*).

Поскольку пара *решить* / *решать* уподобляется типу грамматических пар, перфективное значение глагола *решить* определяется по оппозиции к глаголу *решать*. Итак, можно утверждать, что *решить* — глагол совершенного вида, потому что *решать* несовершенного, утверждать обратное нельзя.

Простых изолированных глаголов совершенного вида почти не существует. Нам известны лишь следующие примеры: *поймать*, *взять*, *миновать* и глагол *рассветить*, обладающий неполным набором форм. Здесь возможно утверждать, что, например, глагол *взять* — совершенного вида просто потому, что таково его употребление. Что касается изолированных глаголов *женить*, *казнить*, *молвить*, *ранить*, которые обычно упоминаются среди простых глаголов совершенного вида, их видовое значение неопределенно, они могут иметь двойное употребление — и перфективное, и имперфективное. Поэтому мы ставим их среди глаголов неопределенного вида.

Не всегда легко с первого взгляда определить, является ли глагол простым или приставочным. Сознание говорящего цепляется за малейший показатель в форме глагола, который позволил бы приписать этому глаголу синтагматическую структуру, связанную с его видовым значением. Возьмем, к примеру, глагол *защитить* св. Простого глагола *щитить в современном русском литературном языке не существует, однако глагол *защитить* естественно и спонтанно ассоциируется с существительным *щит*, и поэтому глагол считается приставочным: *защитить*. Возьмем глагол *учредить* св, связь с существительными *чреда*, *черед*, *очередь* совсем не существует, языковое сознание устанавливает синонимическую связь *учредить* = *установить* св (< *становить* нсв), отсюда выводят структуру *учредить*. Глаголы такого типа не фигурируют в нашем списке простых глаголов совершенного вида. Мы постарались составить список простых глаголов, бесприставочный характер которых не подвергается никакому сомнению.

Глаголы совершенного вида, которые сегодня для языкового сознания русских представляются как простые, и соответствующие им глаголы несовершенного вида, уподобленные вторичным имперфективам, следующие:

благословить / *благословлять*,
бросить / *бросать*,
взять / *брать*,
воздвигнуть / *воздвигать*,

воскресить / *воскрешать* (перех.),
воскреснуть / *воскресать* (неперех.)
встретить / *встречать*,
дать / *давать*,

деть / девать,
застрять / застревать,
затеять / затевать,
исчезнуть / исчезать,
кончить / кончать,
купить / покупать,
лечь / ложиться,
лишить / лишать,
облачить / облачать,
облечь / облекать,
одолеть / одолевать,
обратить / обращать,
обрести / обретаь,
обуять / обувать,
обязать / обязывать,
осклабить / ослаблять,
ощутить / ощущать,
пасть / падать,

пленить / пленять,
погрести / погревать,
поймать / —²⁹
посетить / посещать,
пренебречь / пренебрегать,
простить / прощать,
пустить / пускать,
распять / распинать,
рассвети / —
решить / решать,
сесть / садиться,
снабдить / снабжать,
стать / становиться,
стрелить / стрелять,
ступить / ступать,
хватить / хватать,
явить / являть*.

Префиксация некоторых из этих глаголов заслуживает особого внимания.

Бросить. С одной стороны, мы имеем *выбросить* св / *выбрасывать* нсв, *перебросить* св / *переврасывать* нсв и т. д., а с другой стороны, мы имеем образования от глагола *бросать*: *выбросать* св / —, *разбросать* св / *разбрасывать* нсв, *набросать* св / *набрасывать* нсв. В некоторых редких случаях совпадения в префиксации, в таких как *выбросить* св и *выбросать* св, второй перфектив обозначает накопленный результат. *Кончить*: *окончить* св / *оканчивать* нсв и т. д.; что касается *кончать*, он не допускает префиксации, за исключением *покончать* (просторечное, вторичный совершенный вид) и *скончаться*. *Лишить / лишать* вовсе не допускают префиксации. *Решить*: *разрешить* св / *разрешать* нсв и т. д.; *решать* имеет свои приставочные перфективы: *нарешать*, *перерешать*, они имеют

²⁹ Существует диалектный глагол *имать* нсв.

* В © к этому списку:

[карандашом:] *обмануть* ?
воротить(ся) / ворочать(ся)
пособить / пособлять (|и| подсобить).
ринуться / — разорить / разорять
(отринуть) / —

значение вторичных перфективов (накопленный результат). *Стрелить* в качестве простого глагола употребляется в народной речи: *Намеднись наш казак одного стрелил* (Л. Толстой. «Казачьи», VI), говорят *выстрелить*; приставочные глаголы от *стрелить* не имеют соответствующих глаголов несовершенного вида; кроме того, среди приставочных от *стрелять* глаголы *расстрелять* (использовать все патроны) и *перестрелять* имеют значение вторичного перфектива; *расстрелять* св / *расстреливать* нсв (казнить); *пострелять* св / *постреливать* нсв аттенуативный. *Хватить* употребляется безлично: *хватит* относится скорее к неопределенному виду *.

Среди непродуктивных типов глагол *взять* вовсе не имеет приставочных образований; от *брать* образуется *собрать* св / *собирать* или *сбирать* нсв и т. д. Мы уже отмечали особенность ударения *па́дать* (см. с. 131, примеч. 20)³⁰. *Лечь* ассоциируется с глаголом *ложиться*, потому что *-ложить* переходный. Их приставочные пары очень разнообразны, так, с одной стороны, *налечь* св / *налегать* нсв, *облечь* св (лучше *обложить*) / *облегать* нсв и т. д., а с другой стороны, *улечься* св / *укладываться* нсв, *разлечься* св / *раскладываться* нсв. *Сесть* св / *садиться* нсв (*садить* или *сажать* — глаголы переходные): *присесть* св / *присаживаться* нсв и т. д., а с другой стороны, *насесть* св / *наседать* нсв и т. д.; *приседать* нсв комитативный; глагол *садиться* имеет лишь один приставочный, а именно *высадиться* св / *высаживаться* нсв. *Стать* св / *становиться* нсв, при прибавлении приставки: *встать* св / *вставать* нсв и т. д.

Н. В. Следует отметить вторичные глаголы несовершенного вида: *ставать* — *стают*, *давать* — *дают* и *-знавать* — *-знают*.

3) Глаголы неопределенного вида

Мы считаем глаголами неопределенного вида, во-первых, глаголы, у которых форма настоящего времени имеет значение то настоящего времени, то будущего³¹ (например, *Я заранее уверен, что противник ра-*

* В © к этому абзацу:

<i>обменить</i> св		<i>обменивать</i>	<i>отменить</i> св / <i>отменять</i> нсв
<i>обменять</i> св			

³⁰ У Лермонтова встречается форма *упа́дать*: «Владимир... шатается и едва не *упа́дет*» («Странный человек», VIII). В настоящее время скажут *па́дает*, его пара будет *пасть* (или *упа́сть*) / *па́дать*.

³¹ Глаголы несовершенного вида *мочь* и *хотеть* вовсе не имеют будущего времени, его заменяет будущее время приставочных *смогу* и *захочу*.

н и т его и Он бросается вперед, р а н и т своего противника и падает сам), во-вторых, и главным образом, глаголы, которые обладают двумя формами будущего времени, такие как Я буду телеграфировать и По приезде я немедленно же телеграфирую тебе.

Кроме заимствованных глаголов класса III, о которых мы уже говорили, глаголов неопределенного вида насчитывается примерно пятнадцать, считая с запасом. Язык старается возместить этот недостаток, образуя вторичные имперфективы на *-ывать*, и тем самым подчеркивает перфективное значение этих глаголов.

Арестовать (арестовывать нсв), воздействовать, организовать (организовывать нсв), конфисковать (конфисковывать нсв), использовать (использовывать нсв), образовать (образовывать нсв). — Даровать, миновать, ночевать; наследовать, исследовать, обследовать, расследовать (говорят расследывать нсв), исповедовать (исповедывать нсв и исповедать св). — Женить, казнить, ранить, родить, родиться, рушиться, а также рушить употребляется главным образом в значении совершенного вида, например, Согрешила, закон руш и л а, да уж не ворочаться стать (Л. Толстой. «Власть тьмы», I, 8); изволить, крестить, молить. — Велеть. — Девать, несмотря на существование глагола совершенного вида деть, употребляется тоже как совершенный вид: Ты сказывай, куда деньги де в а л (Л. Толстой. «Чем люди живы»)*.

4) Глаголы, в которых формы, образованные от основы настоящего времени и от основы инфинитива, относятся к разным видам

В следующих глаголах формы, образованные от формы инфинитива, имеют перфективное значение, а формы, образованные от основы настоящего времени, имеют имперфективное значение:

<i>внять — внемлют,</i>	<i>отъять — отъемлют,</i>
<i>изъять — изъемлют,</i>	<i>подъять — подъемлют,</i>
<i>испытать — испытуют,</i>	<i>почить — починют,</i>
<i>наказать — наказуют,</i>	<i>приячь — приемлют,</i>
<i>обязать — обязуют,</i>	<i>разъячь — разъемлют,</i>
<i>объячь — объемлют,</i>	<i>указать — указуют.</i>

---

* В © к этому абзацу:
займствовать (Он заимствовал это у своего учителя (= он взял).)
годиться

Имперфективные формы употребляются только в торжественном языке, в иных случаях они заменяются соответствующими формами глаголов несовершенного вида, такими как *внимать*, *изымать* (также очень редкий), *испытывать* и т. д.

Глагол *быть* заслуживает особого внимания. Иногда в его формах, образованных от инфинитива, можно обнаружить значение имперфектива³². Однако определить значение прочих его форм достаточно трудно. Глагол *быть* имеет простое будущее и не имеет вовсе будущего перифрастического, но зато от него могут быть образованы деепричастие настоящего времени и причастие будущего времени: *будущий*. Кроме того, этот глагол обладает неизменяемой формой настоящего времени *есть*, например, *Так ты и есть здешний дворник?* или *Вы хороши как вы есть теперь*³³.

Нам кажется, было бы вернее, отказав глаголу *быть* в видовом значении как члену видовой пары, признать за ним значение нсв вида, как за глаголом с полной парадигмой. Мы уже видели, что имперфективное значение до такой степени свойственно непереходным глаголам, что они даже противостоят операции перфективации. А глагол *быть* непереходный в своей сущности, так как он не что иное, как формальное выражение состояния (с. 61). Эта форма может быть перенесена либо в прошлое, либо в настоящее, либо в будущее. Вполне естественно, что будущее время глагола *быть* выражается простой формой, в которой не приходится различать два элемента (значение временное и значение семантическое), как это наблюдается в перифрастической форме будущего времени³⁴, поскольку всякое семантическое значение глагола *быть* сводится к выражению идеи существования во времени. Поэтому же *буду* — это будущее длительности³⁵.

5) Приставочные глаголы несовершенного вида

Следующие глаголы, несмотря на их более или менее явную приставочную структуру, являются глаголами несовершенного вида.

³² А. Mazon. *Emplois des aspects*, p. 3, 209–211.

³³ Некоторые грамматисты рассматривают слово *есть* как автономное, не имеющее ничего общего с глаголом *быть*; см. об этом Чернышев. Указ. соч., с. 276; Некрасов. Указ. соч., с. 297; А. Пешковский. Указ. соч., с. 365.

³⁴ Овсяннико-Куликовский. Указ. соч. (2-е изд.), с. 115.

³⁵ А. Mazon. *Emplois ...*, с. 107 и 112.

Продуктивные классы: *преобладать*, *сострадать* (возможно, что этот глагол образован от имени с приставкой *со-страдание*), *созалеть*, *отсутствовать* и *присутствовать*, *предзнаменовать*, *предчувствовать* и *сочувствовать* (возможно, что два последние образованы от имени с приставкой *пред-чувствие* и *со-чувствие*), *предшествовать*, *преследовать*, *проповедовать*, *заведовать* (или *заведывать*), *помнить*, (но мне *помнилось* < * *мнить* ся) и *смыслить* ³⁶ **.

Непродуктивные типы: *выглядеть* ³⁷, *зависеть* (теперь не имеет никакой связи с глаголом *висеть*), *надлежать*, *подлежать*, *принадлежать*, *обстоять*, *отстоять*, *предстоять*, *состоять*, *ненавидеть*, *предвидеть* и *содержать* ^{***}.

6) Видовые дублеты

Бывать может считаться многократным от *быть*. Вторичные глаголы несовершенного вида, образованные от приставочных, восходящих к глаголу *быть*, совпадают по формам с *-бывать*, так *забыть* св / *забывать* нсв и т. д. *Побывать* и *побывать* — оба аттенуативные, первый выражает некоторую длительность: *Я побыл там с неделю*, второй — либо изолированное действие, неопределенное в отношении времени: *Он уже побывал там* (не известно ни когда, ни сколько раз), либо серию изолированных действий, произведенных с интервалами: *Я побывал и в Москве и в Петрограде*.

Видать — многократный глагол от глагола *видеть*. Он употребляется главным образом со значением неопределенности, так *Видел ты вчера NN?* — *Вчера — нет, но я уже видал его* (не известно ни когда, ни сколько раз); прошедшее время многократного глагола *видывал* по сравнению с глаголом *видал* делает еще шаг в сторону неопределенности. При-

* Опечатка («>») исправлена по ①.

³⁶ К этому, может быть, можно было бы прибавить *запомнить* в застывшем выражении *тарифки не запомнят*.

** В ① рукой Карцевского добавлено: «*созалеть* с приставкой *со-*».

В ② к этому абзацу:

презирать: «Донос он ... написал — ну, его *презрили!*» Салтыков: «Господа Молчалины» (ударение поставлено Салтыковым).

³⁷ Калька с немецкого *sich aussehen*; в народе *выглядеть* значит «найти что-то благодаря долгому зрительному поиску», глагол св, например *Он выглядел себе невесту*.

*** В ② к этому абзацу:

но [состояться] глагол *совершенного вида*.

ставочные глаголы от *видеть* вовсе не имеют вторичного имперфектива: *увидеть, завидеть, свидеться* (*NB предвидеть* нсв.), так же, как и приставочные от *видать*: *повидать, увидать, перевидать*. Дублиеты *увидеть* и *увидать* постоянно смешиваются.

Слышать употребляется только в прошедшем времени, и по отношению к *слышать* он является многократным, точно так же, как *видать* по отношению к *видеть*; многократное прошедшее время — *слыхивал*. Приставочные глаголы, с одной стороны, *заслышать, послушаться, услышать*, а с другой — *услыхать* вовсе не имеют вторичных имперфективов. В прошедшем времени *услыхать* обычно заменяет *услышать**.

Взаимное противопоставление этих глаголов со всей очевидностью проявляется в следующем примере: *А что и видела — не видала, что и слышала — не слыхала* (Л. Толстой. «Власть тьмы», I, 9).

Приводят также в качестве дублетов *ломить* : *ломать* и *валить* : *валить*. Однако в настоящее время *ломить* и *ломать* различаются; ср. *ломиться в дверь, у меня ломит зубы и ломать кусты, ломать дурака, ломаться*. Дублиеты становятся возможны только при префиксации; так, *сломить* (единичное усилие) : *сломать* (серия усилий), точно так же *выломить* : *выломать, переломить* (разломать на две части) : *переломать* (результат, достигнутый накоплением), *разломить* (сломать на две части) : *разломать* (сломать на куски) и т. д.

Валить : *валять* еще более удалены друг от друга по смыслу. Ср. *валить деревья, толпа валит; он вывалился* (упал) *из саней в снег и он вывалялся в снегу* (результат, достигнутый накоплением); *валять валенки, валять дурака*. Единственными дублетами являются *завалиться* (потеряться) и *завалаться*, что также значит потеряться, но главным образом испачкаться из-за того, что таскался повсюду.

В обоих случаях вторичные имперфективы относятся и к тому и к другому члену: *разломить* или *разломать* > *разламывать*, *вывалиться* или *ываляться* > *ываливаться*.

Рушить не составляет пары с глаголом *рушать*, который в современном русском языке больше не употребляется. Приставочные глаголы от *фонить* : *фонять* вовсе не образуют дублетов.

На всем протяжении нашего исследования мы не переставали обращать внимание на дублиеты совершенного вида, созданные в результате совпадения, возникшего при префиксации различных глаголов. Единственными дублетами, которые могут играть некоторую

* В ① рукой Карцевского на полях напротив этого абзаца: *воротить* (делами [?]).

роль, являются дублиеты типа *повыталкать* : *повыталкивать* и, может быть, также *вытолкать* : *вытолкнуть*. В обоих случаях противопоставление сводится к оппозиции между результатом, достигнутым накоплением, и простым результатом, полученным вследствие единичного усилия.

§ 19. Стирание видовой оппозиции

Лучше сказать: *NN воспитывался и обучался там-то*, а не *воспитался и обучился*. Дело в том, что наше внимание сосредоточивается не на формальном, конечном результате. Не обязательно, чтобы *N* закончил учебу, достаточно того, чтобы он учился, дабы результат сказался на его личности. Следовательно, существуют случаи, когда оппозиция между видами стирается. Смешение видов наблюдается особенно в тех случаях, где формальное понятие полного результата пересекается с идеей практического результата, который вполне может быть частичным. Так, в фразе *Когда я поднялся, крови на снегу было, точно барана зарезали* (Л. Толстой. «Охота пуще неволи») можно было бы сказать: *точно барана резали*. Поскольку результат один и тот же, а именно, следы крови на снегу, неважно, было ли действие выполнено полностью или нет. Вот другой пример, в будущем времени: *Смотри у меня, если только насорить!* или *будешь сорить!* Можно изменить эти фразы: *Смотри не сорь!* или *Смотри не насорь!* или же *Смотри не вздумай сорить* или *насорить!*³⁸ Конечно, во всех этих фразах существуют некоторые нюансы, связанные с употреблением того или другого вида. Иначе и не могло бы быть, так как не существует двух различных знаков, которые имели бы одно и то же значение, и между двумя синонимами можно всегда обнаружить различие в смысле. Однако эти видовые оттенки в некоторых практических ситуациях могут расцениваться как не заслуживающие внимания*.

А. Мазон высказывает противоположное мнение. Он считает, что «вид находит наиболее прочную точку опоры в категории времени. Там, где время исчезает, в инфинитиве и в императиве, значение вида

³⁸ Выражение попытки к действию также не особенно учитывает оппозицию двух видов: *Хоть любовника заведи (или заводи)!* см.: § 25.

* В © к этому абзацу:

«Она два раза родила (или рожала) мертворожденных» (из статьи К. Порчевского о жене Суворова в «Посл[едних] нов[остях]», 16–IV/32).

слабее...»³⁹. Мы склонны думать, что создание основных формальных значений, в том числе и видовых, предшествует, так сказать, созданию предикативных значений лица, наклонения и времени и, скорее, именно время старается «поместиться» в рамках вида, чем наоборот⁴⁰. Кроме того, существует, видимо, какое-то недоразумение по поводу того, что А. Мазон называет «временные формы». Так, условное наклонение не является временной формой, однако оппозиция видов там существует. Может быть, она нигде не выражена с такой последовательностью, как в деепричастии, и все-таки, если в этой форме различаются времена, это делается особым образом, так как в ней учитываются лишь различия между отношениями последовательности и предшествования⁴¹. Что касается причастий, то, по нашему мнению, они представляют мертвые части глагольной системы (за исключением страдательного причастия прошедшего времени), и в речи их всегда смешивают. Остаются примеры смешения видов в инфинитиве и в императиве, которые приводит А. Мазон⁴², но мы только что показали, что такое смешение присуще не только этим формам.

---

³⁹ *Emplois des aspects*, p. 240.

⁴⁰ Используя терминологию Ш. Балли, можно сказать, что вид относится к «характеризации», тогда как время — к актуализации. А актуализованный элемент не может быть затем подвергнут характеризации (*La pensée et la langue*, с. 118, примеч. 1).

⁴¹ Кстати, именно эту мысль мы находим прекрасно сформулированной у А. Мазона в его книге на с. 237.

⁴² Указ. соч. Об инфинитиве см. с. 11, 15, 36, 54, об императиве см. с. 62, 68–69 и 97.

V

ДЕЯТЕЛЬ

§ 20. Деятель и подлежащее

Деятель — понятие именное, соответствующее представлению субстанции, которая производит действие. Это представление играет чрезвычайно важную роль. Оно стремится стать *Т* абсолютным (подлежащим) глагольного предложения, и в зависимости от того, удастся ему это или нет, предложение с глаголом предстает как активное или пассивное. Если представление субстанции не может выступать в качестве подлежащего, наше языковое сознание отказывается считать его истинным деятелем. С другой стороны, подлежащее, которое в то же время не является деятелем процесса, может быть легко устранено, и предложение тогда становится безличным.

Следовательно, необходимо различать эти два вида предложений. В активных предложениях подлежащее является в то же время автором процесса; так, *Крестьяне вспахали поле* или *Поле вспахали*, где подлежащее — лицо неопределенное. Напротив, подлежащее пассивного предложения логически соответствует объекту процесса (напомним по этому поводу, что только переходные глаголы позволяют пассивные конструкции). Особенностью русского пассива является то, что в нем различаются две разновидности. Одна из них представляет собой истинный пассив, где в роли сказуемого выступает страдательное причастие прошедшего времени. Это — пассив совершенного вида, и он приближается к номинативному предложению; например, *Поле вспахано*. Этот тип, полуглагольный-полуименной, соответствует идее результативного состояния. Другая разновидность пассива представлена предложениями, где в роли сказуемого выступает соответствующий глагол в возвратной форме, например, *Поле вспахивается*. Это не пас-

сив в полном смысле слова, а скорее имперфективный член видовой пары, которую он составляет с первой разновидностью. Это в конечном счете всего лишь активное предложение, но в котором подлежащее особенно заинтересовано в процессе (см. с. 62) и в котором по этой причине глагол теряет переходность, то есть перестает проявлять интерес к внешним объектам. Это предложение мыслится как пассивное только по ассоциации с предложением типа *Поле вспахано*, особенно тогда, когда его глагол сопровождается дополнением в творительном падеже, выражающим деятеля, например, *Поле вспахивается мужиками*. Но эти возвратно-пассивные предложения реального существования не имеют, потому что естественнее сказать *Мужики вспахивают поле*. Тип *Поле вспахивается* без дополнения в творительном падеже, обозначающего деятеля, аналогичен любому активному предложению, например, *Поле чернеет* или *чернеется*¹.

Гибридный характер русского пассива как нельзя лучше отвечает представлению Мишеля Бреалья об индоевропейском пассиве. Он писал: «План индоевропейских языков находится в противоречии с понятием пассива, т. к. эти языки представляют фразу в форме маленькой драмы, где субъект всегда находится в действии»². А. Мейе пишет: «Настоящая роль пассива заключается в том, чтобы выразить процесс там, где деятель не принимается во внимание». Мейе продолжает: «Пассив интересен тем, что представляет процесс без чего-либо постороннего, сам по себе, а не как результат вмешательства деятеля»³.

Однако в русском языке пассивные предложения неотделимы от активных. Предложение *Поле вспахано* понятно только потому, что наряду с ним существует *Поле вспахали*, иначе от этого оборота остался бы только его номинативный характер и он ничем не отличался бы от *Поле черно* или *Эти пески зыбучи*. Точно так же, но по другим причинам, о которых мы говорили в главе III, *Поле вспахивается* опирается на *Поле вспахивают*; *говорится* более или менее опирается на *говорят*, *думается* < *мне думается* < *я думаю* и т. д. Так в пассиве уже проявляется некоторое устранение деятеля через употребление неопределенного лица (французское *on*, немецкое *man*); это устранение деятеля производится пу-

---

¹ В русском языке существует лишь две разновидности пассива. Что касается предложений типа *Поле вспахиваемо*, *Поле бывает вспахиваемо* или *Поле вспахивается* — это комбинации, которые реального употребления не имеют.

² *Essai de sémantique ...*, p. 95.

³ *Linguistique générale etc.*, p. 196–197.

тем концентрации нашего внимания на представлении, которое логически соответствует объекту процесса. Попутно заметим, что в активных предложениях употребление неопределенного лица *он*, естественно, имеет целью подчеркнуть объект, а не сказуемое, и чаще скажут *Поле вспахали*, чем *Вспахали поле*. Вот почему устранение подлежащего в активном предложении является совершенно иной операцией, нежели его устранение в пассивном предложении. В активном предложении речь идет о том, что представление субстанции, которое нельзя признать автором процесса, встречает некоторые затруднения в своем стремлении выступить в качестве подлежащего.

В пассивных же предложениях, если подобному представлению не удастся выступить в качестве подлежащего, то это потому, что его существование отрицается сказуемым, например, *Поле вспахано* > *Поля все еще не вспахано*.

Необходимо рассматривать совершенно отдельно активные предложения, в которых роль сказуемого ограничивается тем, что оно приписывает подлежащему тот или иной вид существования, например, *Здесь водятся лоси*. Эти бытийные предложения напоминают пассивные тем, что их обезличивание предполагает также отрицание существования подлежащего, например, *Здесь не водятся лосей*.

Кроме в полном смысле слова безличного предложения, в русском языке имеет место то, что можно было бы определить как *относительное безличное предложение*. Достаточное представление об этом дает пример, который приводит и тонко анализирует Овсяннико-Куликовский⁴: «И представьте вы себе, господа: только я задул свечу, завозилось у меня под кроватью! Думаю: крыса? Нет, не крыса: *скребет, возится, чешется...* Наконец, ушами *захлопало*» (Тургенев. «Собака»). Эти процессы не безличны, они безусловно имеют деятеля, и ничто не препятствует тому, чтобы этот деятель выступил в качестве подлежащего, как только он будет уточнен, но пока его можно обозначить лишь через *что-то*, прекрасно отдавая себе отчет, что это *что-то* одушевленное.

Особую позицию занимает деятель в повелительных фразах, где он, так сказать, затемняется говорящим, который выступает как истинный автор действия, тогда как деятель — всего лишь исполнитель (см. § 25, VII).

⁴ «Синтаксис», с. 190 и сл., а также «К вопросу о классификации бессубъектных предложений», с. 1152.

§ 21. Обезличивание

Обезличивание активных предложений производится по-разному в зависимости от того, является ли подлежащее, которое предстоит устранить, одушевленным или неодушевленным.

Неодушевленное подлежащее. Не скажут *Гром убил человека, Дерево задавило дровосека* или *Пуля ранила солдата*, если не стремятся путем транспозиции олицетворить *гром, дерево* и *пулю*. Обычно скажут *Человека убил громом, Дровосека задавило деревом, Солдата ранило пулей* и т. д. (ср. с порядком слов *Поле вспахали*). Дело в том, что *гром, дерево* и *пуля* рассматриваются как инструмент или средство осуществления процесса, а не как его деятель⁵. Можно легко сказать *Запах привлек мышонка*, так как не представляется возможным олицетворить *запах*; однако предпочтут сказать *Мышонка привлекло запахом* или *на запах*, как более соответствующее обычному выражению. Точно так же вместо *Река несет лед, Солнце выжгло траву* скорее скажут *По реке несет лед, Солнцем выжгло траву*⁶, чтобы избежать какого бы то ни было анимистического толкования. Но было бы невозможно действовать так же по отношению к одушевленному субъекту и сказать *Солдата убил неприятелем*⁷. Там, где субъект вовсе не подвержен анимистическому толкованию, предпочтителен личный оборот, ср. *Этот запах убивает меня, Горе сломало ее*; здесь, кстати, мы имеем дело с транспозициями. Точно так же скажут *Цветок манит, влечет пчелу*, а не *Цветком влечет пчелу*, ибо нет никаких оснований к тому, чтобы цветок выступал инструментом, или

⁵ Н. Pedersen (указ. соч., с. 135 и 161) пишет: «... dieser Subjectin-strumentalis ist immer ein unpersönlicher Begriff, meist der Name einer Naturerscheinung. [Этот творительный падеж всегда представляет неодушевленный концепт, обычно явление природы]». Однако не похоже, чтобы в современном русском языке в разбираемом типе безличных оборотов отводилось специальное место для представления явлений. По нашему мнению, здесь просто чувствуется некоторая диспропорция между причиной (неодушевленной), такой, как пуля, и результатом — убить (особенно когда объект одушевленный); эту диспропорцию стремятся уменьшить, лишая причину какой бы то ни было характеристики, позволяющей рассматривать ее как автора действия.

⁶ *Солнце* и *река* выделены как вещи, обладающие могуществом, иначе на первом плане должен был бы оказаться объект.

⁷ В статье Педерсена (с. 135) находим фразу: *Подымало Василия святым духом*. Но как в поговорке *Он святым духом сыт*, так и в этой фразе *святой дух* не может рассматриваться как деятель.

обстоятельством образа действия. Напротив, скажут: *Как рукой сняло*, а не *Как рука сняла*.

Естественно, что всякое понятие деятеля отсутствует там, где истинная причина процесса остается неизвестной. Например: *Вчера на постройке человека задавило*. Этому обороту соответствует оборот с одушевленным деятелем *Вчера на постройке задавили человека, — люди задавили, кто-то задавил*. Так в русском языке выражается оппозиция немецкого *es-Sätze* и *man-Sätze*.

Пассивная трансформация этого активного одушевленного безличного оборота возможна только в том случае, если мы вводим в него представление деятеля. Предложение *Солдат ранен пулей в живот* вполне возможно, т. к. опирается на предложение *Солдата ранили пулей*, которое ничуть не противоречит предложению *Солдата ранило пулей*. Но предложение *Человек убит громом* не нужно при наличии предложения *Человека убило громом*, а *Человека убили громом* просто бессмысленно.

Разновидностью рассмотренного типа являются фразы, которые выражают некоторые явления природы и относятся более или менее к речи; в них подлежащее отсутствует, но они понятны только в сопоставлении с личными предложениями. Например: *Льет, как из ведра*, наряду с *Дождь льет, как из ведра*; *Метет* рядом с *Снег метет* или же *Дует*, которое мы стараемся отличить от *Ветер дует*. Все эти фразы имеют экспрессивную интонацию и неразрывно связаны с конкретной ситуацией.

Одушевленное подлежащее. В рассмотренных предложениях характер процесса тоже имеет свое значение. В тех случаях, когда речь идет о действиях неистовых, резких, какими являются, например, *убить, задавить, разрушить*, диспропорция между причиной и ее результатом, о которой мы говорили выше, особенно подчеркивается. В предложениях с одушевленным подлежащим речь идет о процессе, который не зависит от воли субъекта. Эти обороты чаще всего отрицательные, что особенно подчеркивает волевое бессилие субъекта. Ср. *Я не могу, не в состоянии спать* > *Мне не спится*; *Я не в состоянии работать* > *мне не работается*; *Он не может уехать* > *Ему нельзя уехать*; *Я думаю* > *мне думается* и т. д.

Так, сводя роль субъекта к роли лица, в пользу которого или в ущерб которому производится действие, можно обезличить любой процесс. Но, естественно, этот прием приложим главным образом к процессам, которые относятся к внутреннему психическому или психологическому состоянию, например, *Я грущу* > *мне взгрустнулось*; *Я грустен* > *Мне*

грустно; Я жалею > Мне жаль или *жалко; Я слышу > Мне слышно; Я вижу > Мне видно* и т. д. Эти примеры показывают, как мыслимое таким образом действие стремится перейти в состояние, а глагольное предложение — превратиться в наречное.

Некоторые застывшие выражения, такие как *Меня клонит ко сну; Меня разморило, тошнит, рвет*⁸; *У меня ломит зубы* и т. д., соседствуют с рассмотренным типом предложений, но отличаются от них тем, что здесь лицо, заинтересованное в процессе, занимает по отношению к этому процессу иную позицию, чем в предложении *Мне не работается*⁹.

Процессы, относящиеся к мысли, к речи, к сенсорным восприятиям, чаще всего сопровождаются дополнительными придаточными предложениями: *Мне думается, что вы правы*. И чем явственнее переходность глагола, тем больше эти обороты представляют собой имперфективный член в видовой паре с пассивным [перфективным] предложением, например, *Говорится (говорят, сказано), что дело мастера боится*. Наконец, в фразах с *видно* и *слышно* пассив и актив сливаются до такой степени, что оказываются недоступны анализу.

Бытийные предложения. Этот тип находит свою опору в предложениях с глаголом *быть* в качестве полнозначного глагола. Мы говорим: *У меня есть деньги; Здесь есть кто-то*, но если сам факт существования отрицается, мы скажем: *У меня нет денег; Здесь никого нет*. Точно так же скажут: *Здесь водятся лоси > Здесь не водятся лосей; Раздаются, звучат, слышны песни > Не раздаются, не звучит, не слышится песен; Виднеются деревни > не виднеется деревень*¹⁰. Как только факт существования или присутствия субъекта отрицается, подлежащее упраздняется. Одной из основных особенностей этих предложений является порядок слов, который требует, чтобы сказуемое было поставлено на первое место. В предложении *Здесь лоси водятся* наблюдается инверсия точно так же, как и в других активных предложениях, *Работают мужики* представляет инверсию по отношению к *Мужики работают*. В обоих случаях инверсия употребляется как средство выразительности.

⁸ В диалектах: *Я рву*.

⁹ Перед нами особая область грамматики, подлежащая изучению, — отношения между процессом и заинтересованным лицом: *Я мучаюсь, Мне не работается, Меня клонит ко сну, Мне снится сон, Мне слышно голоса* и т. д.

¹⁰ Аналогичны обороты с инфинитивом: *Мне есть куда обратиться > Мне некуда обратиться* и т. д.

Но обычный порядок слов, например, *Здесь лоси водятся*, имеет также результатом сближение этих предложений с предложениями не бытийными. Следовательно, предикативное отрицание не обязательно ведет к безличному предложению, и можно сказать: *Здесь лоси не водятся*. Разница между двумя оборотами сопровождается некоторым различием в смысле, и, может быть, оно наиболее подчеркнуто в предложениях с глаголом *быть*. Оппозиция *У нас гостей не было* и *У нас гости не были* позволяет думать, что во втором случае речь идет о гостях известных, которых ждали, французский язык в этих случаях использует определенный артикль; тогда как в первом случае представлению субстанции не удастся выступить в качестве подлежащего именно потому, что утверждение о его существовании отсутствует. Иначе говоря, в первом случае сказуемое отрицает само существование субъекта, во втором оно отрицает только его деятельность. Ср. также *Отец дома* > *Отец не дома* (но он находится где-то в другом месте) и *Отец дома* (или *Дома отец*) > *Отца нет дома*.

Особого внимания заслуживают следующие фразы, о которых мы уже упоминали. *Деревни виднеются* (*не виднеются*); *Песни слышатся* (*не слышатся*) — эти предложения являются активными не бытийными. *Виднеются деревни*; *Слышатся песни* — предложения бытийные, которые обычно становятся безличными в случае отрицательного сказуемого: *Не виднеется деревень*; *Не слышится песен*. Эти фразы встречаются и как пассивные: *Видны деревни* > *Не видно деревень*; *Слышны песни* > *Не слышно песен*. Они дублируют наречные предложения *Видно деревню* > *Не видно деревни*; *Слышно песни* > *Не слышно песен*, в которых пассив и актив сливаются.

Мы уже отмечали, что в пассивных предложениях действующее лицо отодвинуто на второй план. Что же касается их подлежащего, то оно может быть устранено, точно как в бытийных предложениях, постольку поскольку его существование отрицается. В таких предложениях, как *Дёма все еще не построено*; *Поля еще не вспахано*, представлению субстанции не удалось выступить в качестве подлежащего именно потому, что процесс (перфективный, следовательно, результативный), результат которого оно должно было выражать, не достиг цели. И ни *дом*, ни *поле* не существуют, поскольку один *не построен*, а другое *не вспахано*.

Однако личные обороты *Дом не построен*, *Поле не вспахано* не только бытуют, но и употребляются чаще, чем безличные предложения. Вот для примера фраза: «... весь кругозор был охвачен бором; нигде не

белела *церковь* (можно было бы ждать *не белело церкви*) не светтели *поля* (точно так же *не светлело полей*) — всё деревья да деревья...» (Тургенев. «Поездка в Полесье»). Безличный оборот становится обязательным только при появлении второго отрицания, которое касается самого подлежащего и усиливает предикативное отрицание, например, *Никакого дома не построено; Никакого поля не вспахано*. Если второе отрицание прибавляется к самому сказуемому, то сказуемое в личной форме глагола упраздняется и говорят: *Этого дома никогда не построят; Никакой пашни (им) не вспахать*¹¹. Пассивные предложения с глаголом несовершенного вида почти никогда не становятся безличными, за исключением случаев двойного отрицания: *Никакого дома не строится*.

Столь важная роль отрицания в этих предложениях, естественно, заставляет думать о дополнении в отрицательных фразах. Предложение *Дома не построено* аналогично предложению *Дома не построили*. Почти не различают *Он не купил книги* и *Он не купил книгу*. Родительный падеж становится обязательным только тогда, когда к предикативному отрицанию прибавляется отрицание, относящееся к дополнению, например, *Он не купил никакой книги*. Из этого следует, что если представление субстанции отрицается, оно не может выступать ни в роли подлежащего, ни в роли дополнения. Заметим в связи с этим дополнение в родительном падеже глаголов желания: *ждать письма, требовать награды, искать справедливости*^{*}.

Слияние пассива и актива, которое мы наблюдали в случае предложений со словами *видно* и *слышно*, появляется также в некоторых отрицательных пассивных оборотах или там, где представление субстанции содержит количественную оценку. Так, слово *книги* в предложениях *Книги все еще не купили* и *Книги все еще не куплено* воспринимается в обоих случаях как дополнение, и омофония обеих форм ведет к их смешению.

С другой стороны, встает вопрос, надо ли видеть два различных употребления сочетания *много вина* в предложениях *Было выпито много вина* и *Выпили много вина*¹².

¹¹ Эти обороты могут быть затем рассмотрены в перспективе времени: *Никакой пашни им не вспахать было* или *будет*. Но это скорее конструкции теоретически возможные, чем действительно употребляющиеся.

^{*} В © к этому абзацу:

Из письма ко мне: «Вашего пакета для Игоря еще мне не доставлено» (В. М. Фелькнер 9—IX/33).

¹² Так же обстоит дело в предложениях, содержащих инфинитив, таких как

Таким образом, каковы бы ни были оппозиционные значения, которые мы исследуем, — переходность и непереходность, совершенный вид и несовершенный вид, личное и безличное, пассив и актив — каковы бы ни были эти значения, мы постоянно замечаем, что бывают случаи, когда самые противоположные значения перестают различаться. Для диахронии было бы в высшей мере интересно установить, не эти ли обнаженные точки языковой системы подвергаются в первую очередь действию факторов языкового развития?

Кури́ть воспрещается и Воспрещается кури́ть. Здесь нет достаточных показателей, чтобы различить *T* и *T'*. Одного только порядка слов недостаточно, чтобы определить их грамматические функции, так как в русском языке порядок слов служит лишь вторичным морфологическим показателем.

VI

ЛИЦО

§ 22. Лицо и подлежащее

С позиций синтагматики, на которых мы находимся, то, что называют подлежащим, соответствует *T* абсолютному фразы, а *T* абсолютное — это слово, которое не служит *T'* ни одному другому слову, но к которому, напротив, все другие слова фразы относятся как *T'* различных разрядов и видов. Тем не менее, не всегда легко распознать *T* абсолютное какой-либо фразы. Существуют фразы, настолько синтетичные, что основное различие *T* абсолютного и предикативного *T'* недостаточно выражено морфологическими показателями.

Наиболее различаются в этом отношении фразы, представленные глагольными и именными предложениями, например, *Лебедь летает*, или *Лебедь птица*, или *Лебедь бел*. В этих предложениях *T* абсолютное выражено существительным в именительном падеже (независимая форма = нулевой падеж). Предикативное *T'* выражено словом, которое определяется его отношением к понятиям наклонения, времени и лица¹. Кроме того, интонация выражает деление фразы на подлежащее и сказуемое. Наконец, порядок слов, естественно, связанный с этой интонацией, служит ей опорой: сказуемое ставится после подлежащего. Если порядок слов изменен, интонация сообщает нам об этом. Но эти показатели ритмико-мелодической природы до сих пор были очень мало изучены, и мы ничего не можем прибавить к тому, что уже известно.

---

¹ Определение по отношению к лицу может быть отрицательным (безличное сказуемое), определение по отношению к времени может отсутствовать (в условном наклонении и в повелительном), но любое сказуемое определено по отношению к *наклонению*.

Другие фразы, в большей или меньшей степени, отличаются от предложения. Однако наши интеллектуальные привычки постоянно побуждают нас подводить эти фразы под классический тип предложения.

Так, в *Учиться полезно* или в *Учиться пригодится* мы признаем за глаголом *учиться* функцию *T* абсолютного, и это потому, что другое слово фразы не оставляет никаких сомнений относительно его функции сказуемого. И хотя сказуемое ни в чем не согласуется с подлежащим, а это последнее не обладает ни лицом, ни числом, ни родом, у нас нет никаких оснований рассматривать эти предложения как безличные. Это просто предложения, в которых не наблюдается согласования, *несогласованные*, по терминологии Шахматова ².

Продолжая удаляться от классического предложения, мы приходим к фразе *А он бежать!* И снова мы распознаем здесь два члена: *бежать* представляет собой эквивалент сказуемого, так как относится к *T* абсолютному *он* (именительный падеж) и мы можем заменить его предложением *А он пустился бежать*, смысл которого не меняется, а меняется только аффективная окраска.

Продолжая двигаться все в том же направлении, мы встречаем фразы типа *Понять — простить* и *Волков бояться, в лес не ходить*. Интонация и порядок членов указывают нам, какая часть фразы должна расцениваться как *T* абсолютное и какая представляет собой предикативное *T'*. Кстати, речь идет об особом роде отношений между *T* и *T'*: мысль, выраженная сказуемым, вытекает как необходимое следствие из мысли, выраженной подлежащим, что может быть сведено к аналитическому типу фразы: *Понять значит простить; Волков бояться, значит (следовательно) в лес не ходить*³. Эти фразы носят характер сентенции. Практическая непринужденная речь не довольствуется порядком слов как средством различения *T* и *T'*. Обычно прибегают к употреблению частицы-морфемы *это*, которая предшествует сказуемому, и говорят: *Лебедь — это птица*.

² Мы используем здесь терминологию Шахматова, но он употреблял ее только по отношению к предложениям типа *У меня есть деньги, Пустяки осталось, Прошло год времени* и др. Однако в предложениях этого типа отсутствие согласования представляется либо случайным фактом, являющимся следствием отсутствия у глагола *быть* в настоящем времени материальных форм согласования, либо происходит оттого, что подлежащее обозначает количество.

³ В этом употреблении *значит* не является полнозначным глаголом, оно приближается к некоторой морфеме-частице.

В этом последнем типе именных предложений мы имеем два существительных, оба в именительном падеже, между которыми установлены предикативные отношения. Короткого размышления достаточно, чтобы установить, что независимо от порядка слов именно слово *птица*, как понятие более общее, более объемное, должно служить T' , тогда как *лебедь* рассматривается как явление индивидуальное, которое должно быть сведено к виду. Если отношения подвергнуть инверсии, то скажут: *Птица эта — лебедь*, используя местоимение в качестве различителя для выделения слова более общего значения. Интересно наблюдать, как действуют люди из народа, когда нужно создать предикативные отношения между двумя представлениями субстанции. Их внешняя речь гораздо точнее, чем речь образованных людей, воспроизводит процесс внутренней речи. На вопрос *Что такое лебедь?* (лучше *Что это: лебедь?*) человек из народа ответит, повторяя вопрос: *Лебедь? Птица такая*. Восходящая интонация вопроса выражает эту выжидательную позицию, которая предшествует в нашем подсознании любому формированию мысли. Нисходящая утвердительная интонация соответствует предикату, найденному ответу. Эти две интонации объединяются так, чтобы с ритмико-мелодической точки зрения образовать только одну фразу. В нашей интеллектуализированной речи остается только одна мелодическая линия — восходящая, в части, соответствующей субъекту, и нисходящая, в части, соответствующей предикату.

Наконец, смешение подлежащего и логического объекта, о котором мы говорили в § 20, также не способствует различению T и T' . В бытийных фразах, в таких, например, как *В лесу раздавалось «ау!»* или *В лесу слышно было «ау!»*, смешиваются два типа, отличить которые один от другого можно только поразмыслив. Может быть, справедливо видеть здесь два объединенных представления, каждое из которых, и особенно «ау», сохраняет некоторую независимость. В фразах *Курить воспрещается* и *Воспрещается курить*, дело обстоит точно так же в том смысле, что T и T' могут поменяться ролями, особенно во втором случае, так как переходный характер глагола позволяет рассматривать эту фразу как фразу *Воспрещают курить*.

Из этого короткого изложения следует один-единственный вывод, который можно выразить следующим высказыванием Ш. Балли: «... понятия, над которыми работает лингвистика, классы, которые она определяет, не являются единствами постоянными, раз и навсегда установленными: от одного класса к другому, от одного понятия к про-

тивоположному всегда проходят через широкие промежуточные зоны, так что лингвистические законы должны были бы ограничиваться формулировкой сосуществующих вариантов согласно схеме: *чем больше..., тем больше, чем больше..., тем меньше, в той степени, что и т. д.*⁴

§ 23. Обобщение лица

Подлежащее, если речь идет о представлении субстанции, должно быть определено в его отношениях с говорящим лицом. Существует три вида подобных отношений. Подлежащее — автор речи: *Я работаю*. Это — 1-е лицо. Подлежащее выступает в качестве собеседника: *Ты работаешь* — 2-е лицо. Подлежащее не является ни тем, ни другим: *Он, она работает* — 3-е лицо.

В некоторых ситуациях идентификация подлежащего необходима, обычно это происходит только в случае 3-го лица. С этой целью используются существительные (имена собственные или нарицательные) и местоименные слова: *Иван, Мария, мельница, каждый* и др. *работает*. Эта идентификация менее необходима в случае 2-го лица, потому что собеседник присутствует [при разговоре]. Если же она все-таки имеет место, то носит характер обращения, например, *Иван, работаешь?* или в повелительном наклонении: *Работай, Иван!* Наконец, в 1-м лице определение подлежащего происходит только в некоторых формулировках юридического характера, таких как, например, *Я, Иван Петров, обязуюсь...* и т. д. Параллельно с определением отношений к лицу и с идентификацией подлежащее определяется по отношению к числу, а также к роду. Как существительное, так и местоимение и даже сам глагол выражают понятие рода.

Таковы определения подлежащего; глагол, в свою очередь, должен определяться по отношению к лицу, числу и роду актуализованного подлежащего, и случается, что в некоторых ситуациях глагол включает в себя подлежащее и берет на себя его выражение, не прибегая к помощи местоимения. Например, — *Ну, как поживаешь?* — *Ничего, живу понемногу*. Однако пропуск местоимения-подлежащего вне диалога является фактом не случайным, а имеющим либо грамматическое, либо специальное экспрессивное значение. Кроме того, глагол не имеет специальной формы для выражения сказуемого в безличном предло-

⁴ *Le langage et la vie*, p. 142.

жении, поэтому именно форма 3-го лица единственного числа среднего рода берет на себя эту роль, но в этом случае она представляет нулевые лицо, число и род.

Кроме употребления в своем собственном значении, каждая личная форма может быть употреблена со значением обобщения.

Употребление 1-го лица глагола без местоимения-подлежащего — прием экспрессивный. Об этом можно судить по следующему примеру: «„В результате — я у всех на виду, и хоть спрятанный, но *первенствую*. Наученный опытом, *представляю* из себя пример величия и смирения перед судьбою! *Буду*, так сказать, кафедрой, с которой начну поучать человечество. Даже одни естественно-научные сведения, которые *могу* сообщить об обитаемом мною чудовище, — драгоценны. И потому не только не *ропщу* на давешний случай, но твердо *надеюсь* на блистательнейшую из карьер“». — Всего более обозлило меня то, что он почти уже перестал употреблять личные местоимения, — до того заважничал» (Достоевский. «Крокодил и т. д.», III).

Первое лицо множественного числа со значением обобщения встречается в некоторых выражениях, напоминающих сентенции, например, *Поживем, увидим*.

Второе лицо единственного числа очень часто употребляется в обобщенном значении, и не только в пословицах или сентенциях, таких как *Тише едешь, дальше будешь*. Понятие собеседника подвержено самой широкой интерпретации, особенно в речи сколько-нибудь аффектированного характера. Например, «Ты чего же это, — говорит на себя, — Семен делаешь? Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо *идешь*» (Л. Толстой. «Чем люди живы»). Или еще, в том же рассказе читаем: «Эх, Матрена, поддержи язык-то! Прежде послушай... — говорит Семен своей жене, на что она отвечает: *Наслушаешься* (лицо неопределенное: *он, она*) ума от пьяного дурака». Такое же употребление обобщенного значения встречается и во множественном числе, например, *Ему хоть кол на голове *теши* и *те** (или *теши*): *ничего не слушает!*

Третье лицо множественного числа без местоимения-подлежащего употребляется для одушевленного неопределенного подлежащего, обозначающего исключительно людей (французское *он*, немецкое *ман*). Это подлежащее неопределенного лица встречается главным образом при глаголах говорения, таких как *говорят, сообщают* и др. Однако их стараются употреблять в безличных страдательных оборотах и говорят *сообщено* или *сообщается, решено* или *решается*.

Третье лицо единственного числа имеет два этапа обобщения, оба без местоимения-подлежащего. Первый этап может быть проиллюстрирован уже приведенной выше фразой Тургенева: «И представьте вы себе, господа: только что я задул свечу, завозилось у меня под кроватью! Думаю: крыса? Нет, не крыса: *скребет, возится, чешется...* Наконец, ушами *захлопало!*». Речь идет о подлежащем неопределенном, которое временно может быть определено через что-то, но которое относится к чему-то одушевленному, так как в противном случае перед нами было бы сказуемое безличное, например, *Только что я задул свечу, как затрещало в темноте, потом осветлело* и т. д. Этот процесс рассматривается как явление без деятеля.

Следующий этап обобщения – это полная потеря лица, числа и рода, что как раз и приводит к обезличиванию процесса, например, *Бурей деревья поломало; Мне не хочется; Здесь дует.*

В разговорной речи часто прибегают к помощи морфологического элемента *оно* в роли формального подлежащего в безличных оборотах, особенно в тех, которые выражают последовательность рассуждений, например, «Выпил шкалик, *оно* во всех жилках играет» (Л. Толстой. «Чем люди живы»); «Только все-таки хорошо *оно*, что так произошло. И дурно *оно* было, и хорошо *оно* было» (Достоевский. «Братья Карамазовы», III, VII, III); «*Оно* правда совестно немного обыгрывать старух» (Гончаров. «Обрыв», I, I); «Как подумаешь об жизни об своей, так *оно* и выходит, что своя рубашка к телу ближе»⁵.

Мы думаем, что этот элемент *оно* служит для того, чтобы подчеркнуть безличный характер глагола. Его присутствие останавливает всякую попытку отнести глагол к какому бы то ни было подлежащему, как это могло бы быть, например, в первой фразе – отнести глагол *играет* к слову *шкалик*; во второй фразе можно было бы понять *хорошо было* или *дурно было* как выражение внутреннего состояния: *мне хорошо было*, но элемент *оно* не позволяет этого. Что касается других фраз, в них употребление *оно* придает рассуждению более объективный характер, устраняя, так сказать, зависимость от говорящего лица.

---

⁵ Цит. по Jagić. *Boiträge zur slavischen Syntax*, с. 14.

VII

НАКЛОНЕНИЯ

§ 24. Общие положения

Среди предикативных значений наклонение является самым важным. В некоторых случаях сказуемое может обойтись без всякого определения по отношению к лицу и времени, например, *Замолчать!*, *Волков бояться, в лес не ходить*, или *Пойти погулять!*, или еще *Отдохнуть бы!* и т. д. Но предикативное *T'* всегда отражает, хотя бы посредством интонации, волеизъявительную позицию говорящего лица в предикативном акте.

С точки зрения волеизъявления различаются лишь два наклонения: повелительное и неповелительное. Повелительное наклонение относится к активной речи и соответствует активной позиции говорящего лица, которое старается непосредственно навязать свою волю: *Иван, работай!*, *Подайте милостыньку, Христа ради!* Неповелительное наклонение выражает позицию более рассудочную, сдержанную, когда говорящее лицо непосредственно имеет в виду сообщение какого-то факта: *Иван работает; Иван работал бы, если бы был здоров*. Но по отношению к сообщаемым фактам возникает новый принцип деления, и в рамках рассудочного наклонения, каким является неповелительное наклонение, будет произведено различие между изъявительным наклонением и гипотетическим. Первое соответствует реальным фактам: *Иван работает; Иван вчера не работал* или *Если Иван не работал, то значит он был нездоров* и т. д., и т. д. Гипотетическое наклонение, напротив, представляет факты не как реальные, независимо от того, о каком факте идет речь, о предполагаемом, потенциальном, не истинном или просто желаемом: *Иван работал бы, если бы был здоров; Я просил, чтобы он зашел ко мне; Вижу я во сне: иду бы я над рекой* и т. д. Гипотетическое

наклонение наслаивается на изъявительное в том смысле, что если не рассматривать факт как реальный, он переносится в план нереальной модальности.

Эти три модальные плана, активный, реальный и нереальный, соответствуют трем морфологическим образованиям: повелительное наклонение, изъявительное и гипотетическое. Однако их морфологические показатели не всегда достаточно характерны. Мы увидим в дальнейшем, что по своим окончаниям повелительное наклонение не отличается в достаточной степени от изъявительного. Гипотетическое наклонение характеризуется подвижной морфемой *бы*, но эта морфема может сопровождать любое слово фразы, перенесенной в план нереальной модальности; кроме того, нереальный факт может также выражаться различными приемами. Что касается изъявительного наклонения, его единственной характеристикой является наличие трех времен. Это приводит к тому, что его модальное значение растворяется, собственно говоря, во временном значении; это действительно «нулевое наклонение». Все это соответствует общей тенденции русского языка выражать большинство глагольных значений иначе, чем через окончание, и упрощать как можно больше систему спряжений.

Кроме трех грамматических наклонений, в русском языке различается большое количество вторичных модальностей, выражающих различные оттенки в субъективной позиции говорящего лица. Они наслаиваются на основные наклонения и реализуются посредством различных транспозиций значения соответствующего наклонения. Вторичные модальности чаще всего сопровождаются экспрессивной интонацией. Особо следует отметить желательную модальность гипотетического наклонения, например, *Я закусил бы!* или *Вздремнуть бы!*

Между тремя модальными планами происходит бесконечный обмен значениями, и одно и то же явление может быть перенесено из одной модальности в другую; например, *Вы будете гулять, а я должен работать!* > *Вы гулять будете, а я работай!* > *Вы гулять будете, а я чтоб работал!* и т. д., и т. д. Из этого обмена между модальными планами вытекают новые модальности, которые невозможно классифицировать, так как они относятся к области различения. Но в противоположность подобному пересечению различных наклонений можно наблюдать случаи, где оппозиция наклонений стирается и выбор того или другого наклонения практически становится безразличным.

Функционирование наклонений представляется очень сложным, может быть, даже капризным, потому что оно непосредственно отра-

жает индивидуальный склад ума говорящего лица и тем самым относится как к речи, так и к языку; недостаточно жесткие рамки грамматических наклонений в любой момент нарушаются эмоциональным содержанием текущей жизни, выходящим за их пределы. Эта часть системы русского глагола еще никогда не была изучена систематически, и в главе, которую мы посвящаем наклонению, мы хотим всего лишь дать схематический очерк и расставить некоторые вехи на пути к той области, которая однажды должна быть подвергнута методическому исследованию.

§ 25. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение, являясь выражением активной волеизъявительной позиции говорящего лица, относится к аффектированной речи, но, кроме того, это — грамматическая форма, имеющая некоторые морфологические показатели и соответствующая особому роду отношений между субъектом и его действием. Подлежащее сказуемого в императиве, конечно, является деятелем данного акта, но этот деятель лишен воли, потому что источником воли является именно говорящее лицо. Таким образом, подлежащее-деятель оказывается простым исполнителем действия, а не его духовным автором. С грамматической точки зрения императив, следовательно, одинаково годится как для выражения приказа, так и для выражения увещевания, потому что с формальной точки зрения позиция деятеля-подлежащего остается той же: говорящее лицо занимает первый план и затмевает, так сказать, исполнителя действия. Различить этот вид отношений в каждом отдельном случае и установить, идет ли речь о приказе или о просьбе, выпадает на роль ситуации, интонации и семантики.

Именно поэтому местоимение-подлежащее глагола в повелительном наклонении чаще всего устранено. В таких фразах, как *Иван, работай!*, *Вы там, слушайте!*, *Беги, Ванька!*, имя, поставленное в позицию обращения, больше напоминает междометие, чем подлежащее, и интонация, с которой это имя произносится, та же, что в фразе *Эй, подите сюда!* Любопытно заметить, что в народной речи, где легко упраздняется подлежащее-местоимение в изъявительном наклонении, в повелительном наклонении оно чаще всего остается. Например, «Скажи ты мне... не потай от меня» (Лесков. «Очарованный странник», XV); ср. также следующие фразы, взятые из рассказа Л. Толстого «Чем люди

живы»: «*Ты* спроси прежде: какой человек... *Ты* сказывай, куда деньги девал? — *Ты* понимай, на кого шьешь... — *Ты* лучше смотри, чтоб к сроку готовы были».

Отрицательный запрещающий императив выражается несовершенным видом: *Не ходи туда! Не читай эту книгу!* Но для выражения увещевания или предупреждения прибегают к совершенному виду: *Не упади! Смотри, не проговорись!*¹ Это потому, что в последнем случае запрет касается не самого акта, а его возможного результата.

Говорящее лицо стремится навязать свою волю собеседнику, и повелительное наклонение располагает поэтому только формами 2-го лица. Что касается форм *идем* (более разговорная), *идемте* (которая может также адресоваться к людям, с которыми говорят на «вы»), они отличаются от обычного *идите* только желанием говорящего присоединиться к своим собеседникам. Волеизъявительный акт, направленный на третье лицо, неизбежно преобразуется в выражение простого желания, совета или согласия. Говорящее лицо отодвигается на свое обычное место, и подлежащее-деятель появляется вновь. Таким образом, от повелительного наклонения мы переходим к изъявительному или гипотетическому. Вот несколько примеров: *Пропадай моя телега!* восходит к типу интеллектуального языка: *Пусть пропадает моя телега!* — *Пострел тебя возьми* < *Пострел бы тебя взял!* или *Пусть пострел тебя возьмет!* — *Едят те (тебя) мухи!* < *Чтобы тебя мухи съели!* или *Пусть тебя мухи едят!* и т. д., и т. д. Наконец, в безличном: *Пусть только рассветет, и мы сейчас же двинемся в путь* или *Рассветай только, и мы поедем*. Сказать по правде, это всего лишь различные синонимичные возможности выразить пожелание, и нельзя говорить о повелительном наклонении в 3-м лице².

Морфологические показатели повелительного наклонения не всегда достаточно отчетливы. В единственном числе императив стремится быть выраженным чистой основой настоящего времени; во множественном числе его основной характеристикой является окончание *те* (ср. с повелительной частицей *на, нате и ну, нуте*), но в некоторых случаях этого окончания недостаточно, чтобы отличить повелитель-

¹ См. замечание Ф. Корша в «Синтаксисе» Овсянко-Куликовского (с. 121); Шахматов. «Очерк...», с. 157.

² В той мере, в какой оборот *Пусть он войдет* является выражением воли, он обращен не к 3-му лицу, а ко 2-му: именно собеседнику адресован приказ пустить человека, о котором идет речь.

ное наклонение от изъявительного, например, *говорите, решите*³. Главным образом повелительное наклонение отличается от изъявительного своей интонацией. Такая же интонация, кажется, присуща всем формам активной речи. По своей грамматической структуре активная фраза не отличается от обычной, и она создана исключительно своей особой интонацией, которая сопровождает жест и мимику, тогда как слова, содержащиеся в активной фразе, служат, чтобы различить и уточнить волеизъявительную позицию говорящего лица. Например: *Вон!— Сюда!— Цыц!— В угол!— На помощь!— Караул!— Тише!— Смирно!— Пошел вон!— Пошел!* (обращение к извозчику) — *Взяли, взяли!* (ободряющий возглас рабочих, когда им предстоит тащить что-то тяжелое) — *Встать!— Будет!— Ты пойдешь и скажешь ему, что я жду его!* и т. д., и т. д. Императив — всего лишь частный ослабленный случай активной фразы, грамматикализованной вплоть до включения в систему спряжения; следовательно, только что приведенные фразы могут расцениваться как синонимические выражения активной фразы.

Повелительное наклонение соответствует особым отношениям между говорящим лицом и субъектом-собеседником. Из этих отношений вытекает новое значение, а именно, значение действия, навязанного собеседнику, которое этот последний воспринимает как более или менее произвольное. Здесь говорящие широко и по-новому используют оппозицию глагольных видов. Мы видели (на с. 126), что совершенный вид соответствует действию, до некоторой степени мотивированному своим результатом, поэтому приказ, выраженный императивом совершенного вида, имеет менее произвольный, а следовательно, более вежливый характер, чем тот же приказ, выраженный императивом несовершенного вида. Ср.: *Подмети комнату — Реши задачу — Перепишите эту бумагу* и *Подметай комнату — Решай задачу — Переписывайте эту бумагу*. В некоторых ситуациях, напротив, совершенный вид кажется более властным, например, *сядь, ляг, останьтесь* и т. д. Но здесь оппозиция носит совсем иной характер: фамильярная, чуть грубоватая нотка, которая связывается с немотивированным приказом, лишает этот приказ его властности; так, «*полезайте в воду, философы!*» — говорит Базаров, обращаясь к деревенским мальчишкам (Тургенев. «Отцы и дети», V).

³ Отличие также едва заметно в классе III, например, *рисуете* (=p'isujat'л) и *рисуйте* (=p'isujt'л).

Именно это значение произвольного действия является исходной точкой перемещения императива на линии омонимии. Собственно говоря, существует лишь два типа перемещения, действительно представляющих интерес и достаточно закрепленных: один представляет произвольный акт, навязанный подлежащему-действию (а не собеседнику), а другой выражает произвольный акт самого подлежащего-действия.

1. Действие, произвольно навязанное подлежащему-действию

Высказывание *Вы гуляйте, а я работай!* опирается на *а я должен работать!* или на гипотетически-желательное: *а я чтоб работал!* Точно так же: *Все на поле, а мы на печи лежи!* или *Чтобы он ни сделал, за все я отвечай!* — «Хоть любовника заводи! А? И это, может быть, по-твоему ничего?» (Островский. «Гроза», I, 5). Интонация везде иная, чем в настоящем повелительном наклонении, она выражает чувство возмущения и протеста.

2. Произвольное действие подлежащего-действия

«Только довели, он и отдал Богу душу, а баба его в ту же ночь и *родит* (опирается на *взяла да и родила*) двойню — вот этих девочек» (Л. Толстой. «Чем люди живы») — «Он, Ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она *не будь дура*, и тяпни» (Чехов. «Хамелеон»), т. е. *взяла да и тяпнула*; что касается *не будь дура* — это застывшее выражение, употребляемое как вставка. — «Кажется, *уйди* Никита, не стану на свете жить» (Л. Толстой. «Власть тьмы», I, 10) — «Я пришел к нему записаться на курс, а он, вдруг, *возьми да пригласи* (*взял да и пригласил*) меня к себе на вечер» (Тургенев. «Гамлет Щигровского уезда») — «Отец мой ему и *полюбись*» (Тургенев. «Одюдворец Овсяников»). Наконец, имеет место безличное действие, произвольное в силу своей неожиданности: *Только было цветы распустились, как вдруг возьми да приморозь*. Это употребление формы императива наслаивается на соответствующую модальность изъявительного наклонения типа *взять да и...*, обозначающую решение быстрое, неожиданное, и тем самым немотивированное и произвольное (см. с. 171).

Противопоставление видов используется здесь по-новому, хотя и в полном соответствии с оппозицией глагольных видов в обычном императиве, о котором мы только что говорили. Так, навязанное произвольное действие выражается глаголом несовершенного вида, тогда как произвольное действие самого субъекта выражается глаголом со-

вершенного вида. Видовое противопоставление стирается, когда речь идет не о материальной реализации действия, а о желании попытаться его совершить; это то, что мы наблюдаем в оборотах с *хоть*: *Хоть любовника заводи (заведи), и это ничего! — Накурено — хоть топор вешай (повесь)*.

Внимательно рассматривая этот вид транспозиции императива, мы замечаем, что от истинного императива остается только значение произвольного действия, выделенного сверх меры. С точки зрения морфологии, этот императив, если только это действительно повелительное наклонение, имеет лишь свою форму единственного числа, которая сопровождается подлежащим, в любом лице и в любом числе; характерная интонация активной фразы также отсутствует. Можно ли определить сказуемое этих фраз как императив? Мы думаем, что нет. По нашему мнению, это модальность произвольного действия, имеющая субъективное и экспрессивное значение. Ср.: *Если бы он сказал мне, я сейчас же устроил бы все* > *Сказал бы он мне, я сейчас же...* > *Скажи он мне, я сейчас же...*

Русская разговорная речь изобилует оборотами и застывшими выражениями типа *Сели за стол, и давай пить*. — *Ему говорят, а он зная себе глазами хлопает*. Отметим, что *того и гляди* и *то и знай* стали просто модальными частицами: *Кругом толкотня, — того и гляди задавят*. — *В тишине то и знай раздаются оклики часовых*.

§ 26. Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение — объективное, интеллектуальное; это план, где происходят реальные факты; его модальное значение затемняется временным значением настоящего, прошедшего и будущего времени. Собственно говоря, оно выступает как отрицательное наклонение или ноль наклонения. Однако понятие реального факта не исключает возможности представлять его себе субъективно: интонация, порядок слов, выбор того и другого — все может быть использовано в аффективной речи. Кое-какие из этих более или менее субъективных способов представлять себе реальный факт зафиксированы в языке и не должны больше рассматриваться как относящиеся только к речи. Этими вторичными модальностями изъявительного наклонения являются следующие:

1. Многократная модальность (см. с. 168)

Мнение, что какое-то повторяющееся действие является обычным, может относиться только к действию в прошедшем времени. Обще-принятым средством для выражения этой модальности является употребление *бывало*. Этот элемент готов стать простой частицей, но пока еще сохраняет свое значение многократного глагола от *быть*. Одна фраза или серия фраз, относящихся к одному и тому же событию транспонированы в многократную модальность посредством *бывало*. Например, «Так *бывало* и закричу в темноте. Да как вспомню вдруг, что ничего-то я ему не сделаю, а он-то надо мной смеется теперь..., так кинусь с постели на пол, зальюсь бессильною слезой и трясусь-трясусь до рассвета. Поутру встану злее собаки, рада весь свет проглотить» (Достоевский. «Братья Карамазовы», VII, III).

Многократное прошедшее время придает этой модальности оттенок неопределенности во времени: «У меня дядя был псовый охотник, — продолжала она. Я с ним *езживала* весною» (Тургенев. «Вешние воды», XLIII).

2. Внезапное действие

Будущее время совершенного вида в соединении с частицей *как* выражает внезапное неожиданное действие: *Лиса открыла мешок, а собаки как выскочат да как кинутся за нею*.

Та же модальность выражается восклицательной формой глаголов: «Мы не успели еще одеться, как *шасть* гости на двор» («Академический словарь»). «Только начал он выговаривать Михайле, *грох* в кольцо у двери, стучится кто-то» (Л. Толстой. «Чем люди живы»).

3. Действие с аннулированным результатом

Мы уже видели (с. 125), как важна роль понятия результата в системе русского глагола. Следовательно, не стоит удивляться тому, что русский язык располагает специальным приемом для выражения действия, аннулированного в связи с отсутствием результата. Эта модальность выражается посредством элемента *было* (безударного), сопровождающего глагол прошедшего времени: «Я *было* принес показать тебе моего богатыря; он соскучился по своем дяде. Зачем же она унесла его?» (Тургенев. «Отцы и дети», XXIV). *Река, покрывшаяся было льдом, снова разошлась*. «Он *было* и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна» (Островский. «Гроза», I, 3). Вот некоторые ва-

рианты выражения той же модальности: *Я чуть было не опоздал; Я чуть не опоздал* и т. д. Последняя фраза возвращает нас к простому изъявительному наклонению.

4. Произвольное действие

Эта модальность связана с той же необходимостью уточнить, какова доля участия подлежащего в действии. Мы уже говорили об этой необходимости по поводу различия между деятелем одушевленным и неодушевленным и вообще по поводу психологического механизма обезличивания (§§ 20 и 21). Мы анализировали эту модальность в плане повелительного наклонения (§ 25), мы встретим ее и в рамках гипотетического наклонения (§ 27); здесь она предстает как выражение действия, которое зависит исключительно от свободного решения субъекта и по этой причине кажется наблюдателю произвольным. Например, *Ты подойдешь к собаке, а она возьмет да укусит. — Что с ним возиться? Взять да прогнать. — Тотчас я проснулся и вижу, все спят; я взял и заснул*⁴.

5. Действие, правдоподобие которого под вопросом

Когда речь идет о процессе, истинность которого говорящее лицо не может или не хочет признать (передача чужих слов, пересказ снов и т. д.), употребляются частицы *будто, будто бы, бы, якобы*. Следовательно, эта модальность располагается по соседству с гипотетическим наклонением. Например, «Были когда-то злые сплетни... что *будто* слишком уважаются старцы в ущерб даже самому игумену, и что между прочим *будто бы* старцы злоупотребляют таинством исповеди и проч., и проч.» (Достоевский. «Братья Карамазовы, II, VIII).

«Видела я сон третьеводнись. Иду *бы* я по-над рекой, и не то *будто* на Старице, не то где... И иду этто я, а река такова черная — чё-орная, а из воды *бы* на меня глядит он, мордастый с усищами... Да так страшно глядит. Хочу *бы* я закричать — а голосу нет. Зачала *бы* я креститься да молитву шепчу... А он говорит *бы*: не зачуряешься, говорит...» (С. Карцевский. «Ямкарка», сборник «Знания», XXXI, 1910)⁵.

Таким образом мы совершенно естественно перешли от изъявительного наклонения к гипотетическому.

⁴ См. комментарий этого примера в *Manuel de P. Boyer et N. Spéranaky* (p. 63).

⁵ Мы сожалеем о том, что вынуждены цитировать сами себя; однако эта модальность, столь яркая и выразительная, не была еще ни отмечена нашими грамматистами, ни использована нашими писателями.

§ 27. Гипотетическое наклонение

Частица *бы*, которая служит для выражения гипотетического значения, перемещается в фразе, стремясь, однако находиться после первого слова фразы (закон Ваккернагеля); она сопровождает различные виды слов и часто повторяется в фразе несколько раз. И хотя в литературном языке она должна относиться только к личному глаголу (форма которого совпадает с формой прошедшего времени), однако в гипотетическое наклонение ею переносится вся фраза, а не только сказуемое. Она встречается даже с неличными формами глагола: с инфинитивом, с причастием и с деепричастием. Например, «Видишь, я *бы*, конечно, все потерял, она *бы* убежала, но зато inferнально, мстительно вышло *бы*, всего остального стоило *бы*» (Достоевский. «Братья Карамазовы», III, VIII). — «Спит ум, может быть, обретший *бы* внезапный родник великих средств» (Гоголь. «Мертвые души», I, XI). — ... *следовало бы расширить, введя бы некоторые подробности*⁶. — *Не скажи (бы) он мне этого вовремя, что с нами бы стало? — Прогнать бы его следовало! — Вздремнуть бы!*

Фраза с условными или уступительными отношениями переносится в гипотетическое наклонение, как только речь идет о фактах или отношениях предполагаемых и, следовательно, нереальных. Ср.: *Если он приехал, то он сегодня же зайдет* и *Если бы он приехал, то он сегодня же зашел бы ко мне* (время обоих действий определяется только ситуацией). — *Что бы он ни сделал, все хорошо.*

В дополнительных придаточных предложениях, выражающих цель, союз *чтобы* также выражает оттенок гипотетической модальности. Ср.: *Я написал ему: приходи немедленно* и *Я написал ему, чтобы он немедленно пришел*; ср., с другой стороны: *Я написал ему немедленно прийти*, где имеется один деятель-подлежащее; точно так же, но с оттенком гипотетическим: *Я пришел, чтобы проститься с вами.*

В дополнительных придаточных предложениях, выражающих сомнение, факты могут представляться как нереальные, и тогда прибегают к помощи гипотетического союза *чтобы*. Ср.: *Я не верю, что он уехал* и *Я не верю, чтобы он уехал.*

Если в приведенных примерах мы встречаем гипотетическое наклонение в придаточных предложениях или в фразах с условными или

⁶ Пример, взятый из книги Д. Н. Кудрявского «Введение в языкознание», с. 97.

уступительными отношениями, это, естественно, не значит, что это наклонение служит средством подчинения. В тех же предложениях употребляется изъявительное наклонение, как только речь идет о фактах, которые русское языковое сознание расценивает как факты реальные. Кроме того, гипотетический союз *чтобы*, выражая оттенок, который мы склонны расценивать как гипотетический, может вводить не только глагольную форму, соответствующую гипотетическому сказуемому, но также инфинитив, что позволяет гипотетическому наклонению избежать опасности стать простым средством подчинения.

К тому же в русском языке существует другая гипотетическая модальность, которую мы называем *желательной*. Она выражает желание говорящего лица и употребляется в любом виде фраз и предложений. Например, *Я выпил бы чаю! — Хоть бы ты его урезонил! — Только бы он пришел! — Только бы он не приходил! (или не пришел!) — Так вот и полетел бы! — «О, если бы крылья и мне!» (А. Майков) — Если бы знать об этом раньше! — Чтобы я пошел к нему? Да никогда! — Провалиться бы ему! — А чтоб они все там провалились! — «Вы опять рюмку выпили. Довольно бы вам» (Достоевский. «Братья Карамазовы», III, VIII). — Хотелось бы мне побеседовать с вами! — Закусить бы!*

Во всех этих фразах факт мыслится как нереальный, либо потому что он предполагается или является желательным, либо потому что социальные условности требуют, чтобы он был представлен как полностью зависящий от нашего собеседника: *Я попросил бы Вас зайти ко мне*. В этом случае форма желательной модальности становится просто формулой вежливости.

VIII

ВРЕМЯ

§ 28. Временная перспектива

Объективное настоящее время, т. е. момент предикативного действия, не обязательно совпадает с субъективной ситуацией, в которой находится говорящий, который в течение своего рассказа усилием воображения переносится то в прошлое, то в будущее, создавая тем самым несколько субъективных ситуаций настоящего. Таким образом, объективная временная перспектива постоянно нарушается.

Естественно, что эти субъективные перемещения наиболее часты там, где речь идет о передаче различных слуховых и зрительных впечатлений, а также когда передается чужая речь¹. Вот несколько примеров, взятых из рассказа Л. Толстого «Чем люди живы»:

«Думал сапожник в долг взять овчины. В долг не поверил овчинник. — Денежки, — говорит, — принеси, тогда выбирай любые...»

«...пошел домой без шубы. С утра сапожнику морозно показалось, а выпивши — тепло (настоящее время) и без шубы. Идет сапожник...»

«Хотела уйти, да остановилась: и сердце в ней расходилось — хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой такой человек».

«Долго не спала Матрена, и слышит — Семен тоже не спит...»

«Поглядели в окно, — остановился возок против избы, соскочил молодец с облучка, отворил дверцу. Вылезает из возка в шубе барин. Вышел из возка...»

---

¹ Русская разговорная речь вовсе не различает прямую и косвенную речь (см.: Пешковский, «Синтаксис», с. 409), и наряду с прямой речью в русском языке широко используется несобственно-прямая речь. В лучшем случае, чтобы показать, что речь идет о словах или, вернее, о мыслях какого-то третьего лица, говорящий прибегает к помощи таких частиц, как *де* или *дескать*.

Мы увидим дальше, что обычное значение прошедшего времени глаголов совершенного вида соответствует значению перфекта и что, следовательно, прошедшее время глаголов *остановился, соскочил, открыл, вышел* и т. д. представляет результат, который относится к тому же плану, что и *вылезает*, а не к какому-то предшествующему плану. Таким образом, весь рассказ оказывается перенесенным в настоящее время.

Таких примеров бесконечное множество, однако и тех, что мы только что привели, достаточно для того, чтобы показать, насколько говорящее лицо не считается с объективной временной ситуацией и вообще с любой временной перспективой. Характерной чертой русского склада ума, безусловно, является постоянное стремление видеть и представлять себе. Время в русском языке психологическое и субъективное; временные формы глагола никогда не бывают достаточно «пустыми», чтобы служить только средством подчинения или сочинения².

Поскольку точное положение процесса во временной перспективе так мало беспокоит говорящего, не удивительно, что, когда понятия вида и времени пересекаются, превалирует понятие вида. Это точно подметил и очень хорошо сформулировал А. Мазон. Он пишет: «В настоящем времени, как в будущем и прошедшем, вид действительно всегда оказывается на первом плане; понятие же точного положения во времени может быть лишь на втором плане»³. Сущность русского глагола — это вид, и надо исходить из вида, чтобы по-настоящему разобраться в понятии времени в русской грамматике, потому что отношение между процессом и понятием времени меняется в зависимости от вида глагола. В этом наш подход отличается от практического применения Мазоном установленного им и прекрасно сформулированного явления.

Отношения между процессом и понятием времени различны в зависимости от вида глагола.

---

² А. Пешковский (см.: «Синтаксис», с. 128), однако, склонен видеть нечто вроде согласования времен, свойственного русскому языку; этот вывод Пешковский делает на том основании, что в косвенной речи времена совершенно те же, что и в прямой. Например, *Он сказал, что очень сожалел, что пришел не вовремя*; и *Он сказал: «Я очень сожалею, что пришел не вовремя»*. — Но здесь нет никакого «согласования времен» в обычном смысле этого термина. Эти примеры лишней раз доказывают, что «время» в русском языке скорее психологическое, чем грамматическое.

³ А. Mazon. *Emploi...*, p. 239.

Так, в несовершенном виде, который выражает процесс в его продолжении, идея времени содержит три естественных подраздела, а именно — план настоящего, который отделяет и изолирует друг от друга план прошедшего и план будущего. Процесс несовершенного вида разворачивается внутри временного плана и параллельно его границам. Именно потому, что возможен процесс, параллельный моменту речи, мы можем рассматривать настоящее как план, а не как линию.

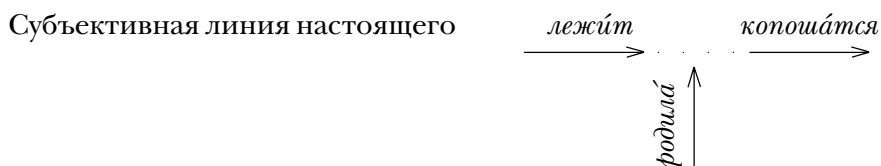
Не следует также забывать, что каждый временной план есть один план. Русскую грамматику вовсе не интересуют отношения предшествования, в которых могут находиться два процесса, принадлежащих к одному и тому же временному плану и выраженных формами личного глагола; эти отношения определены ситуацией и контекстом.

Процесс, мыслимый как процесс совершенного вида, лишен временной перспективы в том виде, в каком мы ее описали. Этот процесс не может мыслиться как параллельный моменту речи; он ведет нас к линейному пониманию настоящего. Это уже не план, внутри которого различные процессы могут развиваться, это линия, отделяющая прошедшее от будущего. Развивая это образное представление, мы скажем, что процесс совершенного вида перпендикулярен к линии настоящего и что он предстает то как процесс с достигнутым результатом, то как процесс, результат которого предстоит достичь. Каждая из этих концепций выражается особой грамматической формой: достигнутый результат выражается прошедшим временем совершенного вида, результат, который предстоит достичь, выражается формой настоящего-будущего времени совершенного вида.

По отношению к объективной временной перспективе достигнутый результат может рассматриваться как находящийся либо в настоящем, либо в прошлом, либо даже в будущем. Что касается результата, которого предстоит достичь, он, естественно, относится к будущему, однако это будущее может быть столь близким, что достижение результата совпадает с настоящим моментом. Отсюда возникают некоторые особенности, свойственные прошедшему и настоящему совершенного вида — обе формы не являются временными в обычном смысле этого слова.

§ 29. Совершенный вид и время

Прошедшее время совершенного вида выражает достигнутый результат действия, который, если нет указаний на обратное, продолжает существовать в момент речи. Вот несколько примеров: «Слетел я на землю, вижу: лежит одна жена — больна, *родила* двойню [двух девочек]. Копошатся девочки подле матери...» (Л. Толстой. «Чем люди живы», X). *Родила* является всего лишь точкой завершения процесса, развитие которого происходит не в момент речи. Но эта точка находится на той же линии (настоящего), что и два других процесса, развитие которых представлено в речи, а именно, *лежит* и *копошатся*; все это можно представить схематически:

Вот другой пример: «...только видно *измерз* человек и напуган, сидит прислонясь» (Л. Толстой. «Чем люди живы»). Заметим, что [состояние] *измерз* представлено на той же линии, что и *сидит*, к тому же оно приближено к *напуган*, которое выражает результат, отнесенный к имени как его качественная характеристика.

Еще пример: «Входит он на широкий двор, в ворота широкие, растворенные; дорога *пошла* из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды...» (Аксаков. «Аленький цветочек»). Здесь можно провести аналогичный анализ, с той только разницей, что *пошла* отмечает точку начала процесса, а не его конца, но она находится на той же линии, что и развивающийся процесс *бьют*.

В предложении *Пролегла-лежит широкая дороженька пролегла*, по выражению Потебни, представляет «факт совершившийся и пребывающий донныне»⁴, тогда как *лежит* просто возобновляет это результативное значение, чтобы развернуть его в плане настоящего.

Следующие примеры: «...все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя» (Гоголь.

⁴ Так Потебня определяет значение прошедшего времени глаголов совершенного вида в древнерусском языке, а также некоторые отдельные случаи современного русского языка, считая их архаичными. См.: «Из записок...», II, с. 257–258.

«Мертвые души», I, III). — «Да ведь нашему брату только одно удовольствие и осталось — преувеличивать» (Тургенев. «Гамлет Щигровского уезда»). — *Голова у меня разболелась, так и трещит. — Всю щеку разломило. — Месяц заволокло тучами.* В последней фразе мы находимся всего на расстоянии шага от номинативной пассивной фразы *Месяц заволочён тучами*, где результат представляется как состояние.

В следующих фразах аффективного характера реализация действия представляется говорящему столь неизбежной, что в своем воображении он видит его действительно реализованным. Однако для того, кто ставит себя в объективную временную перспективу, речь идет о действии, реализация которого относится к будущему. «Одного мне жаль, барин (говорит ямщик, думая, что у него украдут лошадей): *пропала моя троечка, — и братьям-то она не достанется*» (Тургенев. «Стучит!»). Или еще: *Мы погибли! Да что с ним возиться? дал ему по шее, и вся недолга! — Если Брут уцелеет, мы победили* (Brutus si conservatus erit, vicimus)⁵. Нам известно лишь два случая подобного же употребления прошедшего времени глаголов несовершенного вида, а именно: *Плакали наши денежки!* и *Митькой (Акулькой) звали!* (Ср.: *Велел Митькой звать!*) — восклицание рыбака в момент, когда рыба срывается с наживки и исчезает в воде. Нам, кстати, кажется, что *плакали* и *звали* воспринимаются здесь как глаголы совершенного вида.

Активная речь часто прибегает к помощи прошедшего времени совершенного вида для создания увещательных формул. Их цель состоит в том, чтобы, забегаая вперед, представить результат, который предстоит достичь, как уже более или менее достигнутый, завершённый. Подобные употребления встречаются разных видов и разной степени интенсивности. Таков, например, взаимно ободряющий возглас *взяли! взяли!*, который так часто слышится в среде рабочих, когда они все вместе напрягают силы в едином усилии, поднимая тяжелый груз или волоча балку и т. д. Говорят, обращаясь к кучеру: *Ну, поехали!* или более энергично *Пошел!* Еще более энергично звучит *Пошел вон!* Все эти выражения относятся к области модальностей. Известно, что чем ярче аффективный характер речи, тем труднее она поддается анализу. Тем не менее некоторые понукающие формулировки, такие как *Пошел!*, настолько очевидны и продуктивны, что нельзя не испытывать некоторого удивления перед восхитительными нагромождениями ис-

⁵ Цит. по: К. Аксаков. «О русских глаголах», с. 19.

торических доводов, приводимых русистами, стремящимися объяснить выражение *Пошел*^{6*}.

Нам остается коротко остановиться на тех случаях, где прошедшее время совершенного вида обозначает действие, явно отделенное от настоящего момента и, следовательно, представляющееся как историческое прошедшее.

Когда мы говорим *Пушкин родился в 1799 году*, сказуемое сообщает нам лишь о том, что Пушкин появился на свет в определенном году, и только из контекста мы узнаем, что Пушкина больше нет в живых. С точки зрения грамматики, результат, выраженный этим прошедшим временем, является фактом, существующим до сих пор. Но в такой фразе, как *Пушкин родился в 1799 году и умер в 1837*, результат, выраженный первым глаголом, отодвинут в прошлое, потому что его место на линии настоящего занято результатом более поздним, выраженным глаголом *умер* и продолжающим оставаться на этой линии. Точно так же обстоит дело в рассказе, где несколько прошедших времен следуют друг за другом и где каждое результативное действие отодвинуто на задний план и заменено новым результатом, хронологически более поздним и больше приближающимся к линии настоящего. Наше внимание не успевает задерживаться на каждом результате как на факте существующем и замечает лишь последовательность различных действий. Именно так, на наш взгляд, прошедшее время глаголов совершенного вида приобретает свое значение исторического прошедшего^{**}.

⁶ См., в частности: Потебня. «Из записок...», II, с. 276–278; Овсяннико-Куликовский. «Синтаксис», с. 123; P. Boyer et N. Spéranski. *Manuel*, p. 289; A. Mazon. *Emploi des aspects*, p. 230. Оставаясь исторической, точка зрения Потебни, впрочем, близка к нашей.

* В ② к этому абзацу:

Так я ему и дался?

«— Да, бросьте. Вы просто зевака. Сидят себе люди, работают, никого не трогают, а Вы пристаёте, — Почему, почему? *Пошли* (т. е. пойдёмте!).»

— Нет, *не пошли*. Вы лентяй. Я этого так оставить не могу» (И. Ильф и Е. Петров. «Клоон» — «Правда»; цитируется по воспроизведению этого рассказа в «Послед[них] новостях», № 4284, 14—XII/32).

«Киш, киш! *пошли*, гуси, с крыльца!» (Гоголь) — Пошёл вон!

А я на луг пошёл. (Я сказал это, только еще собираясь пойти).

** В ② к этому абзацу:

Неправильно: «Покойника похоронили. / Попы и гости ели, пили / И пос-

Прошедшее время несовершенного вида, напротив, обозначает процесс, развивающийся в плане прошедшего, полностью отделенного от плана настоящего. Об этом можно судить по следующим примерам: «Кто борщу *требовал?* — провозгласила довольно грязная хозяйка. — Ах, это Козельцов *спрашивал...*» (Л. Толстой. «Севастополь в августе 1855 г.»). «Но к ней Онегин подошел и молвил: Вы ко мне *писали*, не отпирайтесь...» (Пушкин. «Евгений Онегин», IV, 12). «...в доме была та самая умирающая больная, которая *спешила* (плюсквамперфект) за границу». (Л. Толстой. «Три смерти», III). *Приехал барин, что сапоги заказывал* и т. д. Во всех этих случаях говорящий привлекает свои воспоминания и находит в них действие в процессе развития, но отодвинутое на задний план прошедшего, потому что оно отделено от настоящего момента другими действиями, возникшими позже. Ср. следующие оппозиции: *Ну, вот я пришел. Зачем зв али?*, или *Не вы ли меня вызвали на этот разговор? Позвольте мне продолжать*, или *Мне только что сообщили, что вы меня вы зы в али к телефону* и т. д., и т. д.

Что касается преобразования под влиянием отрицания процесса совершенного вида в процесс несовершенного вида (*Я взял книгу; Я не взял книгу; Я не брал книги*), то об этом мы уже говорили выше. Мы склонны сопоставить результат действия отрицания на процесс с влиянием отрицания на обезличивание бытийных или пассивных предложений, о котором мы говорили в § 21, а также с влиянием отрицания на дополнения. Любой процесс, как только он отрицается, противопоставляется своей структуре результативного, а следовательно, процесса совершенного вида. «Нет, я еще от роду барского *не противал*» (Гончаров. «Обломов»). «Да, один раз опоздал, — ...сказал Саша, — да, и то мне досталось от Ольги Васильевны, и я потом *не опаздывал*» (Сологуб. «Мелкий бес», XXVIII). Если глагол располагает формой многократного прошедшего времени, то именно к ее употреблению прибегают в таких предложениях: *Сюда никто еще не захаживал, не залетывал, не заезживал* и т. д. Чем энергичнее будет отрицание, тем менее вероятно, что говорящий воспользуется прошедшим совершенного вида; ср.: *Много ты поймал сегодня рыбы? Ничего не поймал. Я и не ловил. Да я никогда и не лавливал на удочку.*

В противоположность мнению большинства русистов мы думаем, что вневременное значение настоящего-будущего совершенного вида

ле важно разошлись,/ Как будто делом *заялись*». («Евгений Онегин», I, 53). Следовало бы: *занимались*.

менее выделяется, чем прошедшего совершенного вида. Идея результата, который предстоит достичь, естественно заставляет думать о будущем. Необходимы специальные условия, чтобы момент реализации результата слился бы с настоящим моментом или преобразовался бы в гномическое настоящее*.

Однако перифрастическое будущее отчетливо обозначает действие, развивающееся в плане будущего, совершенно отделенного от плана настоящего, так, *Она сейчас будет одеваться к обеду* имплицитно выражает, что женщина, о которой идет речь, еще не начала одеваться. Тогда как фраза *Она сейчас оденется к обеду* вполне может обозначать, что эта женщина скоро закончит туалет, который уже начат некоторое время назад.

Любой процесс неизбежно имеет длительность, как процесс несовершенного вида, так и процесс совершенного вида, с той единственной разницей, что при глаголах несовершенного вида длительность процесса эксплицитно дана в речи, тогда как в случае глаголов совершенного вида длительность процесса только мыслится, но грамматически не выражена⁷. Абстрагирование от понятия длительности является лишь ухищрением мысли; оно состоит в том, что наше внимание сконцентрировано только на одном моменте процесса и исключает все прочие. Такое ухищрение лучше всего удается, когда речь идет о действии с достигнутым результатом. Когда я говорю *Вот я пришел*, известно, конечно, что до того, как оказаться здесь, я какое-то время шел, но, поскольку наше внимание сконцентрировано на факте моего прихода, результативный момент, так сказать, скрывает от нашего зрения сам процесс.

Когда я говорю *Я приду*, идея еще не достигнутого результата не позволяет полностью забыть, что до того, как оказаться здесь, мне надо будет некоторое время идти. Понятие длительности недостаточно устранено из концепции процесса действия с еще не достигнутым результатом. И необходимы особые обстоятельства, чтобы такой процесс был бы сведен к точке и его результат был приближен к линии настоящего.

---

* В ② к этому абзацу:

Как лучше всего *будет* [под этим словом, карандашом: *было*] разрезать?

⁷ Доказательством того, что понятие длительности никогда не устраняется полностью из процесса совершенного вида, является большое количество глаголов совершенного вида, допускающих при себе наличие временного

Чтобы изменить временное значение настоящего-будущего совершенного вида и преобразовать его во вневременное значение, существует два способа: 1) действие рассматривается как обобщенное, не относящееся больше ни к одному определенному моменту, тем самым оно становится неподвластным понятию времени; например, *На чужой фоток не накинешь платок. — Он хоть кого выведет из терпения*; 2) речь идет о каком-то особом конкретном действии, и процесс предстает как законченный, едва успев начаться, например: *Лиса открыла мешок, а собаки как выскочат из мешка да за нею, Кругом тихо. Лишь изредка плеснет рыба в речке, и все снова смолкает, А ну-ка посмотрию, что ты тут делаешь, — говорит няня, склоняясь над ребенком.* Эти оба способа часто комбинируются: обобщенное действие одновременно и действие немедленно реализованное, например, «Хлеб был дорогой, а работа дешевая, и что *заработает*, то и *проест*» (Л. Толстой. «Чем люди живы», I). Приведенные примеры показывают, что действие, выраженное формой настоящего-будущего совершенного вида, может относиться к любому плану объективной временной перспективы*.

Но вне этих условий действие совершенного вида относится к плану будущего: *... пойду в гостинный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным* (Островский. «Гроза», II, 8).

Нам кажется, что анализ отношений между видом и временем подтверждает уже не раз высказанную здесь мысль о том, что именно понятие результата является тем центром, вокруг которого организуется система видов, а через ее посредство и вся система русского глагола. Ограничение завершения действия, о котором говорит А. Белич⁸ и которое, по его мнению, является психологической базой перфективации, никак не противоречит нашей точке зрения. Любое ограничение должно совершаться в связи с каким-либо понятием, и этим понятием, на наш взгляд, и является понятие результата. В ингрессивных процессах результат достигнут, как только реализован начальный момент действия, в мгновенных процессах результат достигнут, как только завершён один из моментов, составляющих целую серию, и так далее.

определителя, например, *пробыть, проспать, проездить, пропеть целый день, долго.*

* В © к этому абзацу:

Пуговицу уронила. Никак не найду.

⁸ Белич. «О словенском глагольном виде».

IX

НЕЛИЧНЫЙ ГЛАГОЛ

§ 30. Общие положения

Прошло то время, когда инфинитив и причастие рассматривались как модальные формы в той же степени, что повелительное или изъявительное наклонение¹. Классификация неличных глагольных форм ставит современных русских грамматистов в затруднительное положение. Последователи Фортунатова, привыкшие определять имя как слово склоняемое, а глагол как слово спрягаемое, не знают, как быть с инфинитивом и деепричастием, которые не спрягаются и не склоняются. Пешковский в своем «Синтаксисе» считает инфинитив, деепричастие и причастие тремя самостоятельными частями речи, которые в действительности связаны с глаголом лишь деривацией точно как, например, *близна* с *белый* и *деревянный* с *дерево*². Петерсон идет еще дальше, он не считает прошедшее время глаголом и классифицирует его как краткую форму прилагательного. Однако языковое чувство убеждает нас в том, что формы *говорю*, *говорил*, *буду говорить* расположены в одном и том же плане временных значений, они различаются формальными синтаксическими значениями.

Пешковский к тому же подвержен влиянию идей Потебни о предикативном значении глагола. Для Потебни глагол и сказуемое являются, так сказать, синонимами. Рассуждение Потебни, повторенное Ов-

---

¹ См. очень любопытную таблицу наклонений в работе, переведенной с английского и носящей название *Hermès ou recherches philosophiques sur la grammaire universelle* par Jacques Harris, Paris, Messidor an IV.

² Пешковский с того времени, когда он писал «Синтаксис», уже изменил свою точку зрения и считает теперь, что это глагольные формы; см. его учебник русской грамматики «Наш язык», т. 3, 1927.

сянико-Куликовским, удивительно напоминает рассуждение героя Мольера о *vis dormitiva*: глагол служит предикатом, потому что он имеет предикативную силу. Эта сила свойственна не только модальному глаголу, но также инфинитиву, деепричастию и причастиям [sic], хотя и в меньшей степени. Развивая идеи Поттебни, Пешковский устанавливает, что главная функция инфинитива — быть второстепенным сказуемым. В такой фразе, как *Я пришел проститься*, он находит, что слова *пришел проститься* образуют двойной предикат³.

Действительно, в русском языке существует вид предиката, который следует определить как двойной, но инфинитив тут ни при чем. Так, в предложении *Я пойду куплю чего-нибудь к чаю* каждая из двух глагольных форм содержит все формальные значения, свойственные глагольному сказуемому, но обе формы в нашем сознании объединены так, что представляют собой один семантический момент. Напротив, в сочетании *пойду купить* семантическая слитность гораздо слабее: формальные значения обоих слов ни достаточно тождественны, чтобы образовать двойной предикат, ни достаточно различны, чтобы составить одну-единственную форму.

Пешковский в своем «Синтаксисе» часто заменяет термин *предикативность* термином *глагольность*. Нет ничего более верного. Они не синонимичны, но несомненно, что инфинитив, деепричастие и причастия располагают глагольностью в той же мере, что и личный глагол, и по этой простой причине они относятся к той же части речи. Неличные формы имеют те же формальные фундаментальные значения, что и личные формы. Они тоже определяются по отношению к понятиям объекта, вида и деятеля. И если инфинитив обычно вовсе не выражает отношения к деятелю, он может, однако, приобретать его в фразе. Так, в предложении: «Потом бабушка предложила моей матери *выбрать* для своего помещения одну из двух комнат» (С. Аксаков. «Детские годы») совершенно ясно, что выбирать будет мать. Кроме того, в предложении *Люди пахать, а мы руками махать* из двух процессов, выраженных инфинитивом, каждый имеет своего деятеля. Следовательно, нет никаких оснований отделять неличные глагольные формы от личного или модального глагола.

Общим у безличных форм является то, что они выражают процесс, который не относится непосредственно к говорящему лицу, но каж-

---

³ Шахматов («Синтаксис», § 25) не считает инфинитив второстепенным предикатом, а называет его «глагольный дополнительный член».

дая из этих форм имеет свою собственную функцию и располагает своими особыми характеристиками. Мы коротко проанализируем эти функции.

§ 31. Инфинитив, деепричастие, причастия

Инфинитив прежде всего является выражением процесса вне всяких синтагматических отношений. Это выражение, адекватное идее процесса, которая в русском сознании неотделима от учета вида. Что касается отглагольных существительных, таких как *работа, учение, гулянье*, они всего лишь названия процесса и соответствуют идее процесса, перенесенного в именные рамки. И никогда не следует забывать, что отглагольное существительное в той мере, в какой оно сохраняет это транспонированное значение, является образованием искусственным, которое незнакомо спонтанной речи⁴. Отметим также, что народная речь никогда не пользуется отглагольными существительными с этим переносным значением, зато широко использует инфинитив, гораздо шире, чем это делает литературный язык. Вот несколько примеров.

Двум смертям не бы в а т ь, а одной не ми н о в а т ь. — Ви д а т ь орла по полету. — А нам отсюда и не слы х а т ь ничего. — Лю б и т ь — не люби, а почаще взглядывай. — Как ни к р ы т ь с я, все будет повиниться. — З н а т ь — не знаю, и ве д а т ь — не ведаю. — П и т ь — умереть, и не п и т ь — умереть, так что лучше уж п и т ь. — «...в той палате много добра и скарба всякого, есть на чем посидеть, поспать, есть во что п р и о д е т ь с я, есть во что п о с м о т р е т ь с я» (Аксаков. «Аленький цветочек»). Ср. также следующие фразы, взятые из пьесы Л. Толстого «Власть тьмы»: «Упарился. Жарко [страсть]. Простудиться малость» (IV, II). — «А невеста-то, ведашь, на редкость. Такой девки в округе п о и с к а т ь» (IV, III). — «Мне что ж, у х о д и т ь?» (I, VIII). — «Е х а т ь так е х а т ь, иди что ль, Иван» (IV, III). — «Же н и т ь-то и повременить можно... Нужда наша... Где тут же н и т ь» (I, XI). — «Что ж, коли же н и т ь, — дело хорошее» (I, XI).

Если существительное в именительном падеже представляет идею субстанции в форме изолированного концепта, инфинитив выражает идею процесса, который тоже представляет изолированный концепт. Оппозиция предметов и процессов расчленяет языковую систему.

⁴ См. Лесков. Указ. соч., с. 27.

Большинство именительных предикативных синтагм имеет глагольные эквиваленты. Действительно, можно встретить инфинитив в роли Табсолютного: *Гулять полезно; Курить воспрещается*; инфинитив можно встретить и как атрибутивное сказуемое: *Понять — простить; Волков бояться — в лес не ходить*, или как эквивалент личного сказуемого: *Дрозд горевать, дрозд тосковать, как лису ему накормить; Замолчать! Вздремнуть бы!* Наконец, инфинитив может служить T' самым различным словам: он может образовывать вставку, может входить в состав придаточного: *Он мастер сказки рассказывать; Я знаю его за человека, способного работать самостоятельно*; «Известно, что собаки имеют способность улыбаться» (Тургенев. «Ермолай и мельничиха»); «Охотник Владимир говорил, ни дать ни взять, как провинциальный актер» (Тургенев. «Льгов»); *Я пришел (, чтобы) проститься; Прежде чем уехать, я непременно навещу вас.*

Инфинитивы могут следовать один за другим: *Я не мог решиться поручить ему пойти просить вас пожаловать к нам*, точно как это делают существительные в родительном падеже: *Был заслушан доклад товарища председателя общества взаимопомощи бывших студентов Московского университета*⁵.

Наша грамматическая терминология выделяет лишь различные функции имени: подлежащее, дополнение, косвенное дополнение, приложение и т. д. Мы оказываемся совершенно потерянными, когда предстоит применить эту терминологию к многочисленным употреблениям инфинитива. Мейе установил различие между именной и глагольной фразой даже в индоевропейском языке. Оно основывается на различении двух видов сказуемого. Этот анализ в отношении противопоставления имени инфинитиву следовало бы продолжить, проводя его через всю языковую систему.

Основная роль деепричастия состоит в выражении второстепенного процесса. Совершенный вид выражает процесс предшествующий, тогда как несовершенный вид выражает процесс, одновременный по отношению к основному. Так, например, «Не отводя глаз от нот и крепко стиснув губы, сидела она неподвижно и прямо...» (Тургенев. «Отцы и дети», XVI). «Наконец-то пришел! — крикнула она, бросив карты и радостно здороваясь с Алешей...» (Достоевский. «Братья Карамазовы»).

⁵ О родительном падеже см.: Пешковский. Указ. соч., с. 164–165.

С синтагматической точки зрения деепричастие всегда относится к личному глаголу и имеет того же деятеля, что и основной процесс. Самостоятельное употребление деепричастия следует считать крайне редким. Вот несколько примеров: «Она сама не знала, какая в ней таится сила, ну а *убедившись* в ее действии на бале, как же ей было остановиться на ничтожном студенте» (Тургенев. «Дым», IX). Овсяннико-Куликовский приводит несколько устойчивых выражений с независимым деепричастием⁶: *Говоря по совести, это дело темное. Положа руку на сердце, такой поступок не может быть оправдан. Воздавая каждому должное, несправедливости устраняются* и т. д.

Литературный язык, который везде стремится установить отношения подчинения, часто расценивает отношения между деепричастием и личным глаголом, к которому оно относится, как отношения подчинения, например, «А крестьянин, не *получая* (= так как не получал) из города ничего, ничего не давал городу в свою очередь» (П. Рысс. «Русский опыт», II).

Деепричастие глаголов несовершенного вида часто переходит на роль простых наречий образа действия: *лежа, сидя, стоя, молча* и т. д. Значение обстоятельства образа действия иногда настолько превалирует над временным значением предшествования или одновременности, что можно одинаково употребить деепричастие совершенного или несовершенного вида. Например: *Он вернулся поздно, и ни к кому не заходя* (или *не зайдя*), *прямо прошел к себе*⁷.

В народной речи деепричастие чаще всего употребляется в роли атрибутивного сказуемого, например, «Да я сказываю тебе: иду, у часовни сидит этот *раздевши*, застыл совсем» (Л. Толстой. «Чем люди живы»). «Добрые люди уж чаю *напившись*, а вы никак глаз не продерете» (Чехов. «Событие»). «...и бывала я, сударь, по целым дням не *пиваячи*, не *едаючи*» (Мельников-Печерский. «На горах»)*.

---

⁶ «Синтаксис», с. 71–72.

⁷ Глаголы несовершенного вида образуют иногда деепричастие «прошедшего времени», например, *Никогда не читавши этой книги, я не могу ничего сказать о ней*. Но употребление таких форм ограничивается употреблением их в отрицательных оборотах этого типа.

* В © к этому абзацу:

Он был озябши, уставши, выпивши, не пимши, не емши, вспотевши. (а я так уставшая).

Причастия образуют маленькую систему:

Совершенный вид: прошедшее, действительное: *решивший*; страдательное: *решенный*.

Несовершенный вид: настоящее, действительное: *решающий*; страдательное: *решаемый*.

Несовершенный вид: прошедшее, действительное: *решавший*; страдательное: не существует.

Каждое причастие соответствует определительному придаточному предложению, например, *решавший* = *который решал*, *решивший* = *который решил*. В разговорной речи причастия почти не используются, за исключением страдательных причастий прошедшего времени, в пассивных фразах, чаще всего безличных, типа: *Сказано-сделано*. Именно эта оппозиция между активом и пассивом является основной используемой чертой причастий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ русского глагола нам показал, насколько тесно связаны между собой факты языковой системы. На протяжении всего исследования нам пришлось рассмотреть различные факты русского языка, которые на первый взгляд, казалось, не имеют никакого отношения к самому глаголу. Наше исследование глагола потребовало, кроме того, предварительного изложения некоторых основных принципов, на которых строится общее и синхроническое языкознание. И ни один частный вывод, касающийся глагольной системы, не имел бы значения и даже не мог бы быть сформулирован без одновременного обращения к основному общему принципу. Но все эти частные или общие выводы образуют одно целое, и невозможно отделить их один от другого, не нарушая органического единства этого целого.

В первом параграфе мы сформулировали принципы, которые послужили нам исходной точкой. Эти принципы были повторены и развиты в последующих параграфах вступительной главы. Наконец, они были применены к рассмотрению конкретных фактов, образующих систему глагола. Было бы бесполезно возвращаться к ним снова. Верны ли они? Правильно ли они приложены? Не нам судить об этом.

Но если мы не можем сформулировать наши выводы, боясь разрушить единство нашей концепции, ничто не мешает нам сформулировать основное положение нашего кредо, которое до сих пор вело нас в наших исследованиях. Слова Гёте, поставленные эпитафией к работе, дают достаточное представление об этой идее. Мы не думаем, что целое представляется суммой его частей. Но части, как функциональные элементы, вытекают из целого и существуют лишь через него. В исследовании языка, как в любом другом исследовании, необходимо искать *das geistige Band*, который дает жизнь всему и без которого все лишь обрывки и пыль.

Groupe A - Alternances.

celles-ci concernent Toutes les formes du groupe du présent.

1° Labiales n'ajoutent ni л: дремать, зобать, клевать

2° Velopalatales:

к > ч: плакать

г > ж: брызгать, двигать, тягаться

х > ш: пахать

ск > ш: искать, полоскать, роискать, прыскать

3° Dentales:

с > ш: плясать

з > ж: резать

[т > ш: клеветать, роптать, трепетать, скрежетать

ст > ш: блестать

т > ч: клокотать

[ш > ж]: страдать

д > ж: глодать

1° Thème en -j: (20 verbes)

бьют, бьют, бьют, вопят, звют, звют, затягивать,
каются, лгут, лелят, мзют, наделятся, реют, сзют,
смеются, тзют, хзют, чзют, шзют.

2°

брат, брат, драг, жкать (жкнѣ), жкать (жкнѣ), жкать,
жрать, звать, лгать, мзть, прать, рвать, ржать, свать, свать, свать

(шлют), ткать.

тлатъ

стать?

свать

Рукописная заметка в экземпляре ② (см. с. 192 данного сборника)

[Архив И. С. Карцевского]

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1: Заметки о классификации глаголов

А.

[Лист **а**) лицевая сторона:]

- I**   *-at', -ajūt* | играть нсв
играть, гулять | выиграть св
- а)** 'ывать / 'ивать | выигрывать вторичный нсв
-ать   вычищать
- б)** *ш...* > шй-к-ать | мадам-к-ать
карр... > кар-к-ать |
ах ! > ахать |
- с)** сапожник > сапожничать
нич-ать либерал > либеральничать
- II**   *-et', -ejūt* (непереходные)
белеть
чёрный > чернеть
- III**   -овать, уют   торговать, торгуют
-евать, -уют   горевать, горюют
массировать   диктовать, атаковать
электризовать, электризировать и т. д.
царство > царствовать

[**а**) обратная сторона:]

- 2) IV**   -ить, -ят
чёрный > чернить (переходный)   говорить
- V**   -нуть, -нут св мгновенные
толкать > толкнуть

Около 400 глаголов групп непродуктивных

A	ать, ут	соса́ть, сосу́т	160 глаголов
2) B	ать, ат	крича́ть, крича́т	35 (?)
2) C	еть, ат	гора́ть, горя́т	35 (?)
			230
D	нуть (без ну в прошедшем времени) нсв	га́снуть, гас, га́сла, гаснут	60 глаголов.
E	-ти (st')	итги́ не́сти, лезть	40 глаголов ?
F	-чь	печа́ть, пе́к, пекла, пеку́т стричь, стриг, стри́гла	16 гл.
G		изолированные глаголы	50 гл.

Б.

[б) обратная сторона:]

Группа А. — Чередования.

Они касаются *всех форм, образованных от основы настоящего времени.*

1. Основа на губной (13 глаголов) прибавляется *l'*:

дрема́ть, зоба́ть, зыба́ть, ка́пать, клепа́ть, колеба́ть, хря́мать, хрома́ть, щепа́ть, щипа́ть.

N. V. Подвижное ударение.

2. Основа на задненебный:

к > ч: пла́кать

г > ж: бры́згать, двига́ть, тяга́ться

х > ш: паха́ть

ск > щ: иска́ть, поло́ска́ть, ры́скать, пры́скать

3. Основа на зубной:

с > ш: пляса́ть

з > ж: ре́зать

т > щ: клеветáть, ропта́ть, трепета́ть, скрежетáть

ст > щ: блиста́ть

т > ч: клоко́та́ть

д > жд: страда́ть

д > ж: глода́ть

1° Основа на -j (20 глаголов):

Ба́ять, бле́ять, ве́ять, вопи́ять, га́ять, гра́ять, зате́ять (св), ка́яться, ла́ять, леле́ять, ма́ять, наде́яться, ре́ять, се́ять, смея́ться, та́ять, ха́ять, ча́ять, чу́ять, ша́ять.

2.

Бра́ть, вратъ, дра́ть, жать (жмут), жать (жнут), жда́ть, жра́ть, зва́ть, лга́ть, мя́ть, пра́ть, рва́ть, ржа́ть, ска́ть, сра́ть, сла́ть (шлю́т), стла́ть, тка́ть. [карандашом прибавлено:] ста́ть ?, соса́ть.

В.

[в] лицевая сторона:]

Группа А. — 156 глаголов

І. *Чередования:* 93 глагола.

а) *Основа на губной* (13) [сбоку, наискосок:] стла́ть ?

дрема́ть, <зоба́ть>, зы́бать, ка́пать, клепа́ть, колеба́ть, кра́пать, сы́пать, трепáть, <хрепа́ть>, хрома́ть, щепáть, щипáть.

ударение неподвижное на корне: 4.

13

б) *Основа на зубной* (49)

t > č' (26)

бормотáть, гоготáть, грохотáть, квохтáть, <клегхáть>, клокотáть, <кочотáть>, кропотáть, куда́хтать, лепетáть, лопотáть, <лоскотáть>, метáть, пры́татъ, <реготáть>, рокотáть, <сокотáть>, стрекотáть, топтáть, хлопотáть, хохотáть, <чекотáть>, шепетáть, шептáть, щебетáть, щекотáть.

ударение подвижное: 24, ударение неподвижное на корне: 2

26

t > š'

клеветáть, роптáть, скрежетáть, трепетáть.

ударение подвижное: 4

4

st > š'

блиста́ть, дриста́ть, свистáть, хлеста́ть, <хлыста́ть>.

ударение подвижное: 5

5

d > ž: глода́ть

d > žd страда́ть

| ударение подвижное: 2

2

[в) обратная сторона:]

жд: жа́ждать; зи́ждется (неполная парадигма)
ударение неподвижное: 2 2

s > š

писа́ть, пляса́ть, по́йсать, теса́ть, чеса́ть.
ударение неподвижное: 1, ударение подвижное: 4 5

z > ž

вяза́ть, каза́ть, низа́ть, обяза́ть св, ре́зать.
ударение неподвижное: 1, ударение подвижное: 4 5

в) Основа на заднебный

k > č'

алка́ть, <вава́кать>, *ика́ть, *<ки́кать>, кли́кать, <курлы́кать>, локáть, ма-
ка́ть, мурлы́кать, мы́кать, *мяу́кать*, пла́кать, ры́кать, скака́ть, ты́кать,
фы́ркать, хны́кать.

ударение подвижное: 5, ударение неподвижное на корне: 12 17
<N. V. также: мяу́кать, -ат (V) и мяу́чить (IV)>

g > ž

бры́згать, двíгать, струга́ть, тяга́ться.
ударение неподвижное: 2 4

x > š

бреха́ть, колы́хатъ, маха́ть, паха́ть, пы́хатъ.
ударение подвижное: 5 5

sk > š'

иска́ть, плеска́ть, поло́ска́ть, пры́скать, ры́скать.
ударение неподвижное на корне: 2 5

ударение суффиксальное, везде подвижное: 67 гл.

ударение на корне: 26 гл.

| 93 гл.

_____ 93 гл.

[г) лицевая сторона:]

II. Основа на -j: 20 гл.

<Ба́ять>, бле́ять, ве́ять, <га́ять>, <гра́ять>, зате́ять, ка́яться, ла́ять, ле-
ле́ять, ма́ять, наде́яться, ре́ять, се́ять, та́ять, ха́ять, ча́ять, чу́ять,
<ша́ять>

вопи́ять, смея́ться

	↗ на корне:	18
ударение неподвижное:	↘ на суффиксе:	2

III. -ять : -мут 15.

взять : возьму́т, внять : ⟨воньму́т⟩, донять : дойму́т, занять : займу́т, нанять : найму́т, обнять : обни́мут ⟨обойму́т⟩, отнять : отни́мут⟨оты́мут⟩, перенять : перейму́т, поднять : подни́мут ⟨поды́мут⟩, понять : пойму́т, принять : при́мут, пронять : пройму́т, разнять : разни́мут, снять : сни́мут, унять : уйму́т.

ударение подвижное, только когда настоящее-будущее на -н-́мут
или -ы́мут (6 глаголов) 15
(N. V. Ему неймётся)

[прибавлено и подчеркнуто чернилами:] *но приму́, -мешь ?*

IV. 21 гл.

Врать, ждать, жрать, лгать [*г* подчеркнуто красным, над глаголом красным наискосок:] *лжѐшь*, прать (неполная парадигма), рвать, ржать, **скать** [обрамлено красным], *слать (шлют)* [подчеркнуто красным], **ткать** [обрамлено красным].

ударение неподвижное на корне: 10

брать : беру́т, драть : деру́т, звать : зову́т, срать : серу́т, стлать : стѐлют
еба́ть : ебу́т, е́хать : е́дут, ора́ть : ору́т, ⟨ора́ть: о́рют⟩, **соса́ть : сосу́т** [обрамлено красным], стона́ть : сто́нут.

ударение подвижное: 4 11

[красным:] нет чередования [= обрамление красным карандашом – знак отсутствия чередования]

 149

[д) лицевая сторона:]

V. -ать (-ять) : -нут (-мут): 7 гл.

-чать : -чнут св	жать : жнут
рас-пять : рас-пнут св	жать : жмут
за-стря́ть : за-стря́нут св	мять : мнут
стать : ста́нут св	

ударение неподвижное: 6; ударение оппозиционное: 1 7

 156

ударение подвижное:	78
ударение неподвижное:	78

[д) обратная сторона:]

Группа В. — 37 гл.

Основа на *č'*

бренча́ть, бупча́ть, бурча́ть, буча́ть, ворча́ть, журча́ть, звуча́ть, ⟨зыча́ть⟩, крича́ть, молча́ть, ⟨мурча́ть⟩, мча́ть, мыча́ть, рыча́ть, стуча́ть, *торча́ть*, урча́ть, ⟨харча́ть⟩, ⟨хрыча́ть⟩. 19

š'

вереща́ть, пища́ть, треща́ть 3

š

дыша́ть, -ат; слы́шать 2

ž (*ž̄*)

брюзжа́ть, ⟨верезжа́ть⟩, визжа́ть, *держáть, -ат*; дребезжа́ть, *дрожáть*, жужжа́ть, *лежáть*. 8

[вдоль этого списка на полях слева:] 32 глагола с основой на передненебный-шипящий. 5 глаголов без передненебного.

— Глаголы восприятия на слух: 27, другие: 5.

боя́ться, стоя́ть; гна́ть: го́нят; спа́ть [над инфинитивом наискосок карандашом:] сплю; сса́ть. 5

—:—

37

N. B. ⟨мяу́кать, -ат должно писаться мяу́чить (IV) или лучше мяу́кать, мяу́чут (A)⟩

[е) лицевая сторона:]

Группа С: 48 гл.

d > ž

бде́ть, бзде́ть, ви́деть, галде́ть, гляде́ть, гуде́ть, жуде́ть, зуде́ть, оби́деть, перде́ть, сиде́ть, смерде́ть.

ударение неподвижное 12

t > č'

верте́ть, коптéть [подчеркнуто пунктиром], кряхте́ть, лете́ть, пыхте́ть, тарахте́ть, *хоте́ть*.

Ударение неподвижное: 5, ударение подвижное: 1,

ударение смешанное: 1

7

st > š'

блестѣть, свирестѣть, свистѣть, хрустѣть, хрястѣть, шелестѣть, шурстѣть.

Ударение неподвижное: 7

s > š

висѣть, зависѣть.

Ударение неподвижное: 2

š

кишѣть.

Ударение неподвижное: 1

Основа на губной

гремѣть, кипѣть, корпѣть, свербѣть, сипѣть, скорбѣть, скрипѣть, сопѣть, терпѣть, храпѣть, хрипѣть, шипѣть, шумѣть.

Ударение неподвижное: 12 13

[е) обратная сторона:]

Основа на сонорный

болѣть   горѣть   звенѣть

велѣть   зрѣть
                  смотреѣть

6

[карандашом:] 48

м ведет себя как губной.

№ 2: Заметки о приставке о- (об-, обо-)

А.

[ж) — лицевая сторона:]

об- перед сонорными

м: обмануть, обменить, обмишуриться

н: обнажить, обнаружить, обнищать

л: облизать, обласкать, облупить, обложить

р: обрезать, обрамить/ление, образумить

ј: объявить, объяснить, объездить

в: обвалить(ся), обварить, обворожить, обвесить, обвинить

[ж) — обратная сторона:]

N. V.		об(-в-)ладать,
	об(-в-)ратить	
	⁷ о(б)владеть, об(в)идеть	обвязать ~ обязать
	обставить ~ оставить	? (обоплыть) ~ оплыть [над этим глаголом наискосок:]
		{ обплыть ?
	обсудить ~ осудить	
	обсадить ~ осадить	об/о гадить
	обделить ~ оделить	обглодать
	обчистить ~ очистить	
	⁷ огрызнуть / обгрызнуть	
	обо гнать	[вычеркнуто:] об гонять
	обо йти	обо млеть
	обо брать	обо драть
	обо жраться	обо ждать

опамятоваться охаять оказать

т: обтянуть, обтять, обтять,
 д: обделать, обдумать || одарить
 обдуть
 ш: обшарить, обшить,
 ж: обжарить, обжиться, обжечь (обожгу)
 ц: общипать, (ощупать)

Б.

[з) — лицевая сторона:]

Перед сонорными, а также перед *в*, бывшим сонорным, приставка *о* имеет форму *об*: обмозговать, обмереть, обмануть, обнажить, обнаруживать, обнаглеть, облысеть, обложить, облапшить, обрадовать, обрасти, обрушить; объявить, объездить, объегорить; обвалиться, обворовать, обвинить.

[При образовании приставочного глагола] начальный согласный *в*, находясь между приставкой и *л* или *р*, обычно исчезает: обладать (но овладеть), облечь (ср.: совлечь, развлечь), обратить / оборотить, обитать.

Заметь: обозреть, освидетельствовать, озадачить.

№ 3: Об удлинении гласной корня при префиксации

А.

[и] — лицевая сторона:]

[Наблюдается] тенденция к упразднению *o* в слоге корня и замене его на *á*.

Если в совершенном виде в корне гласный *a* или *o*, то в глаголах вторичного несовершенного вида под ударением перед суффиксом *'u/ывать* находится гласный *-á*.

Например,

растáпливать

засáливать < соли́ть

засáливать < са́лить

утра́ивать удво́/áивать. [обведено в рамке]

устрáивать приневóливать

огора́живать

охора́шиваться

облагора́живать

постора́ниваться

? прина́шивать

спра́шивать

оспа́ривать

усва́ивать	[напротив поперек:]	«...человек тут легко <i>обозливается</i> » (Лесков. «Смех и горе», гл. 56).
------------	---------------------	---

раска́лывать

распа́рывать

поба́рывать

облока́чиваться

ода́лживать

ока́шивать

насла́ивать

опа́здывать

[и] — обратная сторона:]

осва́ивать

? озаба́чивать

? упрáщивать

? упрáчивать

* угрóбливать	(< гроб)
отста́ивать	
остана́вливать	
успока́ивать	
зараба́тывать	
укора́чивать	
унава́живать	
поска́льзываться	
подпа́рхивать	
перебра́сывать	
окáнчивать	
нака́пливать	накоплять
прихра́мывать	
запора́шивать	
отма́ливать	
утора́пливать	

Исключения:

- Ш: обрисóвывать, заночёвывать
 Г: засóвывать, заплёвывать

Б.

[к) — лицевая сторона листка:]

Говоря об образовании *вторичного несовершенного вида* на *-ать* от таких глаголов, как *рвать, брать, звать, слать* и т. д. (перечислить), отметить, что является необходимостью *добавить новый слог* [подчеркнуто С. Карцевским красным] (вставляя гласный между группой согласных корня), чтобы дать суффиксу *-ать* значение *видообразовательного суффикса*: ссылатъ, взрывать, отбирать.

Приставка принимает форму без гласного, как если бы речь шла о беглом гласном: *фонетическая аналогия*.

[На полях справа поперек:] Превратить ~ переверотить.

[к) — обратная сторона листка:]

отвратить / отворотить.

В.

[л] — лицевая сторона листка:]

Глаголы вторичного несовершенного вида

1) с появлением гласного в корне

А.	братъ	-бирáть
	заврáться	завирáться
	драть	-дирáть
	ждать	-жидáть
	жрать	-жирáть
	звать	-зывáть
	лгать	-лыгáть
	-прать	-пирáть
	рвать	-рывáть
	рокать	
	скать	
	слать	-сылáть
	(срать	-сирáть)
	стлать	-стилáть
	ткать	
В.	гнать	-гоня́ть
	мчать	
	спать	-сыпа́ть

[поперек, вдоль всего списка:] Префиксация с беглым гласным.

!	(С. зреть	-зирать)
	(F. жечь	-жигáть)

[м] — лицевая сторона листка:]

Глаголы вторичного несовершенного вида2) с добавочным слогом *-в-áть*

А.	стать	-ставáть
Г	бить	-бивáть
	брить	-бривáть
	быть	-бывáть

[н] — лицевая сторона листка:]

Г	жечь	-жигáть
----------	------	---------

	[наискосок:]	стать	ставать и т. д.	
Г	~~бить~~	~~бравать~~	~~быва́ть~~	[обе строки перечеркнуты карандашом]
	~~брить~~	~~бравать~~	~~быва́ть~~	
	* быть		-быва́ть	
	вить		-вива́ть	
	выть		-выва́ть	
	гнить		-гнива́ть	
	(дать		дава́ть)	?
	деть		дева́ть	
	дуть		-дува́ть	
	крыть		-крыва́ть	
	лить		-лива́ть	
	мыть		-мыва́ть	
	ныть			
	* (обуть		-обува́ть)	
	* переть		-пирать	
	петь		-пева́ть	
	пить		-пива́ть	
	* (почить		почива́ть)	
	* (разуть		разува́ть)	
	рыть		-рыва́ть	
	слыть		-слыва́ть	
	(создать		создава́ть)	
	* стыть		стыва́ть	
	тереть		-тира́ть	
	шить		-шива́ть	

<i>N. V.</i>	I	II
	(знать знавать)	одолеть одолевать

Г.

[о] — лицевая сторона:]

[на полях, вверху слева:]

´ЫВ-АТЬ
 -В-А́ТЬ
 -А́ТЬ
 (-Ы-)-А́ТЬ

-
- I** игр-ать > и́гр-ыв-ать
зн-ать > -зн-а-в-ать, -зна́ют
- II** гр-еть > гр-е-в-ать
- III** рис-ов-ать > -рис-о́в-ыв-ать | -ко́в-ыв-ать
- IV** коп-ить > -ка́пл-ив-ать
-копл-я́ть
- V** тряx-нуть > -тря́х-ив-ать
-трях-а́ть
- A-G** др-ать > -дир-а́ть
-сл-ать > -сыл-а́ть
-б-и-ть > -б-и-в-а́ть
-дать > -д-ав-а́ть | -аю́т
-стать > -став-а́ть |

Глагольная деривация

(Совершенный вид)	(Вторичный несовершенный вид)	(Вторичный совершенный вид)
в-писа́ть	впи́с-ывать	
└ вс-писа́ть	вспи́с-ывать	
└ вос-		
вы́-писать	выпи́с-ывать	на-выпи́сывать пере-выпи́сывать по-выпи́сывать
до-писа́ть	допи́с-ывать	
за-писа́ть	запи́с-ывать	на-запи́сывать по-запи́сывать
ис-писа́ть	испи́с-ывать	по-испи́сывать
на-писа́ть	[карандашом:]	(по-напи́сывать)
над-писа́ть	надпи́с-ывать	по-надпи́сывать
нис-		
о-писа́ть	опи́с-ывать	по-опи́сывать
от-писа́ть	отпи́с-ывать	по-отпи́сывать
└ пере-писа́ть	перепи́с-ывать	на-перепи́сывать по-перепи́сывать
по-писа́ть	попи́с-ывать	
под-писа́ть	подпи́с-ывать	по-подпи́сывать
└ пре-		
пред-писа́ть	предпи́с-ывать	по-предпи́сывать на-припи́сывать
при-писа́ть	припи́с-ывать	по-припи́сывать на-пропи́сывать
про-писа́ть	пропи́с-ывать	по-пропи́сывать
рас-писа́ть	распи́с-ывать	на-распи́сывать по-распи́сывать
с-писа́ть	спи́с-ывать	на-спи́сывать по-спи́сывать
у-писа́ть	упи́с-ывать	по-упи́сывать
(1-я ступень деривации)	(2-я ступень деривации)	(3-я ступень деривации)

писа́ть,
пи́шут

II
СТАТЪИ

26/11.37

L'idée du procès dans la langue russe.

Begriffe ohne Anschauungen sind leer, Anschauungen ohne Begriffe sind blind.

Kant.

1.

Les substantifs correspondent aux représentations des choses, les verbes, à celles des procès (A. Meillet). Les deux sont corrélatifs. Pris isolément, l'idée du procès renferme une contradiction, car elle réunit le changement et l'identité en une unité. Dans sa structure, la proposition personnelle esquisse cette difficulté: le substantif sujet est chargé de représenter ce point fixe qui reste identique à lui-même malgré les changements le procès dans lequel il est impliqué tandis que le verbe prédicat traduit l'idée du changement.

L'idée de la "chose" repose sur la notion de l'identité. Les choses composent une expression numérique: une Table, deux Tables, plusieurs Tables sont toujours des Tables. La coexistence de plusieurs choses est une juxtaposition, notion spatiale. Les procès se placent dans le temps, ne composent point d'expression numérique. La coexistence de plusieurs procès est leur simultanéité, à l'opposé de laquelle se trouve la succession, ^{c'est-à-dire} l'événement et le remplacement d'un procès par fonction un autre. La "succession" des choses est impensable.

Nous allons tout d'abord examiner le comportement des procès au milieu des choses, pour étudier ensuite leur comportement dans le temps.

Représentons-nous que tout procès est une tension entre deux pôles auxquels correspondent deux substantifs ~~le sujet et le complément direct~~ dont le premier, le "sujet", marque le point de départ de la tension et le second, son point d'aboutissement, le caractère du rapport entre les deux pôles traduit le degré de ~~substantifs sont de mesure~~ l'intensité du procès. Ainsi on distinguera grosso modo: l'action, le devenir et l'état, ce dernier en tant que limite du procès.

Il est "normal" que tout verbe ait un "sujet": les propositions ^{dites} impersonnelles procèdent des propositions personnelles par l'élimination du sujet, ~~mais~~ ^{qui} procédé fonctionnel strictement réglémenté. Par contre Ja ne suis est une structure autonome ~~ne dépendant~~ ^{qui} ~~aucunement~~

ПОНЯТИЕ ПРОЦЕССА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Идеи без наблюдений пусты,
наблюдения без идей слепы.

Кант

I

Существительные соответствуют представлениям вещей, глаголы — представлениям *процессов* (А. Мейе). Эти представления взаимосвязаны. Взятое в отдельности понятие процесса содержит противоречие, так как оно объединяет в себе идею изменения и идею тождественности. Предложение в своей структуре разрешает эту трудность: на существительное в роли подлежащего возложена роль представлять ту устойчивую точку, которая остается тождественна самой себе, несмотря на процесс, в который она вовлечена, тогда как глагол в роли сказуемого выражает идею изменения.

Понятие «вещь» основывается на понятии тождественности. Вещи имеют числовое выражение: один стол, два стола, несколько столов всегда остаются столами. Сосуществование нескольких вещей — это соположение, т. е. понятие пространственное. Процессы располагаются во времени и не содержат числового выражения. Сосуществование нескольких процессов — это их одновременность, в противоположность которой существует последовательность, иначе говоря, вытеснение и замена одного процесса другим. «Последовательность» вещей немыслима.

---

* Статья была впервые опубликована в «Cahiers Ferdinand de Saussure» [CFS] № XIV, 1956, с. 25–35, по рукописи, в настоящее время хранящейся в архиве ИРЯ РАН (ф. 16, оп. 14, ед. хр. 02, л. 1–7). Страницы рукописи пронумерованы автором, чернилами. На первой странице карандашом проставлена дата: «26.V.37».

Сначала мы изучим поведение процессов среди вещей, чтобы затем изучить их поведение во времени.

Представим себе, что любой процесс — это напряжение между двумя полюсами, которым соответствуют два существительных, из которых первое, «подлежащее», отмечает исходную точку напряжения, а второе — его конечную точку. Характер отношений между двумя полюсами выражает степень интенсивности процесса. Таким образом, в общих чертах, мы различаем: *действие, становление и состояние*, — последнее как предел процесса.

Естественно, что каждый глагол имеет «подлежащее». Предложения, так называемые безличные, происходят из личных предложений путем упразднения подлежащего — приема функционального, строго регламентированного. Напротив, *Я не сплю* — структура автономная, которая никак не зависит от *Мне не спится* и в которой прием «упразднения» подлежащего вовсе не имеет места. Так же естественно, что при глаголе имеется прямое дополнение. Если его нет и глагол непереходный или же употреблен в качестве непереходного, необходимо искать причину этой «аномалии».

Действие

Процесс по отношению к подлежащему — явление внешнее. Изменяется прямое дополнение. Подлежащее мыслится как источник энергии, вызывающей процесс, как его причина. Подлежащее главенствует над дополнением, достигая наибольшей силы тогда, когда его действие приводит к физическому уничтожению объекта: *Охотник убил медведя, Я съел хлеб*. Следы этого примитивного мышления прослеживаются в некоторых приставочных образованиях: *изъездить, заездить, заговорить кого-нибудь* и т. д. Во многих языках идея силы переродилась в идею обладания, способную к большому обобщению (ср. «on les aura!», «П'а еше»). По той же причине глагол *avoir* (иметь) приобрел совершенно обобщенный смысл. Он может просто обозначать «активное» отношение и вследствие этого может быть отнесен к «детерминативам» (или «местоименным» глаголам). В русском языке этого обобщения не произошло. Зато понятие результата играет в нем первостепенную роль. Переходность глаголов совершенного вида здесь особенно акцентируется, потому что только они допускают пассивную конструкцию.

Пассивные структуры являются структурами гибридными и двойственными. В них сходятся действие и состояние: они представляют достигнутый и продолжающий существовать результат: *книга была разодрана*.

Некоторые глаголы допускают при себе почти безграничное разнообразие [дополнений]*, другие ограничиваются несколькими, иногда даже одним-единственным: *высморкать нос*. Наконец, существуют устойчивые активные выражения, входящие в словарный состав.

Теоретически любой переходный глагол может быть употреблен как непереходный. Объект неизвестен: *Он читает* (что-то, я не знаю что, но это не имеет значения). *Ребенок читает* имплицитно значит, что ребенок умеет читать, что он может читать что угодно, — речь идет об обобщенном объекте. Над языком совершается некоторое насилие, и это учитывается интонацией. В случае *он читает* характер интонации менее законченный, чем, например, в случае *Он читает газету*. В случае *Ребенок читает* интонационная законченность фразы выражена больше, чем обычно. Оба непереходных употребления могут различаться как *относительное* и *абсолютное*. Глаголы совершенного вида не позволяют абсолютного непереходного употребления.

Грамматическим приемом перевередения глаголов в категорию непереходных является *возвратная форма*. Линия напряжения мыслится не как прямая, а как окружность. Исходной точкой процесса в таком понимании является, конечно, действие, направленное подлежащим на самого себя. В фразе *Я моюсь* именно «я сам» являюсь предметом моей деятельности. В фразе *Друзья обнялись* процесс мыслится как маршрут между двумя полюсами, одно подлежащее является объектом действия партнера, и наоборот. Однако здесь речь идет об обобщенном, грамматикализованном приеме, лучшим определением которого, на наш взгляд, было бы следующее: процесс, замкнутый в сфере одного или нескольких подлежащих. Напротив, *Он сам себя жалеет* и *Мать и дочь обняли друг друга* выражают совпадение дополнения с подлежащим, но это происходит в рамках переходности. К тому же любой глагол может иметь возвратную форму: *Парус белеется* рядом с *Парус белеет*.

Две разновидности глаголов по существу своему непереходны, и причину этого надо искать в их структуре. Прежде всего это глаголы, обозначающие шумы: *каркать* I, *каркнуть* V, *визжать* B, *шипеть* C** и т. д.

* Слово курсивом и в [ ] добавлено в первом издании редактором CFS.

** Римские цифры и буквы рядом с некоторыми цитируемыми глаголами

Они значат «производить такой-то шум», и чаще всего обозначение этого шума может быть представлено в форме междометия: *Каркать* сводится к *делать* «*карр*». Иначе говоря, это глаголы с внутренним объектом. Однако они допускают иногда присутствие эксплицитного объекта, если внутренний объект может быть переделан в обстоятельственный: *Хлопнуть себя по лбу* и т. д.¹

Наконец, несколько глаголов типа *белеть* II непереходные, потому что они обозначают качество, исходящее от подлежащего (ср., напротив, *белить* IV): *Парус белет*. Здесь имеет место транспозиция, состоящая, *Парус бел*, в рамках одного действия, тогда как глагол *белить* выражает аналогичную транспозицию становления.

Перемещение или положение в пространстве

Особенностью глаголов, о которых пойдет речь, является то, что они так или иначе воспроизводят идею пространства. Это либо движение в пространстве, значит перемещение, например *идти*^{*}, *носить*, либо положение в пространстве, например *лежать*, *стоять*.

а) *Перемещение*. — Субъект изменяет свое положение в пространстве. Соответствующие глаголы являются, как правило, непереходными: *идти*, *ходить*. Субъект, перемещаясь сам, может перемещать и объект действия. Глаголы этого типа будут переходными: *нести*, *носить*. Перемещение может быть задумано как однонаправленное, как последовательность точек в пространстве: *идти*, *ехать*, *нести*. Или же направление движения не будет принято во внимание. В этом последнем случае глагол будет обозначать многократное движение, совершаемое в разных направлениях, или просто обозначит способность передвигаться данным образом: *Ребенок ходит в школу*, *Ребенок уже ходит*, где мы имеем дело с *относительной* неопределенностью и с неопределенностью *абсолютной*.

б) *Положение*. — Границей передвижения является положение субъекта в пространстве: *лежать*, *стоять*, *сидеть* и соответствующие ингрес-

---

соответствуют классификации, приведенной в главе II «*Système du verbe russe*» (прим. ред. CFS, № XIV, с. 17).

¹ Мы оставляем в стороне синтагмы *думу думать*, *шутки шутить*, даже *гром гремит*. Они должны быть рассмотрены в рамках особого вопроса о синтагмах с тождественными семантическими членами.

* Карцевский везде приводит этот глагол в орфографии «итти».

сивные глаголы: *лечь / ложиться, встать / становиться, сесть / садиться*. Не следует ли к этим глаголам отнести и такие как: *(у)пасть / падать, (у)ронить / ронять, валить и валять, гнуть / -гибать, клонить / -клонять, вертеть*, а также *лгнуть, тянуть, пнуть / пинать, тонуть и топить, ткнуть / тыкать* и т. д., поскольку они обозначают изменения положения в пространстве? Глаголы *висеть, виснуть, весить, вешать* и их производные вызывают меньше сомнений по поводу их отнесения к этому разряду.

Следует также отметить глаголы *слышать* и *видеть*. Рядом с активным оборотом — *Я слышу музыку, Я вижу деревню* — эти глаголы допускают особого вида пассивную конструкцию: *Мне слышна музыка, Мне видно деревня*. Прежний субъект ставится не в творительном падеже, а в дательном (ср. *Медведь убит охотником*). Речь идет о действии на расстоянии. Процесс, так сказать, двусторонний: если субъект воспринимает объект, это потому, что объект поддается восприятию. Безличные обороты *Мне слышно музыку, Мне видно деревню* являются иллюстрацией этого.

Становление

Здесь два полюса процесса представляют два количественно разных состояния одного качества. Напряжение состоит в его нарастании. В исходной точке может содержаться ноль данного качества: *Я глухну* значит, что из не глухого я становлюсь глухим. Соответствующие этому значению глаголы относятся к непродуктивному типу (группа D), и они немногочисленны. Чаще в исходной точке наличие качества мыслится в наименьшей степени: *Я старею* значит, что из менее старого я становлюсь более старым. Эти глаголы относятся к продуктивному классу II. К ним можно прибавить некоторые глаголы класса I, в частности *дорожать, крепчать*.

Естественно, становление — это процесс непереходный. Он происходит внутри субъекта. В русском языке становление не представляет собой отчетливой категории. Глаголы класса II могут чаще всего указывать на простое распространение качества, не отмечая, что его интенсивность возрастает. Так, *Парус белеет* значит, что качество остается тождественным себе на протяжении всего процесса, что позволяет свести этот процесс к его пределу: *Парус бел* или представить его замкнутым на самом себе: *Парус белеется. Холст белеет на солнце* может озна-

чать «la toile blanchit au soleil», т. е. становится белее, но может также просто означать «la toile blanche».

В русском языке нет местоименного глагола «иметь», соответствующего действию, нет его и для обозначения становления (*werden*). Глагол *стать/становиться* занимает промежуточное положение между обычным глаголом и вспомогательным. Ср. *он стал работать, стану работать, стал учителем; стал добрее, стал седым; У мужика не стало хлеба; Река стала; Лошади стали.*

Состояние

Между двумя полюсами напряжения установлено равновесие. Процесс достигает своего предела. То, как он достигает этого предела, варьирует в зависимости от природы процесса.

Переходное действие, сведенное к его пределу, приводит к результативному состоянию: *Убили медведя > Медведь убит*. Распространение качества: *Парус белеет (белеется) > Парус бел*. Идея существования: *Здесь водятся (существуют, имеются и т. д.) волки > Здесь есть волки*. Мы склонны считать *Я дома* как предел *Я иду домой*. В становлении: *Он слабеет > Он всё более слаб; Он стал (становится) врачом > Он – врач или Он здесь врачом*. Наконец, некоторое выражение предела самого состояния приводит к идее совершенного тождества: *Война есть война*, где временная разнородность оказывается преодоленной.

В процессе идея «вещи» берет верх над идеей процесса, и этот последний сводится к нулю. Отсюда вытекает возможность так называемых «номинативных» предложений.

Из приведенных примеров видно, что глагол *быть* имеет различные функции: в примере *Медведь был убит* — это вспомогательный глагол; в примере *Я был на выставке* — он полнозначный.

Упразднение подлежащего

Собственно говоря, понятие «субъекта» является результатом соединения в одном элементе грамматической структуры, «темы», точки отправления процесса и *Т* абсолютного; такое совпадение не всегда реализуемо. В фразе *Мной отдано распоряжение* имеет место «действие», но он не является *Т* абсолютным структуры, будучи, однако, ее темой. К тому же слово *распоряжение*, которое представляет *Т* абсо-

лотное этой структуры, производит впечатление «переодетого» прямого дополнения. Похожего рода сдвиги лежат в основе так называемых «безличных» структур.

Одушевленный субъект упраздняется, когда он перестает быть хозяином процесса. Неодушевленному подлежащему уготована та же участь, если процесс по своему характеру способен приписать ему спонтанное действие, свойственное только одушевленным субъектам. В обоих случаях сущность одна и та же, а именно та, что процесс является следствием спонтанной деятельности, следствием анимистического представления. Если отрицается реальное существование вещи, само понятие ее не может выступать в качестве *T* абсолютного. В результате возникают отрицательные бытийные безличные предложения.

1. *Мне (не) спится* (< *Я (не) сплю*) значит в общем, что я сплю или не сплю независимо от моего желания.

Понятно, что эти обороты чаще всего отрицательны. Здесь имеет место конфликт между волей субъекта* и его деятельностью. Язык использует этот конфликт, чтобы создать новое семиологическое значение, значение более или менее навязанной деятельности, отодвигая субъект на роль «заинтересованного» лица. Это лицо может быть не указано; тогда в зависимости от ситуации процесс будет отнесен либо к говорящему лицу, либо к обобщенному лицу: *Не спится (мне или никому, всем)*. То же происходит при наречном предикате: *(Мне) стало холодно, Тебе не жарко?, (Мне) грустно* и т. д. Идея необходимости выражается посредством некоторых застывших выражений: *(Мне) нужно (эту книгу), нельзя, должно, можно, следует, полагается*** и т. д. Сюда же относятся *(Мне) слышно песню, видно деревню, жаль или жалко книгу (книги)*. Здесь везде речь идет о чем-то вменяемом в обязанность.

2. *Деревом задавило человека* (< *Дерево задавило человека*). Для русского склада ума существует расхождение между силой процесса, который привел к смерти, и ее видимой причиной, которой является дерево. За ним признают лишь роль предмета-посредника. Этот предмет, в свою очередь, может быть упразднен: *Человека задавило* или *убило*.

---

* Слово «субъект» отсутствует в издании 1956 г. Мы восстанавливаем его по рукописи.

** Слово «полагается» восстановлено по рукописи (отсутствует в издании 1956 г.).

Надо признать, что в обоих типах безличных предложений говорящее лицо не стремится к «безличности» как таковой. Это просто результат расхождения между природой деятеля и природой процесса в данном случае. Процесс берет верх. Одушевленному подлежащему отводится роль заинтересованного лица, неодушевленное подлежащее «переодето» в предмет-посредник. И даже тогда, когда ни лицо ни орудие не названы, оба типа безличных предложений противопоставляются друг другу как «одушевленный» и «неодушевленный». Таким образом, процесс обезличивания является средством преодолеть конфликт, приписывая ему новое семиологическое значение.

3. Существует третий вид безличных предложений, где не учитывается разница между одушевленным типом и неодушевленным. Здесь возможное подлежащее понижается до роли обстоятельства. Именно поэтому данный вид представляет большое разнообразие.

Меня влечет к этим берегам, к нему, на родину, домой, погулять и т. д. Точкой отправления, как нам кажется, является *что-то* («не знаю что») *влечет меня...*, а не *эти берега* и т. д. Этот неопределенный субъект, мало приспособленный для того, чтобы выполнять роль деятеля, легко теряет свою значимость и мыслится тогда как нечто вроде «обстоятельства»: *Меня что-то* («не знаю почему») *влечет...*; ср. *Мне что-то нездоровится* *. Упразднение прямого ** дополнения ведет к безличным предложениям *Тошнит, Знобит* и т. д.

Пахнет сеном, лошадьми, Тянет дымком, От него отдает вином (< *Он отдает вином*). Пахнет не сено и не лошади, а *что-то*, что пахнет как сено или как лошади. Это *что-то* вбирает в себя всю ситуацию. *По небу несет облака, По реке несет лед*. Ни небо, ни река не признаются за деятеля процесса. Наконец, мы доходим до *дует, светает, морозит* и т. д., которые чаще всего невозможно ассоциировать с понятием вещи, какова бы ни была роль, приписанная этой последней. Но здесь речь идет о явлениях словаря.

4. Отрицание приводит к обезличиванию бытийных предикатов: *Есть Бог > Нет Бога*. Точно так же *Здесь водятся (встречаются, живут* и т. д.) *волки > Здесь не водятся (не встречается, не живет) волков*. Те же

---

* Здесь в рукописи имеется сноска: «см. у Тургенева (*что-то* вставлено нами, но речь идет об одушевленном».

** Слово «прямого» отсутствует в издании 1956 г. Востановлено нами по рукописи.

глаголы могут быть восприняты как обыкновенные глаголы, не бытийные, тогда отрицание не имеет никакого эффекта: *Здесь не водятся* и т. д. *волки*. Однако если отрицание усилено, обезличивание оказывается обязательным: *Здесь никаких волков не водится*.

Особую группу составляют обороты типа *Мне некуда пойти* < *Мне есть куда пойти*. Их можно интерпретировать как: *У меня нет, куда (я мог бы) пойти*, эта интерпретация вскрывает идею необходимости, которая содержится в этих оборотах, что ставит их в один ряд с оборотами *Мне можно, нельзя* и т. д.

5. Существует еще одна разновидность безличного употребления глаголов. Вот несколько образцов: *Случилось (, что) он заболел; Оказалось (, что) ...; Говорилось (, что)...* и т. д. Но в этом случае мы выходим за рамки предложения.

Если задается вопрос *Что случилось?*, что естественно мыслится как подлежащее при *случилось*. Но для ответов могут использоваться различные структуры, и это не обязательно будет структура предложения. *У нас пожар случился* является классическим предложением. *У нас случился пожар* уже менее обычно, потому что изменен порядок слов и грамматическое подлежащее занимает место психологического предиката. *Оказалось — пожар* подтверждает инверсию членов, упраздняя грамматическое согласование. Оба члена становятся грамматически независимыми. Перед нами всего лишь психологические субъект и предикат. Больше нет предложения в собственном смысле слова, а есть только фраза. «Безличный» характер глагола является здесь результатом разрыва грамматической зависимости между двумя частями фразы. Глагол может также принимать другие формы: *Посмотреть — грех один, Свяжись с ним — конец*. Однако было бы невозможно говорить здесь о безличных предложениях.

Случилось ему заболеть сродни *Мне захотелось работать* и является безличным предложением, построенным по всем правилам. Между тем для оборотов *Случилось — он заболел* и *Оказалось — пожар* грамматика предназначает название паратаксических структур. Тем самым она создает впечатление, что играет какую-то роль. Но реально грамматика начинает завладеть фразой, только когда отношения между психологическими субъектом и предикатом становятся синтаксическими, иначе говоря, эксплицитно выраженными посредством союзов и относительных местоименных слов. Так, например, *Случилось — он заболел* > *Случилось, что он заболел; Оказалось — пожар* > *Оказалось, что (это) пожар; Он*

сказал: «завтра уезжаю» > Он сказал, что завтра уезжает; Конь бежит — земля дрожит > Если (когда, так как) конь бежит, то (тогда, то поэтому и) земля дрожит; Волков бояться — в лес не ходить > Если (раз) волков бояться, то (значит) в лес не ходить; Увидели избушку — плетнем огорожена > Увидели избушку, которая была огорожена плетнем и т. д.

Фраза существует «до» предложения, т. е. независимо от него. Предложение же, напротив, существует только через фразу. Оно может совпадать с фразой или же представлять лишь ее часть.

II

В высказывании встречаются напряжение вопроса и расслабление ответа, и то и другое значительно ослабленные. Какова бы ни была семантическая материя фразы, ее бинарная фонологическая структура навязывает ей первую организацию. То, что будет находиться в части напряженной интонации, позволит так или иначе думать о вопросе, о какой-то поставленной проблеме. Следующая часть, связанная с интонацией расслабления, будет похожа в большей или меньшей степени на ответ, на разрешение. Порядок, в каком следуют друг за другом обе половины, на которые членится интонационная кривая высказывания, не может быть изменен: ответ не может предшествовать вопросу. Эта последовательность имеет огромное значение для языка. Из двух представлений (или групп представлений), объединенных в одну фразу, второе будет мыслиться как приведенное первым, а это последнее как требующее присутствия второго, так что оба составляют одно самодовлеющее целое.

Первая часть, или тема, может быть представлена вопросом, едва замаскированным: *Пойду ли я гулять, я еще не знаю; Кто пришел, я не видел; Лебедь — это птица.* Но вопросительное напряжение слабеет: *Заходил брат — проститься; Он сказал, чтобы я зашел к нему; Мы пошли в сад, где вчера гуляли; Стоит избушка — плетнем огорожена* и т. д. В чем причина ослабления напряжения тона темы? Она не связана с семантикой фразы, как можно было бы подумать сначала. Семантика выступает здесь лишь как второстепенный показатель.

Соединение двух представлений основывается или на их последовательности или на их соположении, на их сосуществовании. В первом случае мы считаем, что *V* является функцией *A*. Наше внимание

устремлено главным образом на *B*, потому что *A* является условием появления *B* и как таковое нас не интересует.

Фразовое ударение подчеркивает именно вторую часть: *Конь бежит — земля дрожит*. Отношениям между *A* и *B* можно было бы дать бесконечное число интерпретаций. Однако *B* неизбежно мыслится как продолжение и завершение *A*, как его следствие и заключение. Сравним: *Если (когда) конь бежит, то (тогда) земля дрожит*, отношения между *A* и *B* толкуются здесь как условные или временные; *Конь бежит, поэтому (и) земля дрожит*, здесь отношения причинные, и, наконец, *Земля дрожит, значит (следовательно) конь бежит*, вывод от следствия к причине. Однако часть *B* мыслится везде как вытекающая из части *A*. Последний пример ясно показывает, что в случае основанного на последовательности представлений соединения, отношения между частями *A* и *B* более или менее двусторонние ($A \rightleftharpoons B$): если *B* вытекает из *A*, значит *A* не может не привести к *B*. Концентрируя внимание на себе, *B*, в какой-то степени, замещает *A*. Действительно, мыслимое абстрактно, понятие последовательности содержит в себе замещение члена *A* членом *B*, но можно говорить и о трансформации *A* в *B*.

Другой вид соединения, соположение, предполагает сосуществование *A* и *B*. *B* является «спутником» *A*. *B* его характеризует, выделяет, но основное внимание концентрируется на представлении *A*, и именно первая часть высказывания несет фразовое ударение: *Стоит и збу́шка — плетнем огорожена; Брат за шéл (чтобы) проститься; Ок а за́лось — он болен*. Отношения между двумя представлениями односторонние, и именно *B* присоединяется к *A* ($A \leftarrow B$).

Что касается высказываний, где связь явно двусторонняя, то в них интонация темы наиболее приближается к вопросительной, и так как, кроме того, психологический предикат^{*} несет фразовое ударение, обе части очень напоминают сочетание вопроса и ответа. В высказываниях с односторонней связью противопоставление двух частей фразы выражено меньше. То, как произносится психологический предикат, напоминает интонацию вставки.

Мы постарались охарактеризовать оба типа высказываний в их наиболее типичном выражении. В области «синтаксиса», т. е. в области объяснения двусторонних и односторонних отношений, мы приходим

---

^{*} Мы переводим термин *propos* термином «психологический предикат», следуя за Карцевским, который в статье «Phrase et proposition» (1937) употребляет *propos* и *prédicat psychologique* как синонимы (Р., 2000, с. 129).

к понятиям *соотношение* и *отношение*. Кроме того, существует *сочинение*, основанное на соединении особого типа, о котором речь пойдет дальше. Различные синтаксические структуры часто влияют друг на друга и вместе с тем смешиваются с паратаксическими структурами. Вот почему попытки распознать движение «примитивной» мысли на основе анализа системы современного русского языка рискуют завести нас в область умозрительных построений.

ЗАМЕТКИ О ПСИХОЛОГИИ ВИДОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Идеи без наблюдений пусты,
наблюдения без идей слепы.

Кант

В этой статье мы хотим дополнить то, что было сказано о видах в нашей книге «Система русского глагола». Мы постараемся уточнить природу префикса, а также объяснить, каким образом понятие длительности может быть удалено из понятия процесса.

I

Совершенный вид образуется либо посредством приставок: *идти* > *войти*, либо посредством суффикса -ну-: *толкать* > *толкнуть*.

В языковой системе приставка находится в конце целой цепи последовательных «ограничений». Приставка соответствует пределу предлога, который является пределом наречия, которое, в свою очередь, является пределом полнозначного слова.

Полнозначные слова неизбежно разлагаются на две части, из которых одна семантическая, а другая формальная. У наречий эта последняя по природе своей отрицательная и с точки зрения морфологии может считаться нулевой¹. Наречие – это T' (определяющее) другого T' . Если ему случается, в свою очередь, иметь определение, то его T' тоже будет наречием. Таким образом, наречие замыкает синтагматическую цепь.

---

* Статья вышла в сборнике *Mélanges Charles Bally* (Женева, 1939 г., с. 231–248), переиздана в Р., 2000, с. 47–64.

¹ См. нашу статью «Sur la nature de l'adverbe» (*Travaux du cercle linguistique de Prague*, VI, Prague, 1936) [Р., 2000, с. 247–253.].

Предлог неизбежно является и T (определяемое), и одновременно T' . Русский предлог не имеет автономного употребления. Он должен сопровождаться существительным, которое выступает в качестве его управляемого T' . Напротив, T предлога может быть эксплицитно не выражено. Значение предлога более конкретно, чем формальные значения полнозначных слов, но оно более обобщенное, чем их семантическое значение. Выражая позицию одного предмета по отношению к другому, предлоги являются категорией немногочисленной: в русском языке их насчитывается около сорока. Можно рассматривать в качестве формального значения *переходность* предлога, т. е. то, что предлог обязательно должен сопровождаться управляемым существительным. Но переходность предлога совершенно неотделима от его пространственного значения, которое и является его семантическим значением. Таким образом, предлог не имеет морфологической структуры². Переходность предлога настолько сильна, что он может быть отделен от своего управляемого. Так, у Л. Толстого: «...вышел из саней *на* повизгивающее под его кожей обшитыми валенками, утоптанное снегом, высокое *крыльцо*...» или «...из в улыбку сложенного *рта* полились звуки...». Здесь мы не будем останавливаться на звуковой стороне предлога.

Между наречием и предлогом простирается промежуточная зона, зона наречий-предлогов. Эти последние, точно так же, как обычные предлоги, нуждаются в T' -существительном, всегда в родительном падеже, но то, что это T' может быть эксплицитно не выражено, придает им вид наречий. Например: *дом с балконом вокруг* (т. е. *вокруг него*), *Встретив болото, мы пошли кругом* (*кругом него*), *Я ждал трамвая, но он прошел мимо* (*мимо меня*). Иногда некоторые из предлогов как бы соскальзывают в эту категорию слов. Например, *Вам чаю с лимоном или без* (*без лимона*)? или же у Л. Толстого: *...он (медведь) налетел на меня, сбил с ног и перескочил через* (*через меня*, в винительном падеже).

Приставка не пользуется этой видимостью автономии, которая позволяет предлогу находиться на расстоянии от управляемого слова. Префикс составляет единое целое с присоединяемой семьей. К тому же только глагольная сема позволяет префиксу проявить свою пере-

---

² Морфологическую структуру можно признать лишь за некоторыми сложными предлогами. Их пять: *из-за* и *из-под*, где управление осуществляется первым элементом, и *по-за*, *по-над* и *по-под*, все три скорее разговорные, где управление исходит от второго элемента.

ходность. В предложении *Мы живем в пригороде* приставка *при-* вовсе не управляет падежом слова *город*. Здесь используется лишь семантическая сторона префикса. В словах *сверху*, *вокруг*, *накануне* форма существительного с исторической точки зрения является застывшим управлением предлогов *с*, *в* и *на*, но образованные таким образом составные единства управляют исключительно родительным падежом. В словах, обозначающих качество, префикс принимает значение частицы, обозначающей интенсивность этого качества: *предобрый*, *расчудесный*, *распрекрасный*, *наибольший*, *подобрее*. Ср. также: *А по мне будь ты хоть расцарь!*

Здесь снова следует вернуться к предлогу. Предлог берет на себя указание положения одного предмета по отношению к другому. Это указание предполагает акт предикации, т. е. глагол.

Дама с собачкой обозначает *дама, которая имеет собачку; Домик на Волге — домик, который (есть) на Волге* и т. д. Таким образом, актуализованный предлог конденсирует в себе предложение³. Если бы в существительном с префиксом (например, *предплечье*) предстоящий элемент управлял существительным, перед нами был бы предлог, т. е. предикация, а не лексикализованная синтагма. В словах *сверху* или *накануне* управление предлога некоторое время сохраняется, но в конце концов стирается в пользу ансамбля.

Присоединяя глагол, префикс тем самым включается в возможный предикат. Первым результатом этого является то, что он проявляет свою переходность точно так, как ее проявляет предлог. Заметим, что из 18 продуктивных приставок 14 совпадают с предлогами, а остальные имеют эквиваленты среди предлогов. Переходность глагольной приставки — явление, имеющее наиважнейшее значение, и в «Системе русского глагола» мы специально останавливались на усилении переходности глаголов вследствие префиксации.

Механизм этого явления следующий. Глагольная сема, присоединяясь к приставке, превращается в его *T'* образа действия, а приставка осуществляет свою переходность на существительном и становится его управляемым *T'*. Так, от непереходных глаголов *сидеть* и *лежать* образуются переходные *просидеть (стул)*, *отсидеть (ногу)*, *належать (головную боль)* и т. д. Формулу *просидеть* можно расшифровать как «промять насквозь (здесь — продырявить стул) долгим сидением», а не «сидеть так, чтобы продырявился стул». Иначе говоря, носитель переходности *про-*

³ Предлог *с* «avec» часто замещает союз *и* «et».

и суффикс *-еть* вместе составляют полную глагольную рамку, в которую элемент *сид-* вносит сему. Наречная роль семы заключается в выражении средства, при помощи которого *про-* достигает своего объекта. В речевом акте может случиться, что глагольная сема от нас ускользает, тогда как префикс присутствует. Можно сказать, например, *Он уже про... того... печку*, чтобы передать *Он уже прочистил печку*.

Для глагола «естественно» быть переходным, т. е. тянуть за собой понятие какого-то управляемого *T'*. Процесс неизбежно развивается в какой-то среде, заполненной предметами. Непереходный же характер некоторых глаголов, как и употребление переходных глаголов в качестве непереходных, необходимо объяснить. Приставка является всего лишь продолжением предлога, поэтому естественно, что префиксация увеличивает переходность глагола. Самым простым случаем является трансформация непереходного глагола в прямой переходный: *жить* > *пережить близких*, *идти* > *найти дорогу*, *смеяться* > *высмеять* и т. д.⁴

Более интересное явление — это *опосредованное управление*: *наскочить на скалу*, *нашла коса на камень*, *отойти от огня*, *подойти под мерку* и т. д. Характерным элементом здесь является предлог. Проявляя свое собственное управление, он тем не менее подчинен приставке. Это явление диаметрально противоположно прямому управлению. Глагол проявляет здесь свою приставку в форме предлога. Существительное, таким образом, будет управляться этим предлогом, однако выбор предлога будет зависеть от приставки. Если нет предлога, тождественного приставке, то его место займет наиболее близкий по значению: *перейти через мост*, *взойти на гору*, *выйти из дому*, *прийти к брату* и т. д. В обоих случаях можно говорить о «соглашении» между предлогом и приставкой.

Часто приходится определять положение одновременно по отношению к нескольким точкам. Если в предложении *Я отошел к дереву* или *Я вышел на крыльцо, в сени* и т. д. первый предмет (управляемое) не выражен, он тем не менее существует в сознании: *Я отошел (от того места, где находился, и направился) к дереву*, *Я вышел (оттуда, где находился, и пошел) на крыльцо, в сени*. Здесь больше нет речи об опосредованной переходности: *к дереву*, *на крыльцо*, *в сени* являются не управляемыми, а просто примыкающими к глаголу. Приставка здесь ни при чем.

---

⁴ Большинство приставок могут сделать глагол прямо переходным.

Еще один шаг в том же направлении, и перед нами будет наречие (*T'* примыкающее в полном смысле слова): *отошел подальше, вышел наружу* и т. д.

II

Приставочный глагол является переходным в широком смысле этого слова, т. е. процесс, который он обозначает, расположится в обстановке, созданной предметами. Иначе говоря, он будет *опространственен* [*spatialise*]. Это пространственное расположение прекрасно видно в *Он выехал*, оно менее заметно в предложении *Извозчик выездил за день пять рублей*. Тем не менее *вы-* продолжает обозначать направление, идущее изнутри наружу, и *выездил* означает что-то вроде «он извлек (здесь — заработал) пять рублей благодаря тому, что много ездил». Можно задать вопрос, откуда эти пять рублей были извлечены? Ответ не вызывает никакого сомнения: эти пять рублей заработаны тем, что извозчик *ездил* в течение целого дня.

Но приставочный глагол интересуется нас здесь больше своим значением совершенного вида.

Сделать процесс перфективным значит упразднить длительность. Не следует, однако, смешивать длительность и распространение процесса во времени. Длительность процесса — это его развитие, его внутренняя разнородность или его возобновление, его повторение, короче, это разнообразие или множественность процессов. Чтобы представить себе длительность, нужно оказаться «внутри» процесса, это позволяет присутствовать лишь при его развертывании, не видя ни начала, ни конца. Длительность представляется только как безграничная. Когда будут определены границы процесса, он больше не будет длиться.

Но границы определяются не временем. Самый короткий процесс может мыслиться как разложенный на безграничное число элементов. В предложении *Ученик целый час переписывал сочинение* процесс мыслится как развитие, хотя он и заключен в определенные границы времени. Напротив, в предложении *Ученик переписал сочинение* процесс мыслится вне всякой идеи развития, хотя он вовсе не ограничен во времени. Упразднение длительности — это упразднение множественности процесса: качественной множественности, т. е. внутреннего разнообразия, или количественной множественности, т. е. внешнего множества. Этот результат достигается различными путями.

Понятие длительности может быть проиллюстрировано следующим образом. Фраза *Он рубит дрова* имеет двойное значение. Если речь идет о постоянном занятии, имеющем место обыкновенно, например, об обозначении профессии, то глагол *рубить* будет обозначать действие, рассматриваемое глобально и повторяющееся бесконечно. Здесь длительность процесса вытекает из его множественности. Но эта множественность, количественно не ограниченная, не приводит нас к рассредоточению, так как язык возвращает ее к качественному единству (понятию вида [espèce]): *Он — дровосек; Он пьет > Он — пьяница* и т. д. — Наша фраза может также означать «Он занят [сейчас] тем, что рубит дрова», действие изолированное, случайное (частный случай [cas-individu]). Тогда *рубить* обозначает совокупность действий, непосредственно присущих этой деятельности, анализ которой может продолжаться бесконечно. Здесь длительность не что иное, как разнообразие элементов процесса. Такой анализ непосредственно не касается языка, который в слове *рубить* уже произвел интеграцию этого разнообразия.

Когда разница между двумя видами длительности опирается на морфологические показатели, упразднение одного вида и упразднение другого представляют собой операции, в достаточной мере различные.

Длительность является свойством процесса, точно так же как его свойством является переходность. Переходный глагол в непереходном употреблении является, можно сказать, «насилием» над языком. Точно так же перфективация процесса представляет собой вмешательство в естественный ход вещей.

Основа русского глагольного здания, как и полагается, состоит из глаголов несовершенного вида. Глаголы совершенного вида являются отглагольными образованиями. Перфективация — это конкретная операция. Картина процесса такого глагола, как *рвать*, меняется в зависимости от объекта, который этот процесс вызывает в памяти, и это приводит к тому, что у глагола будет несколько форм совершенного вида: *рвать цветы > сорвать, рвать зубы > вырвать, рвать бумагу > разорвать, рвать с друзьями > порвать, его рвет > его вырвало* и т. д. Теоретически каждое новое употребление глагола *рвать* должно было бы привести к образованию нового глагола совершенного вида. Однако такой раздробленности препятствует ограниченное число приставок. Тем не менее любая приставка — как и всякий лингвистический знак — позволяет транспозицию своего значения, ср. *побежать, побегать, попытаться, поцеловать* и т. д.

Если бы перфективация затрагивала сам принцип длительности, а не длительность данного процесса, она была бы грамматической операцией. Тогда для каждого несовершенного вида был бы только один совершенный. На деле же один глагол, такой как *писать*, производит до 17 приставочных глаголов совершенного вида. Но так как результатом каждого случая префиксации оказывается перфективация процесса, то префиксация в конце концов считается грамматическим приемом перфективации. Поэтому стараются непосредственно прибавить к данному глаголу несовершенного вида какую-нибудь приставку с достаточно общим значением, чтобы не вызывать слишком конкретного образа, и образованный таким образом глагол считают просто-напросто выражением совершенного вида: *писать* > *написать*, *целовать* > *поцеловать* и т. д. Но это лишь отдельные случаи без последствий.

С психологической точки зрения операция перфективации может быть сведена к трем типичным позициям: это 1) **линейное сокращение** (*бежать* > *набежать на дерево*), 2) **подытоживание** (*бегать* > *набегаться*) и 3) **сокращение до единичности жеста** (*толкать* > *толкнуть*).

Линейное сокращение. Эту позицию легче всего изучить на примере глаголов «определенного движения», т. е. однонаправленных глаголов. Процесс, обозначенный глаголом *идти* или *бежать*, может быть представлен как линия, продолжающаяся бесконечно. Однако если мы сравним *Я шел в сад* и *Я вошел в сад*, мы заметим, что во втором случае нашу «линию» сокращает последняя граница. *Войти в сад* может быть представлено следующим образом:

Здесь все характеристики процесса сводятся к переходу извне вовнутрь. Две «точки» — одна, находящаяся снаружи, другая внутри — достаточны, чтобы определить направление линии процесса. Вовсе не нужно продлевать линию ни снаружи, ни внутри. Длина линии не играет здесь никакой роли, точно так же, как длина сторон угла не оказывает никакого влияния на размер этого угла. В глаголе *пойти* представлен начальный участок линии; в сочетании *отошел от дерева* представлена минимальная часть расстояния, которую субъект отмерил между собой и деревом; в сочетании *зайти за дерево* представлена та часть, где линия отклоняется от своего направления, и т. д. Основным во всех этих случаях является то, что пренебрегают внутренним разнообразием процесса в пользу какой-то одной характеристики.

Исходя из наиболее конкретных случаев пространственности и благодаря игре ассоциации, этот вид перфективации распространяется на большое число процессов. *Зайти за дерево* значит отклониться от своего направления для того, чтобы стать за дерево, но вместе с тем это значит скрыться из глаз. Отсюда *забросить мяч, забросить работу, закопать в землю, затопило луга, затушить свечу, заглушить крик, заснуть, забить гвоздь, забить себе в голову* и т. д. Каждый из приставочных глаголов может стать исходной точкой новых ассоциаций и, таким образом, приставка *за-*приобретает новые обозначения, которые даже могут вступить в конфликты друг с другом.

Подытоживание. На этот раз мы обратимся к глаголам «неопределенного движения», т. е. разнонаправленного. Здесь образ процесса представлен не линией, а чем-то вроде схемы движений молекулы газа в закрытом сосуде. Перфективация является результатом подытоживания этой множественности движений. *Он побегал* значит, что его неорганизованный бег был минимальным в своем «объеме». *Извозчик выездил пять рублей* значит, что общая сумма перемещений определяется деньгами, которые он сумел за это выручить; *исходить весь город* значит, что в итоге движения была использована вся площадь города; тогда как в сочетании *сходить на почту* различие направленный сводится к двум противоположным движениям: туда и обратно, и т. д.

Подытоживание обычно происходит в зависимости от объекта, который определяет размах процесса. Очень часто результатом действия является *завершенное* дополнение⁵. Часто прибегают к местоименным подытоживающим словам: *весь, целый, совсем* и т. д. Часто в отношениях между процессом и объектом преобладает идея износа или даже уничтожения: *заносить платье, пробежать обед, избегаться* и т. д. Иначе говоря, полная реализация процесса часто осуществляется в ущерб вовлеченному в процесс объекту.

Понятно, что значение приставок здесь не совсем то же, что при линейной перфективации. Можно было бы сказать, что в этом случае пространственность имеет дело с «площадью» и «объемом», а не с «линиями».

Особенно большая разница в значениях наблюдается при употреблении приставок *по-* и *за-*. Здесь *по-* ограничительное: *побегать*, а *за-* начинательное: *заездить* (*во всех направлениях*), хотя эта приставка так

---

⁵ Ch. Bally, *Linguistique générale et linguistique française*. Paris, 1932, p. 321.

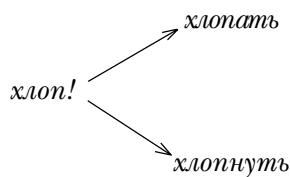
же легко может употребляться для выражения идеи износа: *заездить лошадь*.

Более углубленный анализ позволяет свести различные значения приставок к значениям предлогов. Так, ограничительное *по-* отсылает к распределительному предлогу: *каждому по прянику* обозначает, что каждому приходится только часть, а не целое; *по-* начинательное (его употребление весьма ограничено) напоминает предлог *по* из сочетания *по реке* и, может быть, *по ягоды*, указывающий одновременно и цель. Приставка в глаголе *забежать* связана со значением предлога в сочетании (*встать*) *за дерево*; *за* в сочетании *заездить лошадь* обозначает, что действие выходит за пределы нормы, и связывается с предлогом в сочетании *за рекой* (а также *за реку*). В сочетании *за ягодами* предлог указывает цель, следовательно, направление движения. Мы находим аналогичное значение в начинательных *забегать*, *заездить* и т. д., где речь идет о движении, начатом в одном направлении, сразу приостановленном и начатом в другом, что производит впечатление большого волнения.

Сокращение до единичного жеста. Образование совершенного вида при помощи суффикса *-нуть* вызывает немало вопросов и заслуживает особого внимания. Все суффиксы «имперфективны». А тут мы имеем дело с суффиксом, который противоречит правилу. К тому же от глаголов несовершенного вида может образоваться лишь один глагол совершенного вида с суффиксом *-нуть*. Таким образом, мы весьма далеки от изобилия глаголов совершенного вида, образованных посредством приставок. Забегая вперед, скажем, что действительное отличие этого типа перфективации заключается в том, что *основа* глагола здесь сама по себе перфективна, тогда как во всех других случаях отношение основы к виду не выражено.

Глаголы совершенного вида, образованные при помощи суффикса *-нуть*, часто называют «мгновенными». Однако мы уже отмечали, что понятие времени не имеет к этому никакого отношения. То, что упразднение множественности процесса приводит фактически к упразднению временных измерений, и наоборот, развитие процесса наводит на мысль о протяженности во времени, — явление вторичное, так как понятие времени вытекает из движения.

Здесь мы имеем дело с отдельной небольшой системой, которую можно схематизировать и представить следующим образом:

Стержнем системы является восклицание. Оно передает образ некоторого сенсорного восприятия: *кафф!*, *хлоп!*, *толк!*, *ах!* и т. д. Какова бы ни была сенсорная природа этого восприятия, непосредственно или опосредованно оно вызывает в памяти представление о жесте и в конечном счете опирается на двигательную основу. *Хлоп!* — это шум, но вместе с тем и жест, который производит этот шум; *толк!*, *двиг!* являются образами жестов. Эти восклицания сродни глаголам, потому что как одни, так и другие выражают, по словам А. Бергсона, «движущееся». Вот почему в восклицательных фразах они могут функционировать в качестве предиката: *Не посмотрев в святыцы, бух в колокол!*, *Бегал, бегал куманек (веник), да двиг в уголок!*, *Тихохонько медведя толк ногой* и т. д.

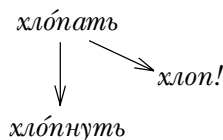
Несмотря на все разнообразие восклицаний, механизм жеста неизменно сводится к двум позициям: выход из состояния покоя ~ возвращение в состояние покоя. Эту симметричную структуру можно представить следующим образом: $\nearrow \bullet \searrow$. Начало и конец движения сходятся, не оставляя больше места для какого-либо развития. Таким образом, эти восклицания являются главным образом перфективными. Что касается глаголов с суффиксом *-нуть*, они ничего не изменяют в структуре жеста. *Каркнуть* вызывает картину клюва, который открывается и тотчас закрывается; в глаголе *мигнуть* веко опускается лишь для того, чтобы снова подняться; в сочетании *кольнуть иглой* игла касается чего-либо и сразу отходит назад; в сочетании *толкнуть ногой* нога выпрямляется, чтобы тотчас согнуться снова; тогда как в выражении *сердце екнуло* само сердце конвульсивно сжимается и разжимается, и т. д. В соответствующих глаголах несовершенного вида эти операции возобновляются бесконечно, и, поскольку каждый жест представляет собой нечто целое, между расслаблением и новым напряжением, между концом одного жеста и началом следующего мыслится пауза. Отсюда впечатление прерывности: $\wedge \wedge \wedge \wedge$, а не $\wedge \wedge \wedge \wedge$.

В восклицательной фразе образование типа *Хлоп!* может функционировать как предикат, но в предложении выражение процесса должно быть снабжено всеми предикативными значениями (наклонение, время, лицо), и в этом смысл существования глаголов *хлопать*, *толк-*

нуть и т. д. Однако перфективное значение глагола *хлопнуть* кроется не в суффиксе, оно присуще его основе, которая опирается на восклицание.

При теперешнем состоянии русского языка глагольные основы вовсе не обладают значением вида. Однако для процесса естественно длиться. А суффиксы непроизводных глаголов участвуют в механизме видов отрицательно: они не препятствуют проявлению сущности процесса, которая заключается в длительности. Но вот на сцену выступают приставки, и длительность сокращается почти до нуля. Тогда дополнительная суффиксация со значением длительности преодолевает эффект префиксации и восстанавливает длительность процесса. Однако суффиксация производит эту операцию на другом уровне, имея дело с основой, включающей префикс, а следовательно «перфективной». Так, *игр-ать* (нсв) > *вы-играть* (св) > *выигр-ывать* (втор. нсв). Наконец, новая префиксация производит новую перфективацию: *на-выигрывать* (втор. св) и кладет конец борьбе между суффиксом и приставкой. Напротив, в случае *хлопать* и *хлопнуть* речь идет об основе перфективной. Теперь роль суффикса *-ну-* будет состоять как раз в том, чтобы не помешать основе проявить свою перфективную природу. Что касается глаголов несовершенного вида, здесь суффикс *-а-* будет в какой-то мере соответствовать вторичным суффиксам, реализующим множественность процесса. Вот почему перфективация такого процесса, как *хлопать*, относится к подытоживанию: *захлопать* (начинательный), *похлопать* (ограничительный) и т. д.

В нашей схеме *хлопать* и *хлопнуть*, несовершенный вид, как и совершенный, опираются на восклицание, иначе говоря, они образованы от восклицания. Однако значение этой маленькой системы, базирующейся на перфективной основе, крайне невелико по сравнению с общей системой русского глагола. В этой последней господствует явление префиксации, и поэтому совершенный вид является производным от несовершенного. Под давлением аналогии отношения внутри маленькой системы оказываются опрокинутыми: глагол с суффиксом *-нуть* точно так же, как и восклицание, если есть таковое, оказывается в положении производного от несовершенного вида:

Теперь перфективное значение глагола *хлопнуть* приписывается суффиксу *-ну-*, который заместил суффикс глагола несовершенного вида. Восклицание же рассматривается как сокращенная форма того же несовершенного вида: *двигать* > *двиг!*, *глядеть* > *глядь!*, *шастать* > *шасть!* Часто его не хватает: *курить* > *курнуть*, *полосовать* > *полоснуть* и др. вовсе не имеют восклицания. Теперь любой процесс, который в нашем представлении может быть разложен на серию действий без длительности, способен образовать совершенный вид с суффиксом *-нуть*, и сделать это, не обращаясь к восклицанию. К примерам, только что процитированным, добавим глагол, у которого был свой час славы в начале Революции: *викжельнуть** < *викжелить* и *викжелять*⁶, а также *лизнуть* < *лизать*, *пальнуть* < *палить*, *смекнуть* < *смекать* и др. Префиксация в свою очередь завладевает глаголами совершенного вида с *-нуть*: *вытолкнуть*, *протолкнуть*, *столкнуть* и т. д. Эта пространственность обладает линейной природой.

Образование глаголов совершенного вида с *-нуть* продолжает функционировать благодаря экспрессивному значению, свойственному картине, которую они вызывают. Но это значение постепенно ослабевает. Процесс, сведенный к одному действию-жесту, кажется ослабленным в своей интенсивности. Разговорная речь стремится исправить это положение, усиливая глагольный суффикс: *толкануть* вместо *толкнуть*, *резануть* вместо *резать*, точно так же: *полосануть*, *рубануть*, *копануть* и т. д. И новые образования, которые мы назвали «*isolatives*»**, уже проникли в литературу.

* Этот глагол и следующие являются неологизмами, появившимися после октября 1917 г. Они образованы от сокращения *Викжель* (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза). Этот профсоюз был создан в августе 1917 г. и в его руководстве было большинство «социалистов-революционеров и меньшевиков» (Энциклопедический словарь, Москва, 1953 г.). Профсоюз был распущен в январе 1918 г. «за антисоветскую деятельность». В своей брошюре «Язык, война и революция» (Берлин, 1923 г.) С. Карцевский пишет: «*викжелить*, т. е. лавировать в политике подобно Викжелю в октябре 1917 г. (к нему *викжелять*, явно уничтожительное, по-видимому, создано по аналогии с „вилять“ или „вихлять“)» (с. 58 [М., 2000, с. 256]). Напомним, что в молодости С. Карцевский был эсером.

⁶ См. нашу брошюру «Язык, война и революция», Берлин, 1923 [М., 2000, с. 215–266].

** См.: «Система русского глагола»: «глаголы с суффиксом *-ануть* представляют действие, совершенно изолированное, выхваченное, так сказать, из

Соображения, которые мы только что изложили, могут быть использованы в изучении исторических судеб глаголов с суффиксом *-нѣ*. Можно не удивляться, что среди каких-нибудь 30 или 40 глаголов, дошедших до нас в текстах старославянского языка, не фигурируют глаголы с восклицательной основой типа *хлопнуть*. Эти глаголы не имели никакого отношения к высокому литературному стилю. Перфективации избежали почти исключительно глаголы, образованные от основы, явно не восклицательной (ср. *горкнуть* от *горький*).

В языке существует целый ряд образований несовершенного вида, выражающих *прерывистость*. Они мало продуктивны или непродуктивны вовсе и почти не допускают прибавления приставки.

Именно сюда следует отнести *сопроводительные* глаголы: *приплясывать*, *поддакивать* и т. д., которые восходят к глаголам вторичного несовершенного вида, но не имеют пары в совершенном виде. Сюда же относится прошедшее время *многократных* глаголов и инфинитивы, однако эти последние — только в составе отрицательных фраз со значением процесса, который больше не может быть реализован. Это такие формы, как *певал*, *игрывал*, *хаживал*, *слыхивал*, *видывал* и т. д. Здесь речь идет о процессах «прерывистых», которые реализуются минимально, что лучше всего проявляется в отрицательных фразах: *не видывал и не слыхивал, мне по сеничкам по тем уж не хаживати* (народная песня). В таких глаголах, как *видать* и *слыхать*, прерывистость процесса подчеркнута меньше, но она все-таки существует. Поэтому отрицание *не видал и не слыхал* выглядит более энергичным, чем *не видел и не слышал*, которое касается лишь определенного случая. Наконец, наряду с глаголом *быть* существует повторительный прерывистый *бывать* со своими двумя глаголами совершенного вида: *побывать* и *перебывать* («накопительные»).

Анализ глаголов движения привел нас к различению двух видов перфективации. С морфологической точки зрения линейное сокращение и подытоживание тождественны, так как они используют прием префиксации. Здесь необходимо отметить следующее. Префиксация не охватывает образование совершенного вида полностью, так как существует перфективация посредством суффикса *-ну*. Но, с другой стороны, префиксация выходит за рамки перфективации, так как глаголы совершенного вида с *-нуть* и некоторые редкие производные глаго-

---

процесса, рассматриваемого как одно целое, поэтому они способны выражать мгновенное и ослабленное действие...» [§ 7, с. 86 наст. изд.].

лы совершенного вида могут соединяться с приставками: *протолкнуть*, *выбросить* и т. д. Этот вид несоответствия служит иллюстрацией того, что мы назвали «асимметричный дуализм лингвистического знака»⁷.

В глаголах *выехать* ~ *выездить* различие между обоими видами перфективации базируется прежде всего на противопоставлении двух морфологически разных глагольных типов: *ехать* ~ *ездить*. Это противопоставление подтверждается некоторой разницей в значении приставки. Разъединение в значении приставки происходит под влиянием присоединяющихся глаголов. Но вот происходит переворот. Там, где морфологические признаки недостаточны, именно приставка — естественно, с учетом ситуации — решает, каким образом должен быть образован глагол совершенного вида. Так, *поскакал* будет начинательным или ограничительным в зависимости от значения, которое будет придано приставке. В первом случае глагол будет относиться к линейному сокращению (ср.: *побежал*), во втором — к подытоживанию (ср.: *побегал*): *поскакал во весь опор* и *поскакал, поскакал, да и будет*. В сочетании *полечь костями* глагол всегда относится к подытоживанию, но приставка вводит «аккумулятивный» оттенок, который сама она извлекла из вторичной перфективации (*пообыгрывать*). Вот еще несколько примеров, где именно приставка определяет тип перфективации: *переработать сочинение* (ср.: *перебежать*) и *он переработал(ся) и заболел* (ср.: *перебегать*); *Сел на велосипед и заработал ногами*; *Он заработался* и *Он заработал хорошие деньги*; *Заиграли увертюру и заигранная пьеса* и т. д. Напротив, в сочетаниях *пристрелить бешеную собаку* и *пристрелять ружье* или *забросить мяч* и *забросать грязью* значение приставки определяется природой глагола.

Перфективация, относящаяся к типу подытоживания, свойственна многократным процессам. Эта множественность процесса прекрасно прослеживается в следующих глаголах: 1) глаголы неопределенного движения; 2) глаголы вторичного несовершенного вида (их суффикс имеет явное значение длительности) и 3) глаголы несовершенного вида, опирающиеся на восклицание. Заметим, что вторичная перфективация очень ограничена и возможна только с приставками *на-*, *пере-* и *по-*.

Линейная перфективация свойственна глаголам определенного движения и нескольким глаголам, которые им уподобляются: *мчать*, *течь*, *влечь* и т. д. Здесь процесс носит характер унифицированного, немножественного, некратного. Для всех прочих глаголов несовершенного

⁷ *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, I, Prague, 1929 [наст. изд., с. 239 сл.].

вида, не относящихся ни к одной из разобранных категорий, прибегают то к одному, то к другому способу перфективации в зависимости от ситуации, от образа процесса (см. приведенные выше примеры). Создается впечатление, что подытоживание употребляется гораздо шире, чем линейное сокращение.

III

Для того, чтобы подвести итог этим замечаниям, надо было бы также объяснить, в чем состоит польза перфективации и какой необходимости она отвечает. За неимением места мы ограничимся общими положениями.

Все мыслимые нами явления мы располагаем или на оси последовательности, или на оси непоследовательности (например, одновременности). Последовательность вызывает картины происходящего, вытеснения одного факта другим, замещения одного факта другим. Но в любом случае мы имеем дело только с одним фактом. Каждый факт составляет (или, если хотите, вырезает) единицу времени, и в этой единице времени нет места для второго факта. Дело здесь не в длительности. Важно именно отметить границы каждого факта: *пришел, увидел, победил*. Процессы совершенного вида как раз и расположены на оси последовательности.

В области последовательности факты в неограниченном количестве могут сосуществовать, быть соположены, параллельны, одновременны и т. д. Между последовательностью и непоследовательностью маркированной является первая, именно она несет на себе ударение, вторая определяется через свою противопоставленность первой; она отрицательна и имеет различные характеристики.

Если на оси последовательности каждый процесс сокращает свое временное пространство до минимума, а в крайнем случае и до нуля, в области непоследовательности, где бесконечное число процессов может мыслиться как одновременные, временное единство тоже может расширяться безгранично. Так, обобщенное или абсолютное настоящее время в предложении *Земля вращается вокруг солнца* состоит из безграничного числа тождественных процессов, отмеченных в прошлом и предполагаемых и в будущем. Таким образом, область непоследовательности представляется как план, тогда как область последовательности — это линия. Глаголы несовершенного вида являются как раз выражением процессов, не относящихся к последовательности.

В языке настоящее время соотносится с моментом речи. Теоретически настоящее время равно нулю: оно всего лишь конец прошлого и начало будущего. И когда речь идет просто о присутствии, русский язык рассматривает это как нечто отмеченное знаком минус и выражает его через нуль. И тем не менее как раз настоящее мы переживаем с наибольшей интенсивностью, либо как результат прошедшего, в котором мы больше ничего не можем изменить, либо как начало нового жизненного опыта, будущий результат которого мы предвидим либо с опасением, либо с надеждой.

С точки зрения последовательности настоящее всего лишь линия. Ось последовательности ей перпендикулярна. Их встреча просто «точка». Ось последовательности оказывается разделенной на два отрезка: осуществленный опыт, конечный результат которого поставлен на линию настоящего, и опыт, который предстоит осуществить.

С точки зрения непоследовательности настоящее — это план, так как бесконечное число процессов может мыслиться как одновременные, сосуществующие по отношению к моменту речи. План настоящего полностью отделяет прошлое от будущего. В прошедшем времени и в будущем глагол несовершенного вида выражает факты без какого бы то ни было отношения к настоящему, так как он располагает прямым средством выражать настоящий момент. Например, *Я буду стараться* имплицитно значит, что я еще не стараюсь, *Он заходил ко мне* имплицитно значит, что он теперь не у меня. Напротив, совершенный вид, который не располагает прямым средством для выражения настоящего момента, может прекрасно обозначить факты в связи с настоящим: *Сейчас я отыщу страницу* может значить конец какого-то уже начатого действия, и можно сказать, что здесь временная оппозиция стирается: действие началось, оно длится и будет продолжаться; *Это я взял книгу* является эквивалентом «книга в настоящий момент у меня». Следующий пример заимствован у Л. Толстого: «...*лежит одна жена — больна, родила двойню [...] Копшатся девочки подле матери*». Здесь *родила* (св), точка завершения процесса, находится на той же линии, что *лежит* и *копшатся*.

Иначе говоря, временные формы глаголов несовершенного вида способны выражать настоящее время, но вовсе не включают его в значение их прошедшего времени и будущего. У глаголов совершенного вида ситуация обратная. Единственный урок, который можно извлечь из этого, — признать особую важность момента речи, вокруг которого сосредоточивается предикация.

Совершенный вид может прекрасно выразить явление, которое рассматривается как не имеющее отношения к настоящему, только при условии, что отсутствие этого отношения эксплицитно выражено: *В 1917 году в России произошла революция*. Однако представленный факт все-таки включен в некоторую последовательность: другие факты предшествовали революции 1917 года и следовали за ней, для всех этих фактов было общим то, что они были не революции.

В употреблении глаголов несовершенного вида главенствует идея сосуществования. В фразе *Когда мы с ним разговаривали (вчера), он (все время) курил* представлен полный параллелизм. Что касается глагола *разговаривали*, то процесс мыслится как одновременный другим виртуальным процессам, которые могут быть включены в рамки обстоятельства *вчера*. Это последнее мыслится как план, т. е. как беспредельное количество параллельных линий. В предложении *Земля вращается вокруг солнца* процесс параллелен или одновременен самому себе и повторяется бесконечно. Если мы говорим: *Когда (бывало) я заходил к нему, он одевался и мы шли гулять*, речь идет о повторении, ограниченном определенным промежутком времени, и т. д. Короче говоря, везде стоит вопрос о непоследовательности.

Особый, весьма любопытный случай представляет собой встреча последовательности с повторением. Представим себе последовательность, которая повторяется. Если с психологической точки зрения подчеркивается повторяемость, тогда будет использоваться несовершенный вид и ситуация позволит понять, что речь идет о последовательности. Но если хотят выделить в первую очередь последовательность, тогда будет использовано будущее совершенного вида.

Следующий отрывок Л. Толстого позволит определить особое значение некоторых употреблений будущего времени совершенного вида: *Они (червяки) лежали у меня на столе, и когда листа не было, они ползали по полке, приползали к самому краю, но никогда не спадали вниз, даром что они слепые. Как только червяк подойдет к обрыву, он прежде, чем спускаться, изо рта выпустит паутинку и на ней приклеится к краю, спустится, повисит, поосмотрится, и если хочет спуститься — спустится, а если хочет вернуться назад, то втянется назад по своей паутинке*. В первой фразе с несовершенным видом глагола подчеркивается повторяемость. Вторая с совершенным видом служит конкретным примером. Естественно, самым конкретным временем является настоящее, но здесь речь идет о том, чтобы выделить последовательность, и поэтому прибегают к совершенному виду. Возможно ли было бы использовать здесь прошедшее

время? Да. Тогда сказали бы: *Вот червяк подошел к обрыву ... выпустил ... повисел* и т. д. Указательное слово *вот* здесь необходимо. Это позволяет нам понять намерение автора. Речь идет не о простом фиксировании последовательных событий в прошлом. Последовательность не позади нас. Автор помещает ее перед нами. Мы не знаем, что произойдет. Прошедшее — область известного, неизвестное восходит к предстоящему, к будущему. И автор хочет, чтобы и мы пережили открытия, неожиданности, которые он пережил, и все это в том порядке, в каком они происходили.

Именно неожиданность, вызванная непредвиденным событием, выражается такими оборотами, как *Только лиса открыла мешок, а собаки как выскочат оттуда*. Новая ситуация внезапно замещает предшествующую. Говорящий располагает неожиданное событие впереди. Наконец, в последовательности фраз: *Пуговицу потеряла. Никак не найду* результат предпринятых до сих пор поисков расценивается как имеющий силу и в поисках, которые продолжаются. Здесь покушаются на область будущего.

Во всех этих примерах используется особенность совершенного вида, заключающаяся в его игнорировании настоящего времени, и, следовательно, для совершенного вида прошедшее и будущее легко соединяются. Однако их встреча неизбежно происходит в текущий момент, она сама создает настоящее. Такого рода употребление относится более или менее к аффективной речи, и его изучение лежит в области *стилистики*, в том смысле, который придает этому термину Шарль Балли.

Женева, 1938 г.

ОБ АСИММЕТРИЧНОМ ДУАЛИЗМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАКА*

Знак и значение не покрывают друг друга полностью, их границы не совпадают по всем точкам: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается разными знаками. Всякий знак является виртуально «омонимом» и «синонимом» одновременно, это значит, что он образован пересечением этих двух серий мыслимых явлений.

Язык в качестве семиологического механизма движется между двумя полюсами, которые можно охарактеризовать как *общее* и *индивидуальное, абстрактное* и *конкретное*.

С одной стороны, язык должен предоставить средство общения для всех членов языкового коллектива; но с другой стороны, он должен также быть средством самовыражения для каждого члена этого коллектива, и, как бы «социально направлены» ни были формы нашей психики, индивидуальное не может быть сведено к социальному. Семиологические значения языка будут неизбежно иметь виртуальный и, следовательно, общий характер, так чтобы язык существовал над настроениями индивидуума и над самими индивидуумами. Эти виртуальные знаки должны, однако, относиться к конкретной реальности, каждый раз новой.

Если бы знаки были неподвижны и имели лишь одну функцию, язык превратился бы в простой набор этикеток. Но точно так же невозможно представить себе язык, знаки которого были бы настолько подвижны, что не обозначали бы ничего вне конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть одновременно устойчивой и подвижной. Призванный приспособляться к

---

* Эта статья, впервые опубликованная в «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», № 1, 1929, с. 89–93, была переиздана в CFS, 1956, № 14, с. 18–24 и в Р., 2000, с. 3–8.

конкретной ситуации, знак может изменяться лишь частично, так как нужно, чтобы, благодаря неподвижности другой части, он оставался тождественным самому себе.

На что бы ни было направлено наше внимание в какой-либо обстановке, на новое, неизвестное или на прежнее, известное, одновременное присутствие этих двух элементов необходимо для любого акта понимания (или узнавания). Новое включено в старые рамки, оно опознается как новый род прежнего вида. Но это всегда род, а не конкретное проявление. Опознать или понять какой-либо факт значит включить его в совокупность наших знаний, установить координаты, при пересечении которых он может быть найден. А то, что представляется как действительно новое, это отношения координат, их пересечения, а не они сами. Само собой разумеется, что акт познания не может достичь собственно «индивидуального». Реальное безгранично, по отношению к каждой ситуации мы лишь отбираем некоторые элементы, отбрасывая все остальное, как не заслуживающее внимания с точки зрения наших интересов. Таким образом, мы достигаем концепта, схематического продукта интеграции, призванного с момента его возникновения служить общим типом.

Лингвистический знак в своей внутренней структуре соответствует пересечению координат разной степени обобщения, в зависимости от семиологического плана¹, к которому он относится. То, что истине ново, например, в слове, которое только что создано, это пересечение координат, а не сами координаты. Иначе и не может быть, так как любое слово с момента своего создания обозначает род, а не конкретное проявление. Если мы отмечаем перемещение границы между семой и морфемой внутри слова, что часто происходит в детской этимологии, например *Mama*gei, *nano*нт и т. д., то это возможно только потому, что в языке существуют такие слова, как *Papa*gei и *mam*онт, которые также оказываются затронутыми перемещением координат. В самый момент своего «создания» координата неизбежно выражает общее, а не индивидуальное, созданное *ad hoc* для единичного факта. Можно было бы утверждать, что нельзя создать одно-единственное слово и что создается как минимум два слова сразу.

В любой семиологической системе общее и индивидуальное даны не в зависимости друг от друга, а как отношение между двумя коорди-

---

¹ Что касается семиологических планов языка, см.: «Введение» в нашу «Систему русского глагола», Прага, 1927 г. [наст. изд., с. 44].

натами или между двумя сериями семиологических значений, из которых одно служит для дифференциации другого. Никогда не лишне подчеркнуть дифференцирующий характер лингвистического знака. В нашей работе «Система русского глагола» во «Введении» мы говорили следующее: «Стало общим местом утверждать, что лингвистические значения существуют только в силу оппозиции между ними. В такой форме эта идея приводит к абсурду: дерево есть дерево, потому что оно не дом, не лошадь, не река... Простая оппозиция неизбежно приводит к хаосу и не может служить базой для *системы*. Настоящая дифференциация предполагает одновременно сходство и различие. Мыслимые факты составляют серии, основанные на общем элементе, и противопоставляются только внутри этих серий. [...] Именно так становится возможной и оправданной омофония, когда два значения, принадлежащие к двум *разным* и отдаленным друг от друга сериям, имеют общий звуковой знак» *.

Бессмысленно задавать себе вопрос, например, каково в русском языке значение *a* как морфемы. Необходимо прежде всего установить серии общих значений, внутри которых появляется это *a*. Так, например, *стол, стола, столу...*, *паруса, парусов...*, *жена, жены...* и т. д. Только потом мы сможем понять, какое различительное значение и в какую серию вводит эта морфема.

Если один и тот же звуковой знак в разных сериях может, как мы видели, служить для выражения различных значений, обратное также возможно: одно и то же значение внутри разных серий может быть выражено различными знаками, например, именительный падеж множественного числа: *столы, паруса, крестьяне* и т. д. Омофония — явление общее, омонимия является лишь частным случаем, проявляющимся в концептуальных планах языка; обратное явление ² проявляется в концептуальных планах в качестве синонимии. А это лишь две стороны одного и того же общего принципа, который мог бы быть, очень неточно, кстати, сформулирован следующим образом: любой лингвистический знак виртуально является одновременно омонимом и синонимом. Иначе говоря, знак одновременно принадлежит к серии транспонированных значений какого-то знака и к серии аналогичных значений, но выраженных иными знаками. В этом сказывается всего лишь логическое следствие, вытекающее из дифференцирующего характе-

* См. наст. изд., с. 40, примеч. 2.

² «Polyvocité» или гетерофония.

ра знака, а лингвистический знак должен неизбежно быть дифференцирующим, иначе он ничем не отличался бы от сигнала.

Омонимия и синонимия в том смысле, в котором мы их употребляем здесь³, представляются как две самые важные коррелятивные координаты, ибо они наиболее подвижны и гибки и наиболее способны достигнуть конкретной реальности.

Омонимическая серия представляет собой скорее психологическую сущность и базируется на ассоциациях. Вторая [синонимическая] серия имеет скорее логический характер, так как ее члены мыслятся как различные варианты одного и того же класса явлений. Однако число этих членов неопределенно, серия всегда остается открытой: она может даже оставаться виртуальной, но возможность ввести данное значение в какой-либо класс, безусловно, остается в силе. Именно понятие класса в контакте с конкретной ситуацией становится центром влияния аналогичных значений.

Омонимическая серия тоже остается открытой, в том смысле, что невозможно предвидеть, куда данный знак может быть вовлечен игрой ассоциаций. Однако в каждый конкретный момент мы имеем дело только с двумя звеньями, которые относятся друг к другу как знак транспонированный к знаку «адекватному» и связаны посредством «*tertium comparationis*». Омонимы расходятся лучами из центра, которым является совокупность представлений, присоединенных к значению знака, эти элементы изменяются от одной ситуации к другой, и именно конкретная ситуация обеспечивает *tertium comparationis*.

В «полном» знаке (как, например, слово по сравнению с морфемой) имеют место два противоположных центра семиологических функций, один объединяет вокруг себя формальные значения, другой — семантические. Формальные значения слова (род, число, падеж, вид, время и т. д.) представляют собой элементы значений, которые известны любому говорящему на данном языке и которые, так сказать, застрахованы от какой бы то ни было субъективной интерпретации со сто-

---

³ Мы оставляем здесь термин «омоним» за транспонированным знаком; там, где транспонированное значение больше не воспринимается, было бы правильнее говорить об омофонии (так *ключ* [от замка, *clef*] и *ключ* [источник, *source*] являются омофонами). Но эти два термина, каждый в своем узком значении, употребляются только в *крайних* случаях [курсив наш — исправляем опечатку «*cas-limités*» первого издания, повторенную в CFS, по правке («*cas-limites*») С. Карцевского в оттиске, присланном им Н. А. Рубакину (РГБ, шифр: Рб 34/291)].

роны собеседников; предполагается, что в любой ситуации они остаются тождественными самим себе. Напротив, семантическая часть слова выступает чем-то вроде остатка, сопротивляющегося любой попытке разложить его на такие же «объективные» элементы, какими являются формальные значения. Точное семантическое значение слова в достаточной мере устанавливается только в зависимости от конкретной ситуации. Только значение научных терминов закреплено (установлено) раз и навсегда (и даже!) их включением в различные *системы* понятий. А ведь трудно говорить о «системе», если иметь в виду совокупность наших понятий, которая соответствует чему-то, что можно было бы назвать «идеологией каждодневной жизни».

Поэтому каждый раз, как мы берем слово и прилагаем его семантическое значение к конкретной реальности, мы обозначаем им комплекс более или менее новых представлений. Иначе говоря, мы постоянно транспонируем семантическое значение нашего знака. Но мы замечаем это только тогда, когда расстояние между «адекватным» (общеупотребительным) значением знака и его случайным значением достаточно большое, чтобы произвести на нас впечатление. Однако тождественность знака остается: знак существует в первом случае, потому что наша мысль, склонная к интеграции, отказывается учитывать изменения, происшедшие в совокупности представлений; он, кажется, существует и во втором случае, потому что, включив *tertium comparationis*, мы тем самым мотивировали новое значение прежнего знака.

Как бы конкретна ни была транспозиция, она не достигает степени индивидуального. С момента своего существования новое слово представляется знаком, т. е. оно способно обозначать сходные ситуации, оно уже носит родовой характер и включено в синонимический ряд. Предположим, что в разговоре кому-то дали прозвище *Рыба*, тем самым создали омоним слова *рыба* (случай транспозиции), но в то же время был добавлен новый член к серии синонимов: *флегматик, вялый, бесчувственный, холодный* и т. д.

Другой центр семиологических значений слова, а именно группировка формальных значений, тоже может быть транспонирован.

Вот пример транспозиции грамматической функции: императив выражает волеизъявительный акт говорящего, перед которым стирается роль собеседника как деятеля процесса, например, *Замолчи!* Однако эта форма появляется в новой функции в фразе: *Только посеяли, а мороз и уд а рь* (*tertium comparationis*: неожиданный, стало быть, «произвольный» акт деятеля процесса) или *С молчи он, все бы обошлось* (*tertium*

Означающее (звуковое) и означаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности». Каждое «выходит за рамки», определенные для него партнером: означающее стремится приобрести иные функции, кроме своей собственной, означаемое стремится найти другие способы выражения, кроме своего знака. Они асимметричны; спаренные, они находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков может развиваться языковая система: «адекватная» позиция знака непрерывно перемещается вследствие приспособляемости к требованиям конкретной ситуации.

О ФОНОЛОГИИ ФРАЗЫ *

Вилему Матезиусу и Роману Якобсону

Язык — это форма, а не субстанция. —
Сущность языка не связана со звуковым
характером языкового знака. — Второй
лингвистический принцип это линей-
ный характер означающего.

Ф. де Соссюр

В различных планах одной и той же языковой системы, а именно, в лексикологическом, синтаксическом, морфологическом и фонологическом, звуковые свойства, такие как *тембр, долгота, тон и интенсивность*, используются не одинаково ¹. Следовательно, чтобы установить фонологический характер, который отличает фразу от других явлений той же

---

* Сообщение № 15, сделанное 19 декабря 1930 г. на Международном фонологическом совещании в Праге (18–21/XII–1930 г.), опубликовано в № 4 «Трудов Пражского лингвистического кружка» (Прага, 1931 г., с. 188–227) [Р., 2000, с. 87–124].

По поводу этого сообщения в «Протоколе заседаний» сказано: «Г-н Трубецкой замечает, что г-н Карцевский выявил в мелодике фразы те же фонологические типы, какие г-н Якобсон констатировал в мелодике слова. Восходящая мелодика фразы, которая обозначает ожидаемое продолжение, является немаркированной серией, тогда как нисходящая мелодика, сообщающая о конце фразы, составляет серию маркированную. — Вводные фразы, характеризующиеся низким тоном, напоминают звательный падеж языка Вед, отмеченные в текстах как безударные».

¹ По поводу «планов» языка см. *Введение* в нашу книгу «Система русского глагола» (Прага, 1927 г.) [с. 44 слл. наст. изд.], а также наш ответ на третий вопрос анкеты, составленной оргкомитетом Второго международного конгресса лингвистов (Женева, 1931 г.) [Р., 2000, с. 9–11].

языковой системы, нам следовало бы ограничиться анализом одной из них, например, анализом русского языка, родного языка автора. Сначала, приступая к нашим исследованиям, мы так и поступили. Однако по мере того, как мы продвигались в нашей работе, мы должны были констатировать, что явление «интеллектуальной» интонации относится к области речевой деятельности вообще, а не к области одного языка или определенной группы языков. Поэтому, за исключением второй главы, мы говорим о языке вообще и приводим примеры, которые нам дают разные языки, даже не индоевропейские, хотя наше внимание главным образом обращено к русскому языку.

Основным характером языка как семиологической системы является тесное слияние концептуального и звукового аспектов. Лингвистический знак, к какому бы плану он ни относился, всегда представляет собой двустороннюю единицу. Отношения между обоими аспектами языка варьируют от одного плана к другому, каждый план имеет как свою собственную «идеологию», так и особую *фонологию*. Следовательно, существуют фонология лексикологическая, синтаксическая, морфологическая и фонология слова, самого важного знака, который относится ко всем четырем планам, но существует, наконец, и просто фонология. Эта последняя относится к фонологическому плану и занимается звуковыми явлениями общего характера, не обслуживая ни грамматику, ни словообразование, ни даже и фразу, и существует только в связи со слогом в его отношениях с фонемой. В данной работе мы полностью оставляем в стороне семантическую фонологию.

Мы остановимся здесь на фонологии фразы, т. е. совокупности звуковых явлений, которые позволяют отличить фразу от других единиц языка, таких как синтагма, слово и т. д. Как мы покажем, фраза относится к лексикологическому плану и является его основополагающим элементом.

Строгое различие между *фразой* и *предложением* проводится редко. Чаще всего их смешивают, говоря без различия «фраза» или «предложение». Однако предложение является грамматической (синтаксической) единицей, вполне определенной, и ее невозможно смешивать с фразой.

Предложение — это синтагма, т. е. структура бинарная, члены которой относятся как определяемое (T) к определяющему (T'), например *старый* (T') *дом* (T); *boîte* (T) *aux lettres* (T') [почтовый (T') ящик (T)]. Но это синтагма *предикативная*, т. е. в противоположность всем другим синтагмам принадлежность T' к элементу T устанавливается посред-

ством эксплицитного вмешательства говорящего лица. Говорящее лицо присутствует в предложении, потому что элемент T' предикативной синтагмы определен по отношению к понятию наклонения (что является не чем иным, как выражением того, как говорящее лицо представляет себе отнесение T' к элементу T , например, как факт или как предположение и т. д.); кроме того, оно определено по отношению к понятию времени (т. е. по отношению к моменту речи говорящего лица). Так, *Дом (T) был стар (T')*, *La maison (T) était vieille (T')*. Подлежащее предложения является T «абсолютным», так как этот элемент не может служить T' ни для какого другого T . Что касается *безличного* предложения, то оно существует только как оппозиция предложению обычному: это предикативная структура, в которой T исключено, и член, соответствующий T' , как раз указывает на невозможность отношения с T абсолютным. Так, *Гром убил человека > Человека убило громом; Ich träume > Es träumt mir.*

Хотя предложение по своей структуре лучше всего приспособлено для того, чтобы служить единицей коммуникации в самых различных обстоятельствах, фраза не обязательно должна иметь форму предложения. Фраза вообще не имеет ничего общего с грамматикой.

Лексикологический план в какой-то мере «наложен» на другие планы языка, которые как бы «вставляются» в него ². В этом плане мысль, стремясь все больше и больше освободиться от форм языка, ставших для нее путями, проводит интеграцию элементов, которые являются результатом предшествующих синтаксических и морфологических дифференциаций. Эта операция приводит к созданию *фразы* с ее функциональными элементами, которые мы называем *членами фразы* и контуры которых могут как совпадать, так и не совпадать с границами синтаксических единиц, поскольку речь идет об ином принципе членения.

Фраза — это актуализованная единица коммуникации. У нее нет собственной грамматической структуры. Но она располагает особой звуковой структурой, которой является ее *интонация*. Именно интонация делает фразу. Любое слово или соединение слов, любая грамматическая форма, любое междометие могут, если того требует ситуация, служить единицей коммуникации. Как только интонация произвела ак-

² Альбер Сешез первым систематически применял принцип вставления друг в друга языковых элементов. См.: A. Séchehayе. *Programme et méthode de la linguistique théorique* (Paris — Leipzig — Genève, 1908).

туализацию этих виртуальных семиологических значений, с этого момента мы имеем дело с фразой.

Вот несколько образцов фраз, записанных А. Пешковским. Такие фразы мы постоянно слышим или создаем сами. Их грамматическая структура далека от совершенства: *А на поле как хорошо мы были! — Дай-ка мне матерью я тут оставил. — А вот рыба, которая недосолена, ее соль нехорошо взяла, она жирная — обязательно червячок заведется. — Почему ты уходишь не закрываешь электричество?*³ Еще одна фраза, которую мы приводим из нашей собственной речи. Речь идет о птице, выпавшей из гнезда: *Она разбилась, упала когда, очень сильно.*

Интонация в организации языка является основным приемом актуализации. Язык имеет в своем распоряжении несколько таких приемов, и каждый из них заслуживал бы отдельного изучения. Здесь мы только коснемся этой важной темы.

Предназначенные служить всем и в любых условиях, языковые знаки неизбежно обладают только виртуальным значением. Любой речевой акт требует их адаптации к конкретному случаю, к данной действительности. Местоименные слова * (к которым, кстати сказать, относится артикль, так же как и глагол *быть*) и числительные представляют собой две особые системы, включенные в общую систему языка⁴; их функционирование соответствует такому этапу актуализации, о котором Ш. Балли говорит: «мы актуализуем лексический знак, когда мы указываем, какая доля его смысла предполагается в каждом случае»⁵. Предикация делает еще один шаг в этом направлении, устанавливая отношение между фактом и говорящим лицом. Однако эти приемы имеют целью лишь подготовить путь к настоящей встрече знака с реальностью, интонация является свидетельством и одновременно и орудием этой встречи.

Речь вовсе не идет о действительности в онтологическом смысле этого слова. Единственная действительность, которую признает язык, это действительность лица говорящего, с его взглядом на вещи, с его отношением к ним в момент речи. Речь всегда диалог, даже если

---

³ А. М. Пешковский. «Русский синтаксис в научном освещении», 3-е изд. (М., 1928 г.), с. 542.

* См. наст. изд., с. 50, примеч. *

⁴ См.: «Система русского глагола», § 4. Актуализация [с. 62 наст. изд.].

⁵ *Le Langage et la vie* (Paris, 1927), p. 76–77; «La pensée et la langue», *BSL*, XXIII (Paris, 1922), p. 118 n. 1°.

«собеседником» является наше собственное «я»; именно отношения говорящего лица с его собеседником создают *ситуацию* в лингвистическом смысле этого слова. А фраза как раз является функцией диалога.

Диалог напоминает дуэль. Каждый из собеседников стремится навязать другому свою волю, свои эмоции, свои мысли. Нападение одного вызывает отпор другого. Активные позиции чередуются с пассивными; за психологическим напряжением следует расслабление. Интонация каждой фразы выражает позицию ее автора в данный момент, и тем самым виртуальные семиологические значения оказываются актуализованы, иначе говоря, они приобретают индивидуальное существование.

Бывают ситуации, которые постоянно повторяются в диалоге. Бывают формы поведения говорящего лица, которые представляются нам всегда тождественными самим себе. Существуют застывшие типы интонации, создающие приемы коммуникации, без которых ни один диалог не может обойтись. Ориентируясь исключительно на изучение общелингвистического характера диалога, мы можем быть уверены, что не выйдем за пределы языка и не окажемся в области речи.

С точки зрения психологии единица коммуникации представляет разряд психической энергии. В зависимости от возможного преобладания волеизъявления эмоции или интеллекта или же в зависимости от их различных комбинаций можно различить несколько типов коммуникативных единиц, которые отличаются друг от друга качественно. С точки зрения количественной этот разряд энергии может быть более или менее значительным и может распределяться по-разному во времени. Кроме того, коммуникативная единица представляет собой некоторое количество психической энергии, распределенной во времени с большей или меньшей интенсивностью. И наконец, поведение говорящего лица, имеющего в своем распоряжении эту двустороннюю единицу, может быть «активным» (властным, уверенным, агрессивным и т. д.) или «пассивным» (неуверенным, подчиненным и т. д.). Отсюда большое разнообразие типов фраз, «динамических схем», по выражению А. Бергсона.

Однако для языкознания все это разнообразие сводится к двум большим классам интонации, а именно: 1) *напряженная интонация*, предназначенная для того, чтобы вызвать внимание, и 2) *расслабленная интонация*, рассчитанная на успокоение. (Мы рассматриваем вещи с точки зрения восприятия, а не с точки зрения фонации.) Звуковая волна

состоит из сочетания целого ряда элементов, в частности тембра, интенсивности, тона и длительности. Напряжение, как и расслабление, может касаться преимущественно одного или другого из этих элементов, а также их различных комбинаций. В результате образуется такое количество разнообразных типов интонации, что их оказывается вполне достаточно для выражения самых разнообразных движений души.

Однако мы вовсе не будем касаться здесь модуляций голоса, которые служат для выражения эмоций. Мы также оставим в стороне тип волеизъявительных фраз. Только интонация интеллектуальных фраз в их двух разновидностях — *вопрос ~ ответ* — интересует нас здесь. Вопрос и ответ являются двумя наиболее широкими динамическими схемами, которые охватывают самые различные типы поведения и соответствуют самым различным ситуациям.

Постоянно растущее распространение письменного общения, приводящее к тому, что мы больше пишем и читаем, чем говорим и слушаем, изменяет характер отношений между говорящим лицом и его собеседником. Так как этот последний не присутствует *in visu* или же является чисто воображаемым (читатель произведения), говорящее лицо, для того чтобы добиться желаемого, в основном прибегает к логической аргументации, а не к аффективным приемам. Говорящее лицо к тому же вынуждено восполнять отсутствие интонации условными графическими знаками (пунктуация, специальный порядок слов). Таким образом, исчезает все, что есть спонтанного и естественного в диалоге. Ситуация неизбежно становится рассудочной и условной. Роль интонации оказывается сниженной, и это, безусловно, сказывается на нашей речи.

Как бы интеллектуальна и обеднена ни была интонация, она тем не менее является составной частью лингвистического механизма. Даже во внутренней речи мы мысленно постоянно интонируем, и достаточно присмотреться повнимательнее, чтобы понять, что внутренняя речь тоже предстает в форме диалога: мы разговариваем сами с собой, задаем вопросы нашему «собеседнику», мы ему отвечаем. Короче говоря, мы составляем фразы.

Определенная таким образом интонация служит для обозначения конца фразы, для противопоставления вопроса ответу, для различения фразы интеллектуальной, волеизъявительной или эмоциональной. Интонация служит также для деления мелодической кривой на *члены фразы*, противопоставление которых друг другу позволяет расположить смысловые единицы в определенной перспективе в зависимос-

ти от их значимости в данный момент. Интонация обладает «прогрессивным» характером, это значит, что интонационные модификации, наблюдаемые в какой-то момент, являются предвестником последующих фактов, они сообщают или о предстоящем конце фразы, или, напротив, о ее продолжении; по данной интонации невозможно судить о том, что ей предшествовало. С объективной точки зрения изменения интенсивности, тона и длительности, составляющие интонацию, параллельны последовательности слогов; однако для нашего языкового сознания явления интонации затрагивают не слоги, а различные единицы смысла (члены фразы, фразы, слова в качестве функциональных элементов членов фразы). Как бы различны ни были в фразе кривые интенсивности, длительности и тона, наше лингвистическое сознание производит их интеграцию и сводит к синтетическим единицам в зависимости от смысла ⁶.

II

В физике любой отрезок звуковой цепи должен содержать следующие элементы: длительность, интенсивность, тон, тембр. Но в языке

---

⁶ Кроме уже цитированных работ мы в особенности использовали: Ch. Bally. *Traité de stylistique française*, 1, 2e éd. (Heidelberg, 1921); В. А. Богородицкий. *Общий курс русской грамматики*, 3-е изд. (Казань, 1913); Р. Якобсон. *О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским* (Москва – Берлин, 1923); R. Jakobson. *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves* (Praha, 1929); Vilém Mathesius. *Ziele und Aufgaben der vergleichenden Phonologie* (Xenia Pragensia, Praha, 1929); А. М. Пешковский. *Интонация и грамматика* (Изв. русск. яз. и слов. Академии Наук СССР, 1928, 1, т. 2); J. van Ginneken. *Principes de linguistique psychologique* (Paris – Leipzig – Amsterdam, 1907); Ed. Sievers. *Ziele und Wege der Schallanalyse* (Heidelberg, 1924); C. Svedelius. *L'analyse du langage appliquée à la langue française* (Uppsala, 1897); M. Weingart. «Étude du langage parlé suivi du point de vue musical avec considération particulière du tchèque» (*Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, Prague, 1929); P. Verrier. *Essai sur les principes de la métrique anglaise*, 1 (Paris, 1909); В. Всеволодский-Гернгросс. *Теория русской речевой интонации* (С.-Петербург, 1922); A. Meillet. «Théorie du rythme et du ton en indo-européen» (*BSL*. xxxi); N. Troubetzkoy. «Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme» (*Travaux du Cercle*, etc.); M. Grammont. «La psychologie et la phonétique» (*Journal de Psychologie*, 1929–1930); M. Grammont. *Traité pratique de prononciation française* (Paris, 1914); Otto Jespersen. *Lehrbuch der Phonetik*, 3 éd. (Leipzig – Berlin, 1920); Edward Sapir. *Sound Patterns in Language* (Language, vol. 1, 1925); Olaf Broch. *Slavische Phonetik* (Heidelberg, 1911).

совершенно иначе. Язык признает лишь те звуковые отрезки, которые вырезаны определенным образом; даже самые маленькие, такие как *слоги фонема*, являются, тем не менее, не произвольно выделенными из языковой цепи, а дифференциальными единицами, обслуживающими данную языковую систему. Скажем больше. Язык имеет дело не со звуковой материей, не с физическим звуком, а с отдельными чертами этой материи, такими как *тембр, интенсивность, тон и длительность*; он не принимает во внимание эмпирический звук. В качестве механизма, устанавливающего соответствие между дифференциацией в области мысли, с одной стороны, и в области звука — с другой, язык не материален. «Сущность языка, — говорил Ф. де Соссюр, — не связана со звуковым характером [языкового знака]»⁷.

Звуковые характеристики или свойства, о которых только что шла речь, используются по-разному в различных планах языка.

Постараемся сначала определить отношения между слогом и фонемой.

Понятие *фонемы* основывается на членении звуковой цепи на качественно различные единицы, которые представляют собой оппозиции *тембров*⁸. На каждую из этих единиц «накладываются» количественные различия тона, длительности, интенсивности. Следовательно, виртуально фонема располагает всеми фоническими характеристиками; однако *длительность, тон, интенсивность* могут реализоваться с лингвистической точки зрения только в *слоге*, рассматриваемом как часть единицы смысла. Иначе говоря, слог является единицей фонологического плана, которая состоит из одной или нескольких тембровых единиц (фонем) и может быть определена по отношению к тону, длитель-

---

⁷ «Курс общей лингвистики», глава II. [Исправляем ошибку («*du son*») в изданном тексте согласно эпиграфу. Восстанавливаем текст де Соссюра в переводе А. Сухотина, Екатеринбург, 1999 г., с. 15.]

⁸ Воспользуемся случаем, чтобы подчеркнуть тот факт, что тембр, как понятие лингвистическое, не обязательно совпадает по всем пунктам с тембром эмпирического звука. Так в русском языке различие между мягким согласным и «твердым» с точки зрения физики заключается в различии тона: *n'* артикулируется на более высоком тоне, чем *n*. Однако для говорящих это различие воспринимается как качественное, т. е. различие тембров, потому что оно не может быть более значительным или менее значительным, как это имеет место в случае длительности, интенсивности или высоты тона. Таким образом, можно сказать, что каждый согласный русского языка обладает двумя разновидностями тембра.

ности и интенсивности. Можно также сказать, что фонема – это граница слога, что различение слога останавливается здесь. С другой стороны, в слоге фонема может быть актуализована во всей полноте. Однако по ряду физических причин не все фонемы могут в одинаковой степени быть носителями количественных характеристик, реализованных в слоге. Тон главным образом, а также и интенсивность могут быть переданы только фонемами, обладающими определенной степенью открытости. Отсюда впечатление, что в слоге тон, длительность и интенсивность сосредоточены в одной «звучащей» точке, которой является фонема, более открытая, чем другие фонемы в этом же слоге*, и соответствующая первой имплозии.

Слог в русском языке сам по себе ни долгий, ни краткий, ни восходящий ни нисходящий, ни безударный, ни ударный, потому что звуковые количественные характеристики могут быть реализованы в слоге только в зависимости от единицы смысла. Посмотрим же, чем отличаются друг от друга слоги изолированного слова, если рассматривать его просто как организованную группировку слогов.

Известно, что они различаются по *интенсивности* и что в этом отношении они составляют иерархическую систему, которую можно представить посредством схемы:

$$\dots 1 - 0 - 1 - 0 - 2 - 4 - 0 - 1 \dots$$

Цифра 4 обозначает степень интенсивности ударного слога по сравнению со степенью интенсивности других слогов того же слова⁹.

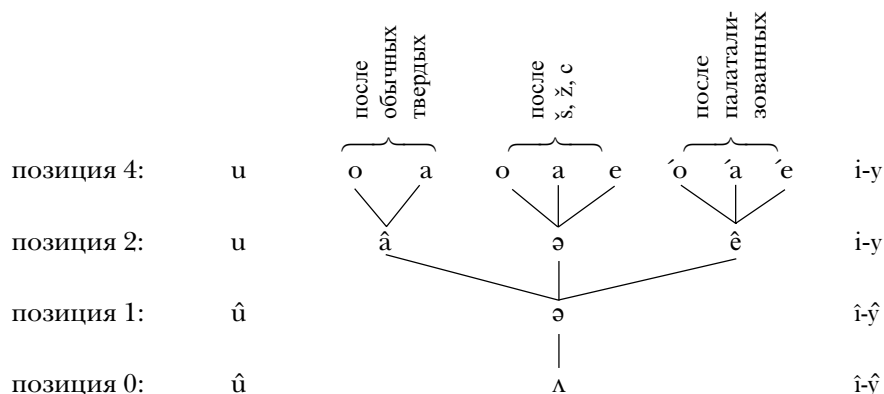
Эта иерархия степеней интенсивности не просто накладывается на тембр, но, и в этом одна из наиболее оригинальных характеристик фонологии русского слова, она радикально его изменяет. Вокализм русского слова в значительной степени зависит от организации слова с точки зрения интенсивности.

Внутри слова отношения между интенсивностью и вокализмом слогов управляются законом редукции гласных или *изменения* тембра гласных. Вот упрощенная схема этих отношений:

---

* Мы исправляем здесь явную ошибку первой публикации текста (две повторные строчки).

⁹ Мы принимаем схему J. Lundell. *Lärobok i ryska språket*, I (Stockholm, 1911), p. 11.

Буквами *â* и *ê* обозначены оглушенные *a* и *e*; *ê*, кроме того, обозначает скольжение к *i*, особенно когда оно находится между двумя палатализованными; *э* во 2-й позиции (после *š, ž* и *c*) скользит к *y*; в 1-й позиции после палатализованных тембр *э* близок к оглушенному *i*; в ускоренном речевом потоке при сокращении длительности до сверхкраткой *э* легко исчезает, и тогда мы представляем его через *л*; *u* и *i-y* подвергаются лишь оглушению, без изменения тембра.

Примеры: *gotət* (или *gotlt*), *gâtodnyj*, *gâtâdat'* (*gâtâdat'*), *gêtdâvat'* (или *gêtdâvat'*), *šprogêtat'* (или *šprogâtat'*), т. е. *голод*, *голодный*, *голодать*, *голодовать*, *впроголодь*; — *šak*, *šagnut'*, *šagânut'* (или *šlgânut'*), *vyšegat'* (или *vyšagat'*), т. е. *шаг*, *шагнуть*, *шагануть*, *вышагать*; — *l'es*, *l'êsnoj* (или *l'îsnoj*), *l'êsâv'ik* (*l'îsâv'ik* или *l'âsâv'ik*), *izl'êsû* (*izl'îsû* или *izl'âsû*), т. е. *лес*, *лесной*, *лесовик*, *из лесу*.

Существует также «3-я позиция», та, при которой слог несет дополнительное ударение в сложном слове (в этих словах каждый семантический элемент имеет свою собственную фонологическую вершину). Ср.: *домá*, *домовóд*, *домовóй* (*dâma*, *dômâvot*, *dêtmâvoj*); *мёд*, *медовáр*, *медбóвь* (*m'ot*, *m'edâvar*, *m'êdovuj* или *m'îdovuj*); *лес*, *лесовóд* (*l'es*, *l'esôvot*) с ослабленным *e*, но не скользящим к *i*, как в случае *лесной* или *лесовик*.

Таким образом, в парадигме, или в деривации, или, наконец, в комбинациях энклитик или проклитик перемещение ударения значительно изменяет фонический аспект «начального слова». Если же говорящие на русском языке все-таки, несмотря на все изменения, узнают его, то это благодаря присутствию в их языковом сознании системы соответствий, которая носит название закона редукции гласных. Но каким образом происходит узнавание, если редукция гласных процесс нео-

братимый? Это весьма интересный вопрос, но мы не можем здесь на нем останавливаться.

Мы вынуждены признать, что в фонологии русского слова разница в интенсивности играет определенную роль лишь в соединении с различием тембра гласных. Большинство так называемых омофонов, которые различаются между собой исключительно ударением, являются таковыми только на письме; так, например, *замók* (*zatomk*) и *зámok* (*zamtək*), или *мука́* (*muka*) и *му́ка* (*muḱə*) и т. д. Кстати, наше языковое сознание никогда не сближает изолированные формы. Так, по поводу «омофонов» *пáрусá* (род. п. ед. ч.) и *пáрусá* (им. п. мн. ч.) не надо забывать, что оппозиция устанавливается между окончаниями единственного числа с редуцированными гласными (*parús-ə, -û, -əm, -ê*) и окончаниями множественного числа с гласными «полного» образования (*prəgúsa, -of, -at, -am'i, -ax*). А «полный» тембр может быть достигнут только при высшей степени интенсивности.

Таким образом, в фонологии русского слова используется только один тембр или тембр в комбинации с интенсивностью. Роль интенсивности вторична. Нет оппозиции *ударение ~ безударность*, так как в русском слове существуют четыре или пять степеней интенсивности, которые в то же время являются степенями тембра гласных. Интенсивность, понятие количественное, не может высвободиться из качественной сферы тембра. С точки зрения практической достаточно знать, что русское слово имеет фонологическую вершину, которая является вершиной интенсивности.

Остановимся коротко на том, как количественный и качественный принципы делят между собой русскую фонологию. Здесь, нам кажется, можно различать две противонаправленные силы напряжения: 1) *оглушение* [*amuïssement*] тембра, которое не что иное, как напряженное «восходящее» движение тона, и 2) *редукция* тембра, соответствующая «нисходящему» движению, «расслаблению» интенсивности. Оба процесса необратимы. В первом случае тембр главенствует над тоном; во втором он препятствует интенсивности, однако не устраняет ее. К этому следует прибавить третье явление, а именно, *удлинение* тембра в результате напряжения длительности. Так, ср.: два глагола несовершенного вида *šyt'* (*шить*) и *žat'* (*жать*) с глаголами совершенного вида законченного действия *sšyt'* (*сшить*) и *sžat'* (*сжать*). Действие этого явления очень ограничено. Однако это не делает его менее интересным, так как речь идет о количественном принципе

длительности, который главенствует над тембром: удлинение приводит к упразднению одного из двух тембров: $s + \dot{z}at' > \dot{z}\dot{z}at'$ и $s + \dot{y}t' > \dot{s}\dot{y}t'$.

Тон и длительность вовсе не играют дифференцирующей роли в слове. Однако существуют факты, которые на первый взгляд противоречат этому утверждению.

Так, использование различий в тоне для дифференциации смысла слов — прием весьма распространенный как в русском, так и в других языках. Например, *Un père est toujours un père* или *Бывает музыка и музыка*, *Es giebt Musik und Musik* и т. д. Мы находим прекрасный образчик этой дифференциации в романе Л. Толстого «Воскресение»: «Ну, да вот *Mariette*, вы находите, что может заниматься делами, — сказал Нехлюдов. — *Mariette? Mariette — Mariette. А это Бог знает кто, Халтупкина* какая-то, *хочет всех учить*». Однако в наших примерах речь идет об интонационной кривой фразы, в которой в двух местах включено одно и то же слово, произнесенное на оппозиционном движении тона. С той же интонацией мы произнесем: *Бывает музыка и бывает какофония*; *Un père est toujours bon* и т. д. Точно так же произнесут: *Твой отец болен*, *Тон père est malade*, чтобы выразить удивление: «Как ты можешь не знать» или «Как ты можешь не учитывать, что твой отец болен?».

У А. Ремизова (Московская пчела. Конь и лев.) мы читаем: «*Для коня старец — старец, Герасим, а лев — ле-ев!*». Тон и растянутость гласной в слове *лев* должны дать понять, что для коня лев старца это *лев*. Комментарии, сделанные по поводу предыдущих примеров, относятся также и к этой фразе. Ни в коем случае не следует забывать, что во всех цитированных примерах речь идет об экспрессивной интонации, обслуживающей чувства, об интонации, на разборе которой мы здесь не останавливаемся.

Наконец, следующий пример сможет нас убедить в том, что смысл слова независим от изменений тона и длительности. Ученик, повторяя за учителем слово, никогда не произнесет его с интонацией учителя. Например, *Скажи: волк. — Волк*. Просьба учителя носит характер «провокации», почти вопроса. Поэтому на интонацию напряженную, побудительную ученик отвечает интонацией расслабленной, успокаивающей. Кроме того, точное повторение требуемого слова произведет впечатление механического повторения, и реплика ученика, лишённая индивидуальности, не будет выглядеть фразой.

III

Мы уже говорили, что, с объективной точки зрения, последовательные изменения тона, длительности и интенсивности, составляющих интонацию, параллельны последовательности слогов в фразе. Всякий раз, как речевой поток приостановлен, слог, непосредственно предшествующий паузе, интонируется особо: по своим тону, длительности и интенсивности он отличается от того слога, каким бы он был, если бы речевой поток продолжался. В этом легко убедиться, наблюдая, например, за тем, как школьный учитель, читая диктант, заканчивает каждое слово, после которого он предполагает сделать паузу, конечно, в той степени, в какой он стремится сохранить интонационное единство фразы.

Нам не важны точные звуковые характеристики слога, отмеченного явлением, которое мы называем *полукаденция*. Тем не менее кажется, что слог в позиции полукаденции короче, чуть выше и немного интенсивнее, если только он уже не находится под ударением, так как в этом случае он, наоборот, несколько ослаблен. Главное, что в позиции полукаденции слог имеет особый вид.

Это явление имеет очень большое значение для организации фразы.

Известно, что при несколько ускоренном темпе речи паузы как между фразами, так и внутри фраз, могут отсутствовать. Однако явления, аналогичные полукаденции, о которых речь пойдет ниже, неизбежно предшествуя любой паузе, как виртуальной, так и настоящей, становятся ее сигналом и вместе с тем эквивалентом.

Пауза как фонологический элемент никогда не нарушает единицы смысла. Из этого следует, что и полукаденция затрагивает не материальную сторону слога, а содержание единицы смысла. Таким образом, мы оказываемся не перед цепью слогов, как это только что казалось, а перед цепью, составленной единицами смысла, границы которых отмечены полукаденцией в соединении с паузой или без оной. Если бы все останавливалось на этом, наша речь представляла бы собой монотонную, однообразную последовательность единиц смысла, расположенных в одном плане. Установленные таким образом членения оказались бы лишь зачатком дифференциации. Настоящая дифференциация должна одновременно отделить фразы друг от друга, оценить взаимную важность единиц смысла внутри фразы, наконец, позволить отличить вопрос от ответа, не говоря уже об оппозиции между интел-

лектуальной, волеизъявительной и эмоциональной фразами, которая опирается на эту дифференциацию.

Мы установили в первой главе различие между двумя типами интонации, а именно: 1) напряженная, или возбудительная интонация, и 2) интонация расслабления, или успокаивающая. Рассматриваемая в этом аспекте природа полукаденции представляется двойственной: если, с одной стороны, она указывает на остановку, то в то же время она предупреждает, что эта остановка не является концом фразы и что после нее речь возобновляется. Фонология фразы использует почти естественное явление полукаденции, отдавая предпочтение то одному, то другому из двух видов элементов, которые выступают в комбинации друг с другом. Для того, чтобы отметить конец фразы, используется усиление элементов, соответствующих интонации расслабления, успокаивающей. Это *каденция*. Чтобы различить члены фразы, продолжая связывать их один с другим, предыдущий с последующим, прибегают, напротив, к элементам интонации напряженной, призывной. Это то, что мы назовем *антикаденцией*.

В последующих фразах вертикальной чертой отмечены границы членов фразы, границы, установленные голосом при помощи антикаденций: *A вот рыба | которая недосолена | её соль нехорошо взяла | она жирная | обязательно червячок заведётся. — So diese Fische | schlecht gesalzen | das Salz hat sie nicht durchdrungen | sie sind fett | ganz gewiß kommen Würmer hinein. — Now these fishes | which have not been sufficiently salted | the salt has not taken them | they are fat | of course there will be worms. — Vedi il pesce | non è stato salato bene | il sale non è penetrato | è grasso | andrà a male. — В ближней деревне | проснулись бабы и шли за водой | мужики несли корм с гумен | дети кричали и плакали. — Tout s'éveillait au village | les femmes allaient au puits | les paysans portaient aux bêtes leur fourrage | des enfants criaient | d'autres pleuraient. — Im nahen Dorfe | erwachten die Weiber und gingen um Wasser | die Bauern trugen Futter für die Tiere | Kinder schrien und weinten.*

Сравнивая антикаденции с каденциями, можно сразу заметить, что первые вызывают наше внимание, держат его в напряжении и указывают, что что-то должно произойти, чтобы удовлетворить наше ожидание. Чем дольше это ожидание, чем больше накопление новых антикаденций задерживает удовлетворение, тем в большем напряжении находится наше внимание. Наконец, с начала последнего члена фразы происходит разрядка, которая заканчивается положением отдыха. Это каденция.

Следует особо подчеркнуть абсолютную аналогию между интонацией вопроса и интонацией антикаденции. И та, и другая восходят к одному и тому же типу возбудительной, или напряженной интонации. Функцией обеих является пробудить наше внимание и настроить его на ожидание. Напротив, члены фразы, которые ведут к каденции, можно сравнить по их интонации с ответом, следствием предшествующего напряжения, которое мы приравняли к чему-то вроде вопроса.

Мы позволим себе прибегнуть к образу и сказать, что интонационная кривая фразы напоминает хорошо скрученную пружину, готовую в любой момент раскрутиться. То, что мы называем полукаденцией, это, так сказать, сила инерции, готовая проявить себя в любой точке, где может произойти разрыв (вспомним паузы в диктанте). Членение фразы как раз напоминает эти разрывы. Чтобы не разбивать единство интонации того, что должно быть единицей коммуникации, необходимо скручивать заново каждый кусок, который только что раскрутился, и нужно немалое усилие для того, чтобы победить сопротивление сломанной пружины. Антикаденция обязательно должна быть более энергичной, чем полукаденция.

Трансформация полукаденции в антикаденцию производится путем повышения тона. Так, в двух первых членах фразы цитированного примера тон явно восходящий:

_____ / _____ / _____ / _____
 а вот рыба | которая недосолена; so diese Fische | schlecht gesalzen,

тогда как не менее ясно, что он нисходящий в последнем члене:

_____ / _____
 обязательно червячок заведётся; of course there will be worms.

Однако в фразе, как и в каждом члене фразы, кроме тона имеется также *интенсивность*. Их вершины стремятся совпасть¹⁰, направление

¹⁰ «Мелодическая кривая более или менее соответствует кривой интенсивности» (P. Verrier. *Essai...*, p. 10, [см. примеч. на с. 252]). «Изменение интенсивности всегда влечет за собой изменение длительности и часто высоты: обратное же неверно. Но часто один из трех параметров занимает место другого, компенсируя его, а наш слух не всегда достаточно тонок, чтобы определить точно, что приходится на долю каждого» (M. Grammont. *Le Vers français, ses moyens d'expression, son harmonie*, 2e éd., Paris, 1913, p. 102).

тона от этого может меняться, не теряя при этом своего специфического характера. Так, во втором члене фразы: *которая недосóлена* фонологическая вершина (одновременно и тона и интенсивности) находится на слоге *-сó-*, а все, что следует за этим, представляет нисходящее движение тона. Однако, поскольку явление интонации затрагивает единицы смысла, а не слоги, внимание говорящих концентрируется на фонологической вершине члена в целом и слоги *-ле-на-* как таковые не существуют для сознания говорящих. В члене фразы: *ее сóль нехорошо взяла* фонологическая вершина расположена в самом начале этой единицы смысла, так, что после короткого, но резкого подъема *-ее сóль-* следует длинный, но быстрый спад, который, однако, не заканчивается каденцией. Несмотря на это, впечатление интонации возбудительной остается.

В движении тона главным является *интервал*, т. е. величина расстояния между вершиной тона и его средней линией. Вопрос и ответ, не говоря уже о выражении приказа и просьбы, характеризуются главным образом разницей интервалов. Так, в члене *ее сóль нехорошо взяла* интервал — одна из разновидностей напряженной интонации, и этого достаточно, тем более что в конце этого члена фразы нет ни каденции, ни простой полукаденции.

Этот пример позволяет нам понять и роль *интенсивности* в интонации. Каждая единица смысла в обязательном порядке имеет вершину интенсивности, называемую *логическое ударение*. (По этому поводу часто употребляют термин «грамматическое ударение», но мы не будем пользоваться им, поскольку твердо убеждены, что интонация не имеет ничего общего с грамматикой.) Обычно вершина тона и вершина интенсивности стремятся совпасть, и последняя служит точкой опоры для мелодики. Если в рассмотренном примере перенести логическое ударение к концу, что вполне возможно, и сказать: *ее сoль нехoрoшo взяла́*, мелодический рисунок (а в какой-то мере и смысл) изменится, но возбудительное значение интонации при этом, конечно, не портится.

В языках, где порядок постоянный, мелодика фразы также должна быть более или менее неподвижной: одно обуславливает другое. По-русски в вопросе *Ты был вчера в театре?* можно акцентировать по очереди каждое из четырех слов, и таким образом получить четыре вопросительные фразы с различной мелодикой. По-французски надо будет изменить порядок слов: *C'est toi qui as été hier au théâtre? Tu as bien été hier au théâtre? C'est hier que tu as été au théâtre? C'est au théâtre que tu as été*

hier? * — ударное же слово во всех четырех вопросах находится в одном и том же месте, и мелодике не приходится следовать за переносом ударения, как это наблюдается в русском языке.

Приведем еще несколько примеров, чтобы показать важное значение интервала, независимо от места, которое ему отводит логическое ударение. В вопросах: *Tu es prêt?* направление тона восходящее. Но в вопросах: *Zděsь она? Que vois-tu?*, несмотря на нисходящее направление тона, вопросительный характер интонации остается, потому что он определен величиной интервала, а не его местом в фразе. Кажется также, что как в ответе, так и в вопросе каденция будет одна и та же всякий раз, когда фонологическая вершина сильно удалена от конца фразы. Так, ср. *Это ты заходил ко мне вчера?* и *Я не заходил к тебе вчера.*

Следовательно, характер интонации в первую очередь определяется характером интервала. В вопросе интервал больше, в простом ответе его величина меньше. Присутствие или отсутствие каденции становится, следовательно, вторичным. Как вопрос, так и ответ могут завершаться фонологической вершиной фразы: *Ты придёшь? Tu viendras?* — *Я иду гулять; Je viendrai.* В этих случаях отсутствие полукаденции (как и антикаденции) достаточно отмечает конец фразы. Это каденция в нулевой степени.

Можно также наблюдать чистую интонацию, освобожденную от семантических пут. Широкое поле предоставляют исследователю поистине алгебраические символы фраз, которыми являются различно интонируемые *gm, ugu; hm, hum, hein?* и т. д. Почему не прибавить к этому также наблюдения над тем, как мы интонируем цифры, например, *48.875•43?* Восходящая интонация первого «члена фразы» заканчивается антикаденцией, тон продолжает подниматься в следующем члене, чтобы достигнуть на 5 вершины фразы; отсюда после паузы тон спускается, и на 3 наблюдается каденция. Так мы проинтонировали *48.875•43* как ассертивную фразу. Мы можем также интонировать ее и как вопрос.

Часто говорят, что *логическое ударение* состоит в простом усилении уже ударного слога. Это сомнительно. Потому что для слушателя слово целиком и даже группа слов, образующих член фразы, в своем ансамбле принимают особый рельеф. Кроме того, кажется, что логичес-

---

* [Ты был вчера в театре? — Ты был вчера в театре? — Ты был вчера́ в театре? — Ты был вчера в теа́тре?].

кое ударение не влечет за собой никаких последствий для тембра гласных, который уже определен обычным ударением слова. Мы говорим *её соль нехорошо взяла* или *конь шажком плетётся*, не редуцируя *о*, не несущие на себе логическое ударение. Должна существовать природная разница между ударением слова и логическим ударением. Это последнее соответствует напряжению дополнительной интенсивности, распределенной более или менее равномерно на всем слове или на всем члене фразы, если только ему не противодействует побочное ударение, как в случае *её соль нехорошо взяла*; это было бы лишь подтверждением нашего убеждения, уже неоднократно сформулированного, что явления интонации затрагивают исключительно единицы смысла. Прибавим к этому также побочное ударение в составных словах (*трёхугóльный, вóдодóз*). Оно относится к семантике и представляет черты, аналогичные с логическим ударением; отсюда, возможно, тот факт, что слог в «3-й позиции» (см. главу II) вовсе не редуцирован.

IV

Любая не слишком короткая интеллектуальная фраза стремится расчлениваться на две части или на два члена фразы. Таким образом, создаются две фонологические вершины, разделенные паузой, первая из них превосходит вторую как по высоте, так и по интенсивности. Направление тона в первой части восходящее, а во второй нисходящее. Например: *На угловом стóлике* || *я увидел лáмпу* или *Я увидел лáмпу* || *на угловом стóлике*; *Auf einem Ecktisch* || *sah ich eine Lampe* или *Ich sah eine Lampe* || *auf einem Ecktisch stehen*.

Можно поменять местами эти две части фразы, интонация останется такой же. Здесь, как и в ряде других мест, членение коммуникативной единицы на единицы смысла не всегда дано объективно. В определенных границах мы можем перемещать антикаденции, разделяющие члены фразы. Вот два возможных членения следующей фразы: *В ближней деревне* || *проснулись ба́бы и шли за водой* | *мужики несли ко́рм с гумен* | *дети кричали и плакали* или *В ближней деревне* || *проснулись ба́бы* | *и шли за водо́й* | *мужики́* | *несли ко́рм с гумен* | *дети* | *кричали и пла́кали*. — *Im nahen Dorfe* || *erwachten die Weiber und gingen um Wasser* | *die Bauern trugen Futter für die Tiere* | *Kinder schrien und weinten* или *Im nahen Dorfe* || *erwachten die Weiber* | *und gingen um Wasser* | *die Bauern* | *trugen Futter für die Tiere* | *Kinder* | *schrien und weinten* и т. д. Часто мы можем вовсе не членить фразу. Это зависит в основном от распространенности фразы, а также от место-

нахождения фонологической вершины. Однако чем лучше «фразировка» коммуникативной единицы, тем легче ее понять.

Короткую фразу трудно членить. Но именно в короткой фразе, эквивалентной только одному члену фразы, оппозиция между вопросом и ответом выступает со всей очевидностью, не будучи затемненной присутствием антикаденций.

Возбудительный характер вопросительной интонации, которая напоминает увеличенную антикаденцию, препятствует тому, чтобы вопрос был понят как вполне законченная фраза. С точки зрения диалога, т. е. с точки зрения отношений между двумя говорящими, вопрос является лишь членом фразы, несущим главное ударение, за ним должен следовать другой член фразы с дополнительным ударением, несущим каденцию. Но, конечно, само собой разумеется, что для говорящего вопрос — это фраза вполне законченная, потому что она выражает то, что он хотел сказать. Примерно так же обстоит дело в отношении ответа.

Чем больше часть интеллекта в диалоге, тем больше диалог теряет характер простого обмена репликами: вопрос — ответ. Фраза же, которая отражает определенное развитие мысли, преодолевает оппозиционный и односторонний характер реплики, синтезируя в своей структуре одновременно вопрос и ответ.

Мы уже показывали, как в речи людей из народа формируется фраза, соответствующая номинативному предложению. «Их внешняя речь гораздо точнее, чем речь образованных людей, воспроизводит процесс внутренней речи. На вопрос *Что́ такое лебедь?* (лучше *Что́ это: лебедь?*) человек из народа ответит, повторяя вопрос: *Ле́бедь? Пти́ца та-кая*. Восходящая интонация вопроса выражает эту выжидательную позицию, которая предшествует в нашем подсознании любому формированию мысли. Нисходящая утвердительная интонация соответствует предикату, найденному ответу. Эти две интонации объединяются так, чтобы с ритмико-мелодической точки зрения образовать только одну фразу. В нашей интеллектуализированной речи остается только одна мелодическая линия — восходящая в части, соответствующей субъекту, и нисходящая в части, соответствующей предикату»¹¹.

Возвращаясь к разделу фразы, мы можем теперь сказать, что членение начинается противопоставлением доминирующего в антикаден-

---

¹¹ «Система русского глагола», с. 131 [с. 159 наст. изд.].

ции основного ударения ударению дополнительному, ведущему за собой каденцию; первое всегда предшествует второму на прямой фразы. Мы имеем здесь дело с первыми членами фразы, выделяющимися из целого. В прогрессивном движении членения каждый из членов, в свою очередь, может быть расчленен на более мелкие, и это может продолжаться до тех пор, пока членение не будет остановлено границами слова.

Раздел фразы (мы употребляем здесь этот термин только для обозначения членения фразы на две части) не имеет ничего общего ни с различием субъекта и предиката, ни с какой-либо оппозицией грамматических единиц вообще. Мы также предпочитаем избежать столь плохо определенных и столь сильно себя скомпрометировавших терминов, как психологические субъект и предикат. Нам, кстати, они и не нужны, потому что лингвиста интересует формальная структура, а не психологическое содержание. Следующие примеры как нельзя лучше покажут, как разнообразны психологические и грамматические явления, которые должны быть отражены отношением между главным и дополнительным ударениями. Мы приводим здесь примеры, взятые из различных языков: русского, польского, чешского, французского, итальянского, немецкого, английского, китайского и венгерского, и даем иногда одну и ту же фразу, переведенную на несколько языков. *Пройдёт дождь* || *пойдём гулять*. — *Только взошли цветы* || *а мороз и удасть*. — *Я сказа́л* || *что завтра уезжа́ю*. — *Мы подошли к скамье* || *стоявшей у дерава*. — *Рыбы плавают* || *а птицы летают*. — *Уста́лые* || *мы вернулись домой*. — *Не понима́ю* || *как вы мо́жете так рассу́ждать*. — *Буду здоро́в* || *пойду завтра в теа́тр*. — *С ми́лым* || *рай и в шалаши́*. — *С милым рай* || *и в шалаши́*. — *Бы́ть бычку* || *на верёвочке*. — *Во́лк* || *сёр*¹². — *Se fa bel tempo* || *andremo a passeggiare*. — *Andremo a passeggiare* || *se fa bel tempo*. — *Большой пожа́р* || *вспыхнул вчера но́чью*. — *Вчера но́чью* || *вспе́ыхнул большо́й пожа́р*. — *Wielki pożar* || *wybuchł wczora w noc*. — *Wczora w noc* || *wybuchł wielki pożar*. — *Ohromný požár* || *vypukl u nás v městě* | *před několika dny*. — *Před několika dny* | *ohromný požár* || *vypukl u nás v městě*. — *Eine große Feuersbrunst* || *gestern*. — *Gestern* || *erstand eine große Feuersbrunst*. — *A big fire* || *broke out last night*. — *Last night* || *broke out*

¹² Когда член фразы содержит всего лишь один слог, интервал реализует восходящее движение или нисходящее в рамках этого единственного слога, который удлиняется и разделяется на две *моры*, из которых одна выполняет функцию фонологической вершины. По В. Богородицкому (указ. соч., с. 298) в сочетании *Волк сёр* последнее слово содержит интервал *ре-ля бемоль*.

a big fire. — Un grand incendie || a éclaté la nuit dernière. — La nuit dernière || un grand incendie a éclaté | près de chez nous. — Un grande incendio || è scoppiato la notte scorsa. — La notte scorsa || è scoppiato un grande incendio. — Tegnap este || nagy tüz ütött ki. — Nagy tüz ütött ki || tegnap este и т. д.

Таких примеров можно найти бесконечно много, но нужно ли? Тех, что мы только что привели, вполне достаточно. Они сразу доказывают несколько положений. Мы делаем вывод, что раздел фразы не является грамматической операцией. Это также не логическая дифференциация. Можно ли говорить здесь о психологии? Нам кажется лучше обратиться к психофизиологии. Естественно, что любое напряжение имеет свое начало и конец и что между этими двумя полюсами напряжение распределяется не равномерно. Лингвистическая мысль использует этот факт и различает как единицу коммуникации, так и кривую напряжения таким образом, что неравным по значимости единицам смысла соответствует неравное по степени напряжение на участках звуковой прямой.

Речь идет, следовательно, о явлении, касающемся языка вообще, а не некоторых отдельных типов языков. Поэтому нас ничуть не удивило, что мы смогли констатировать его не только в индоевропейских языках, но также в венгерском и в китайском. Наши личные наблюдения позволили нам различить напряженную интонацию вопроса (*ǰy wō tǎ, Это я?*) и расслабленную интонацию ответа (*ǰy wō, Это я*). Этого было достаточно, чтобы заключить, что ассертивная фраза в китайском языке будет иметь структуру, аналогичную этим фразам в других языках, которые мы изучали. Опыт подтвердил наш вывод. Действительно, интонация фразы *A big fire broke out last night*, переведенная на китайский и на японский языки, легко позволила обнаружить членение, противопоставляющее напряжение расслаблению. Мы не рискуем уточнять, благодаря какому приему эта оппозиция проявляется в китайском языке и какая доля здесь приходится на тон, интенсивность, длительность и т. д. Мы не зададимся этим вопросом и по отношению к другим языкам, кроме русского, боясь перенести наши собственные фонологические привычки в языковые системы, где фонология стоит на других основах¹³.

¹³ Отчет Е. Поливанова, зачитанный на фонологическом собрании в Праге, как раз предупреждал об опасностях, которые подстерегают лингвиста на каждом шагу. Мы приведем здесь лишь один пример такого субъективного восприятия. Японец смешивает фонетически слово *драма* и *дорама* или *зура*

Воспользуемся случаем, чтобы еще раз напомнить, что здесь нас интересует членение интонации, а не приемы, которыми она реализуется. Эти приемы, безусловно, меняются от одного языка к другому; они меняются, хотя и в меньшей степени, даже между различными планами одной языковой системы. Но их изучение не является предметом исследования, которое мы ведем здесь.

Вернемся снова к разделу фразы, чтобы попытаться объяснить взаимоотношения между двумя ее частями.

Возбудительная интонация первой части обуславливает «успокаивающую» интонацию второй части. Первая часть недостаточна сама по себе, и, чтобы было построено целое, она вызывает вторую часть. (Мы вернемся ниже к этому первому членению фразы, членению, так сказать, «количественному», потому что оно может быть сведено к оппозиции целого и его части.) Из этого следует, что вторая часть имеет смысл лишь как дополнение к первой. Однако ни в коем случае нельзя сказать, что она «подчинена» первой: наши примеры слишком хорошо показывают, что это понятие здесь вовсе неуместно. С большим основанием можно было бы рассматривать ее как функцию первой части. Действительно, именно первая часть в некоторой степени определяет характер интонации другой, так, например, усиление или ослабление напряжения в первой вызывает изменения в интонации во второй. Мы будем теперь называть эти основные части фразы как *восходящая* часть и *нисходящая*, чтобы избежать каких-либо других более навязчивых терминов, и не будем больше пользоваться этими эпитетами для обозначения двух типов интонации.

Говоря о тоне и интенсивности на службе фразы, мы обошли молчанием роль *длительности*. Это потому, что, за исключением полукаденции, нам не пришлось наблюдать этот параметр в действии. Как всегда вопрос, который стоит перед нами, касается не длительности слогов, а *tempo*, зависящего от скорости произношения различных единиц смысла в одной и той же единице коммуникации.

Мы не думаем, что этот элемент играет дифференцирующую роль в разделе фразы. Но кажется вполне возможным, что длительность и

ма, так как в его родном языке не существует групп согласных. Но насколько подобного типа опасность больше, когда речь идет об интерпретации явлений столь тонких, как те, которые имеют отношение к интонации иностранного языка!

темп «нисходящей» регулируются по длительности и темпу «восходящей», и что в этом отношении наблюдается стремление к установлению некоторого равновесия между двумя частями, если только слишком большая диспропорция в размере обеих частей не делает это равновесие невозможным. Но если бы было и так, это был бы все-таки лишь факт сосуществования, экстрафонологический, как и некоторое изменение *tempo* при приближении каденции, которое мы наблюдаем в фразах, где нисходящая очень расчленена.

V

После раздела фразы ее членение может продолжаться в обеих частях, хотя обычно восходящая структура более сложная, чем нисходящая.

Напряжение в первой части, так же как расслабление во второй, идут обычно непрерывно, одно *crescendo*, другое *decrescendo*. Но бывает также, что одно или другое, либо оба оказываются прерванными в их развитии.

Мы уже знаем, что в какой бы части фразы ни была реализована антикаденция, присоединение последующего члена к предыдущему происходит посредством особого движения напряжения; и мы также знаем, что не существует прямого способа присоединения одного члена фразы к предыдущему. Из двух соседствующих членов фразы именно первый несет в себе марку их связи (антикаденцию); второй никак не проявляет своего присоединения к предыдущему. Поэтому начало фразы или члена фразы не имеет никакой фонологической значимости, можно сказать, что фраза выходит из небытия. Это не что иное, как проявление «прогрессивного» характера интонации. Антикаденция заставляет думать о мгновенном увеличении напряжения в одной точке интонационной кривой, требуя расслабления в следующей точке. Однако вместо этого может прийти новая антикаденция, задерживая ожидаемое расслабление. Именно это мы наблюдаем в следующей фразе: *Я не понимаю | как вы | с вашей добротой | можете так поступать || и ещё хвалиться этим. — I don't see | how you | with all your goodness | can act like that || and be proud | of what you have done.* По нашим наблюдениям в различных языках: во французском, итальянском, румынском, немецком, польском, чешском, венгерском, китайском и японском — эта фраза будет иметь одинаковую структуру последовательно расположенных, т. е. градуированных, этапов напряжения.

Членение, которое мы здесь рассматриваем, конечно, членение *качественное*. Исходящие из него оппозиции никак не могут быть приведены к оппозиции понятий целого и части. Теперь речь идет о расположении единиц смысла в одной единице коммуникации в определенной перспективе в зависимости от их относительной значимости. Но только требования «ситуации», в определенном нами лингвистическом смысле этого слова, служат критерием для оценки этой значимости.

Это членение приводит лишь к четырем категориям перекрещивающихся отношений: понятие *равенства*, включающее отношения 1) *тождественности* (открытая серия) и 2) *контраста* (закрытая серия), и понятие *неравенства*, которое приводит к отношениям 3) *градации* (открытая серия) и 4) *контраста* (закрытая серия).

В архитектонике системы эти категориальные оппозиции соответствуют четырем следующим видам структурных отношений: 1) *симметрия* (контрастное равенство), 2) *асимметрия* (контраст по неравенству), 3) *повторение* (открытая серия равенства) и 4) *градиация* или последовательное расположение (открытая серия неравенства).

Теперь следует спроецировать на *прямую* те оппозиции, которые мы только что установили исходя из *плоскости*.

Напомним еще раз, что фраза — это распределенное по одной прямой напряжение, движение которого может происходить только в одном-единственном направлении, не имея возможности вернуться назад, потому что, как мы сказали, характер интонации прежде всего *прогрессивный*. Оппозиции, выраженные интонацией, будут неизменно носить характер оппозиций последующего к предыдущему, того, что актуализуется, к тому, что актуализовано, настоящего к прошедшему.

Мы сможем констатировать, что членение фразы приводит к противопоставлению четырех типов интонации, аналогичных четырем видам отношений, которые мы только что отметили. Мы называем их: 1) *интонация симметрии*, 2) *интонация асимметрии*, 3) *интонация тождественности* и 4) *интонация градации*. В любом языке интонация разнообразных интеллектуальных фраз ограничивается этими четырьмя типами в их различных комбинациях.

Само собой разумеется, что категориальные оппозиции, к которым восходят четыре типа интонации, не предстают в языке в таком виде. Реальный диалог, среда, в которой находится фраза, приводится в движение волеизъявлениями и эмоциями и ничем не напоми-

нает, хотя бы немного, сцепление идей в чистом виде. Спонтанное членение коммуникативной единицы часто приводит к созданию едва намечившихся «единиц смысла», с расплывчатыми контурами. Их отношения между собой представляют целую гамму переходных этапов от одной качественной категории к другой.

Естественно, что самая главная из всех — это интонация *симметрии*, которая противопоставляет восходящую часть нисходящей и главенствует над всеми другими возможными различиями в интонации той же фразы.

Симметрия есть бинарная оппозиция, члены которой расположены по обе стороны оси, но не являются одинаковыми, как раз из-за их распределения в двух противоположащих плоскостях. Так две руки одного и того же человека симметричны, не будучи одинаковыми, и если их перенести на одну плоскость, они составили бы пару членов, контрастирующих по неравенству. Можно сказать, что симметрично расположенные члены повторяются один как отражение другого в противоположных планах.

Едва ощутимая в маленьких фразах типа *Волк сев*, роль интонации симметрии возрастает по мере того, как фраза усложняется (ср.: *Si tout le monde se mettait à étudier || il n'y aurait plus personne pour labourer la terre*), чтобы в конце концов стать мощным организатором торжественного ораторского периода, как у Боссюэ: (*Monseigneur*,) *Celui qui règne dans les cieux | et de qui relèvent tous les empires, | à qui seul appartient la gloire, | la majesté | et l'indépendance || est aussi le seul qui se glorifie de faire la loi aux rois | et de leur donner quand il lui plaît | de grandes et de terribles leçons.*

Из любви к симметрии автор приводит обе части фразы в полное равновесие. В силу длины и сложности обеих частей требуется, чтобы слово *indépendance*, составляющее фонологическую вершину фразы, было произнесено на очень высоком тоне и очень громко. Иначе трудно, чтобы не сказать невозможно, осуществить голосом спуск от одной антикаденции к другой. В этом и заключается стиль барокко: торжественный, симметричный и продуманный вплоть до заранее подготовленных и рассчитанных затей.

Обе фонологические вершины, на оппозиции которых основана симметричная интонация, стремятся сблизиться как можно больше, так чтобы между ними оказывалась только пауза раздела. Заметим, что пауза, будучи частью интонации, не составляет автономного элемента, но входит в расчет длительности и темпа члена фразы, который за

ней следует. Теоретически фонологическая вершина фразы располагается непосредственно перед паузой раздела, и, как только кульминационная точка напряжения достигнута, начинается расслабление, потому что пауза входит в состав нисходящей линии. Но практически фраза двухвершинна, хотя вторая вершина никогда не достигает высоты первой. Сближение двух вершин не всегда возможно, потому что слово, несущее логическое ударение, может находиться удаленным от паузы раздела. Это именно то, что мы наблюдаем в уже приведенной фразе: *Я не понимаю | как вы | с вашей добротой | м ó ж е т е так поступать || и ещё х в а л и т ь с я этим*. Вот как интонация устраняет это препятствие. Восходящее движение кривой интенсивности останавливается на слове *можете*, тогда как мелодическая кривая продолжает восхождение, чтобы достигнуть кульминационной точки на слове *поступать*. И точно так же происходит во второй части, где высота тона удерживается на одном уровне до тех пор, пока интенсивность стремится достигнуть второй вершины фразы в слове *хвалятся*; с этого момента обе кривые совпадают в своем нисходящем движении. Таким образом, между конечной точкой восхождения и начальной точкой нисходящего движения оказывается только пауза раздела. К тому же вполне возможно, что в этих двух точках напряжения, где интенсивность ослаблена, а резкость звука за счет высоты усилена, *tempo* ускорен. Для сознания говорящего важно не то, что каждая фонологическая вершина раздвоена на вершину интенсивности и вершину тона, а тот факт, что кульминационная точка напряжения каждый раз находится в пределах одного и того же члена фразы.

Сравним великолепную фразу Боссюэ со следующими фразами: *Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок || длинный | длинный непомерно* (Гоголь) и *Doutant qu'aucun profit revient à l'homme de toute la peine qu'il prend sous le soleil || il ne se donnait jamais aucun mal* (А. France). Полного равновесия ораторской фразы здесь не наблюдается, но симметричный характер интонации остается, потому что он зависит лишь от оппозиции «восходящая линия — нисходящая линия», относительная длительность обеих частей — дело второстепенное. Симметрия интонации, несмотря на кажущуюся несвязность, присутствует и в реалистической, даже натуралистической фразе Л. Толстого («История лошади»), столь контрастирующей как с барочной фразой Боссюэ, так и с романтической фразой Гоголя: *Но вдруг, совершенно неожиданно и без всякой причины, Нестер, предполагая, может быть, что слишком большая фамильярность может дать ложные о своём значении мысли пегому*

мерину, Нестер без всякого приготовления оттолкнул от себя голову мёртина || и, замахнувшись уздой, очень больно ударил мерина пряжкой узды по сухой ноге и, ничего не говоря, пошёл на бугорок к пню, около которого он сиживал обыкновенно. Стремясь стать в оппозицию к эпигонам романтизма, Л. Толстой умышленно противопоставляет их «легкой фразе» свою собственную «затрудненную фразу», главная «трудность» которой заключается именно в ее усложненной структуре, не учитывающей в достаточной степени интонационного членения. Эта фраза сделана больше для глаза, чем для уха, и, тем не менее, мы можем различить в ней две вершины.

Анализируемая фраза не может быть произнесена на одном дыхании, нам приходится, и не один раз, останавливаться для передышки. Но внимательно наблюдая за связной речью¹⁴, мы замечаем, что фразы также не приставлены друг к другу; как и члены фразы, они сцеплены между собой, и предыдущая фраза, изменяя свою каденцию, заставляет ждать продолжения. Настоящая каденция, отмечающая подлинный конец, появляется лишь в конце группы фраз, образующих высшую единицу по отношению к простой «коммуникативной единице», субстрат фразы. «Фраза» Л. Толстого как раз и относится к этой высшей единице, к «группе фраз», но ее пунктуация ошибочна.

Мы нарочно выбираем литературные примеры. Авторы романов при написании или чтении (Гоголь, как и Флобер, перед тем, как зафиксировать фразы на бумаге, на разные лады произносили их), используют для построения своих фраз те же элементы, которые нам поставяет спонтанная интонация, утончая, оттачивая или преувеличивая их. Именно это позволяет нам извлечь ценные данные о противопоставлении друг другу различных типов интонации.

Неправильно было бы думать, что, когда нам надо выразить логическую оппозицию в пределах одной части фразы, мы делаем это посредством симметричной интонации. Эта интонация всегда противопоставляет члены, расположенные по обе стороны паузы раздела. Ни восходящая линия, ни нисходящая не может быть сломана и представлена разнонаправленным движением. Следующие фигуры

¹⁴ М. Вейнгарт прав, когда обращает внимание на это положение в своей статье.

невозможны! В фразе: *Я куклу одеваю || а сама всё слышу аю | какие страсти дьячиха рассказывает*, только приведенное нами членение и возможно, если только не слить в одном восходящем движении два первых члена, отдавая на откуп логике различие в их оппозиции: *Я куклу одеваю, а сама всё слышу аю || какие страсти дьячиха рассказывает*. По тем же причинам поговорка *Зацепил || поволок ☐ сорвалось || не спрашивай* должна была бы писаться в две фразы. Само собой разумеется, что эти фразы объединены интонационно и что вторая представляет ослабленную копию первой.

Во вторую очередь следует рассмотреть интонацию *градауии*.

Мы уже видели очень характерный образец этой интонации в фразе: *Я не понимаю | как вы | с вашей добротой | можете так поступать || и ещё хвалить ся этим; Non capisco | come Lei | colla sua bontà | possa agire in questo modo || e per giunta gloriarsene; Ja nie pojmuje | jak ty przy swojej dobroci || możesz tak postępować || z jeszcze się tem chwalić; Nechápu | jak vy | při vaší dobrotě | můžete takto jednat || a ještě se chválit; Ich kann es nicht begreifen | wie Sie | ein so guter Mensch | auf diese Art vorgehen || und sich damit noch brüsten können* и т. д.

За исключением интонации симметрии все прочие могут обслуживать лишь прямолинейное членение — восходящее или нисходящее.

В нашем примере речь идет о расположении в восходящей части единиц смысла, которые не являются ни контрастирующими ни идентичными, а аналогичными. Прямолинейный характер движения не страдает от разделения на последовательные элементы, потому что напряжение постоянно идет *crescendo* и гарантирует и даже усиливает единство этого движения. Фонологические вершины членов фразы следуют друг за другом с постоянным увеличением интенсивности. В трех первых членах русской фразы вершина располагается непосредственно перед паузой и вовсе не наблюдается антикаденции, ее функцию выполняет интервал. Это также обеспечивает постоянное вечно нарастающее напряжение тона, который достигает, как мы уже видели, своего максимума на слове *поступать*.

Если мы попытаемся на третьем члене фразы перенести логическое ударение к началу (*Я не понимаю | как вы | добрый такой всегда | можете так поступать || и ещё хвалить ся этим*), мы отметим уже знакомое явление раздвоения фонологической вершины; кривая тона будет продолжать свое восхождение, и слово *добрый* будет произнесено на менее высоком уровне, чем слово *всегда*, конечно, если только не сделать на нем упор, чтобы приостановить восхождение тональной

кривой, что привело бы к волеизъявительной интонации (ср. *Выбросить это вон!*). Отметим также, что *tempo* в члене *[дóбрьй такой всегда]* ускорен, как если бы наблюдалось стремление сократить до минимума расстояние, разделяющее два пика одной и той же фонологической вершины. Также вполне возможно, что под влиянием эмоции логическое ударение четвертого члена, которое одновременно является логическим ударением фразы, соединится с тоновым ударением и что оба встретятся на слове *поступáть*.

Интонация градации может также членить и нисходящую линию, примером этого служит фраза Боссюэ. Здесь речь идет скорее о «деградации»: тон и интенсивность понижаются по степеням, но так, чтобы поддержать постоянное *decrecendo*, преодолевая антикаденции.

Между членами одной градуированной серии нет других «оппозиций» кроме различия в интенсивности между фонологическими вершинами; эта разница объясняется позицией вершин на наклонной (восходящей или нисходящей), а не на горизонтальной линии напряжения.

Из проведенного нами анализа складывается впечатление, что с фонологической точки зрения в структуре каждого члена фразы наблюдается стремление сконцентрировать максимум напряжения к концу, непосредственно перед паузой, которая, как мы знаем, относится к структуре следующего члена фразы. Добиться концентрации напряжения сразу после паузы трудно, так как это требует подготовки, «разбега»; чаще всего мы встречаем ее в не интеллектуальных фразах. Тенденция поместить вершину напряжения в конце не может не оказать влияние на порядок слов в каждой единице смысла и в самой коммуникативной единице. Там, где это оказывается невозможным, тон, более независимый от нашего интеллекта, чем интенсивность, продолжает свое восхождение до последнего ударного слога данного члена фразы, после чего начинается антикаденция, фонологическое явление, характеризующее конец члена фразы. Возможно, что раздвоение фонологической вершины как раз и происходит от необходимости реализовать антикаденцию. Но если фонологическая вершина находится непосредственно перед паузой, это раздвоение происходит не всегда; оно также едва воспринимается там, где расстояние, разделяющее пики, очень незначительно. Если фонологическая вершина располагается ближе к концу члена фразы, то в начале может возникнуть более слабое второстепенное ударение, выраженное интенсивностью, которое послужит точкой отчета, если членение продолжится внутри

этой единицы смысла. Так, в уже цитированной фразе Л. Толстого мы легко различаем это второстепенное ударение: *оттолкну́л от себя голову мѣрина* или *очень больно ударил мѣрина прѣжкой узды по сухой ногѣ*, и этот последний член фразы может снова быть расчленен на две подъединицы, каждая из которых будет организована вокруг своего ударения следующим образом: *очень бѣльно ударил мѣрина | прѣжкой узды по сухой ногѣ*; так можно продолжать членение до тех пор, пока нас не остановят границы слова. Предел членения фразы объективно не определен: интеллектуальный анализ, предоставленный самому себе, переходя от одного плана языка к другому, может все превратить в пыль. Однако противоположная операция — синтез — препятствует разрушительной деятельности анализа и проводит интеграцию с учетом ситуации. Именно поэтому интонационное членение не идет дальше границ сложных единиц, какими являются единицы смысла; однако за этими границами вырисовываются контуры новых структур, служащих основанием для фонологии члена фразы. Напряжение фразы, наложенное, так сказать, поверх фонологических структур слов, не позволяет их вершинам, которые в русском языке являются вершинами интенсивности, прорвать линию интонации. Однако это напряжение вовсе не мешает чувствовать присутствие этих вершин на протяжении всей фразы. Вполне возможно, что существует некоторый двухдольный *ритм* в распределении напряжения поверх словесных вершин, не несущих логического ударения, как и поверх вершин членов фразы и поверх двух вершин фразы в целом. Это кажется тем более возможным, что мы уже констатировали изменения в темпе речи, регулирующие расстояние между фонологическими вершинами. Таковы, по нашему мнению, некоторые характерные черты фонологии члена фразы.

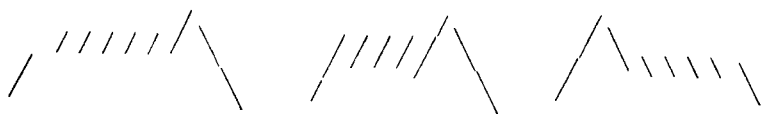
Понятию *тождественности*, естественно, соответствует идея точного воспроизведения предыдущего члена фразы. Этот вид членения не относится ни к восходящей, ни к нисходящей линии, так как, расположенные на наклонной прямой, два смежных члена будут обязательно отличаться друг от друга степенью напряженности. Следовательно, интонация идентичности может развиваться только на горизонтальной прямой или в горизонтальном плане. Временно прерванное восходящее или нисходящее движение сразу возобновится, как только серия тождественных членов будет закрыта.

В самом чистом виде интонация идентичности представлена в перечислении, где все члены серии в точности воспроизводят интона-

цию первого члена. Например, *Мелькают мимо | будки | бабы | мальчишки** | лавки | фонари | дворцы | сады | монастыри | ... балконы | львы на воротах || и стаи галок на крестах (Пушкин). — *Il songeait au déshonneur | aux chuchotements dans les cercles | aux rires dans les salons | au mépris des femmes | aux allusions des journaux || aux insultes que lui jetteraient les lâches* (G. de Maupassant). — *Zmatek na ulici byl užasný || hemžilo se to vojskem | uprchlíky | zvířaty | vozy | děly* и т. д.

Само собой разумеется, что по характеру эта интонация должна быть очень яркой, чтобы ее легко было воспроизвести несколько раз подряд и чтобы каждое последующее произнесение было тождественно предыдущему. В русском языке она характеризуется сильными ударениями интенсивности, отмечающими *rubato* и повторяющимися единообразно в течение всей серии, члены которой разделены столь же единообразными паузами. Длительность членов уравнена изменениями в *tempo*. Незначительные антикаденции наблюдаются в конце каждого члена. Наконец, интонация первого члена, закрепленная его позицией на прямой фразы, воспроизведена всеми другими членами за исключением последнего, интонация которого также определяется его позицией; это может иметь некоторые последствия для интонации предпоследнего члена.

В первой фразе последний член ведет за собой каденцию, и следовательно, должен находиться по другую сторону фразораздела, его интонация, таким образом, интонация нисходящая. Из этого следует, что предыдущий член должен возобновить прерванное после слова *будки* восходящее движение, и именно в нем и будет находиться вершина фразы. Примерно так же обстоит дело с французской фразой, но интонация чешской фразы другая, потому что серия тождественных членов расположена в ней в конце нисходящей части. Можно попытаться приблизительно схематизировать интонацию этих фраз следующим образом:

Эти рисунки, как бы несовершенны они ни были, позволяют лучше понять, что интонация идентичности может быть реализована толь-

* Мы исправляем здесь ошибку («мальчишки») в первой публикации текста.

ко в серии; присутствия двух и даже трех единиц смысла, идентичных с точки зрения логики, не всегда достаточно. Ибо интонация первого члена будет определена его позицией и то же самое может произойти с двумя последними членами. Так, если мы сократим нашу первую фразу до трех членов, мы получим: *Мелькают мимо будки | львы на воротах* || *и стаи галок на крестах* (Пушкин), т. е. интонация градации, расположенная в восходящей части. Точно то же наблюдается во французской фразе: *Il ne remuait plus | il ne relevait pas les yeux | il ne faisait pas un geste* || *il lisait | entré | disparu tout entier dans l'aventure du livre* (Г. де Мопассан). Это новые доказательства того, что интонация фразы не имеет ничего общего с логикой.

Последний тип интонации мы назвали интонацией *асимметрии**; постараемся оправдать это название. На первых порах назовем ее интонацией *нейтральной*, ибо именно так она воспринимается как на европейский, так и на китайский слух. Ее роль в организации фразы чрезвычайно важна. Именно при помощи этой интонации из двух смежных единиц смысла первая, независимо от типа ее интонации, может быть выделена за счет второй, отодвинутой на второй план. Член фразы, реализованный с нейтральной интонацией, так специфичен и нам предстоит столько говорить о нем, что необходимо дать ему имя. Рискую спутать факты, относящиеся к двум различным порядкам вещей (см. раздел VI), мы назовем его *внесение*, или *вводность*. Крайний же случай внесения — это скобки, и чтобы лучше показать особенности нейтральной интонации, мы возьмем фразу, где скобки вставлены в середине: *Стоило только за х о т ё т ь* || *казалось мне тогда* | | *чтобы всё пошло н о - и н ђ м у*. — *Il ne s'agissait que de vouloir | me semblait-il alors | pour que tout allât autrement*. — *Were it otherwise | it seems certain to all | every thing would be different*. — *Etwas guten Willen | dünkte mich damals | und die Sachen wären anders gegangen*. — *Běží jen o dobrou vůli | myslil jsem si tehdy | aby vše bylo zase v pořádku*. — *Trzeba było tylko chcieć | jak mi się zdawało | aby wszystko poszło inaczej*. — *Nem kellett volna más | mint hogy akarj | gondoltam magamban | hogy minden másképp menjen*. — и т. д.

Внесение произнесено на нейтральном тоне и контрастирует со всеми другими типами интонации. В русском языке этот эффект достигается «обесцвечиванием» интонации: тон опускается, интенсив-

---

* В «Повторительном курсе русского языка» (М., 2000, с. 131) Карцевский называет этот тип «вносная интонация».

ность слабее, *tempo* быстрый, и похоже, что эти характеристики поддерживаются без изменений на всем протяжении внесения. Две паузы отделяют его от остальной фазы. Антикаденция, которая должна присоединить к нему следующий член, едва заметна, тем более что за ней следует довольно длинная пауза. В том случае, когда другое внесение противопоставляется первому, в нем еще больше подчеркивается «нейтральный» характер тона, интенсивности и *tempo*. Так, например, у А. Ремизова мы находим прекрасный образец двойных скобок: «„Павел“ | _ говорил мой покойный отец» | _ рассказывает покойный повесть своей жизни _ | | «Павел | учи́сь играть на трубе || то́лк из тебя вы́йдет» («Северные Афины»). Вторые скобки, поставленные в двойные | _ = |, произнесены на еще более низком тоне, чем первые, в еще более ускоренном *tempo* и с интенсивностью еще более слабой. Заметим попутно, что, так как напряжение фразы, вызванное первым словом *Павел*, уже не чувствуется в момент, когда заканчиваются вторые скобки, приходится повторить это слово. Мы оставляем в стороне все эти вопросы, чтобы не обременять себя здесь деталями.

Вернемся к первому примеру и его интонации: создается впечатление, что внесение не участвует в создании напряжения фразы и может быть легко упразднено. В нашей фразе оно вставлено как раз между двумя вершинами. И именно нейтральный характер этой интонации приводит к тому, что единство фразы вовсе не страдает и обе части кривой соединяются как бы поверх внесения. Вовсе не следует думать, что наша фраза разделяется не на две, а на три части. Это было бы возможно, только если бы внесение соединялось как с предыдущим, так и с последующим или же отделялось от них с такой же силой. Однако этого не происходит. Его собственная антикаденция едва заметна, связь между внесением и тем, что за ним следует, очень слабая. По этой причине антикаденция предыдущего члена проявляет очень большую присоединительную силу и по отношению к внесению и, поверх него, к члену фразы, который за ним следует и который внесение в силу своей слабости не может присоединить само.

Нейтральная интонация противопоставляется всем другим типам интонации, не вступая в оппозицию ни с одним из них в отдельности и не имея ни одной общей характеристики с другими интонационными типами, с которыми она контрастирует. Эта интонация индифферентная, отрицательная. С предыдущим членом фразы, который ее присоединяет к себе, она составляет пару членов, контрастирующих

по неравенству. Будучи *прогрессивной*, интонация ничего не говорит нам о прошлом, но нейтральная интонация напоминает, что то, что ей предшествует, важнее, чем единица смысла, которую она представляет сама.

Именно поэтому пара, где внесение является вторым членом, заставляет думать о чем-то асимметричном.

Употребление нейтральной интонации очень разнообразно. Вот несколько образцов: *В то же время | был выгнан из училища | за глупость или другую вину | бедный уч и т е л ь || любитель т и ш и н ы | и похвального поведения* (Гоголь). — *Два молодых человека || один гимназист | кажется племянники | кр е с т ь с ь | выходили из комнаты* (Л. Толстой). — *Lorsqu'ils franchirent | un peu inquiets encore | la porte de la ville || le commandant de Carmelin | l'œ il sournois et la moustache en l'air | vint lui-même || les reconnaître et les interroger* (G. de Maupassant). — *Ils y demeurèrent || côte à côte | sans lumière | sur un canapé de velours vert || trop effrayés | pour songer à dormir* (G. de Maupassant). — *Vous aurez à vous prononcer entre la haine et l'amour || ce qui se fait spontanément || non entre la vérité et l'erreur | dont le discernement est impossible au faible esprit des hommes* (A. France) и т. д. Типографская ошибка (пропуск запятой) заставила нас задуматься над членением следующей фразы, так как возникло две возможности: *Шталь помнил еще | что внизу в сенях | когда они бесшумно надевали ш и н ё л и || черные | стоячие | расширявшиеся кверху ч а с ы | пробили один удар* и *Шталь помнил ещё | что внизу в сенях | когда они бесшумно надевали шинели | ч ё р н ы е | стоячие | расширявшиеся кверху | ч а с ы || п р о б и л и | один удар* (М. Алданов).

Кажется, что языки без развитых флексий используют нейтральную интонацию гораздо чаще, чем другие языки, где отношения согласования и управления воздвигают препятствия для «присоединения» (синтаксического примыкания), которое реализует именно эта интонация. Ср., например, *Elle partit au marché | le chapeau sur la tête | le panier au bras | le parapluie dans la main | et ne revint || que dans la nuit; Sie ging auf den Markt || ein Tuch um den Kopf gebunden | den Korb am Arme | und den Schirm in der Hand haltend || und kam erst spät abends zurück; Она отпра-вилась на б а з а р | в шляпке | с корзиной и зонтиком в руках || и в е р н у л а с ь только ночью*. В немецкой и в русской фразе нейтральная интонация не так отчетлива, как это выглядит во французской фразе.

Было бы интересно изучить случаи, когда одна и та же единица смысла может интонироваться по-разному, из чего вытекают то неопределенные, то комбинированные интонации. Было бы также любопытно посмотреть, в чем заключается разница между интонацией

народной * речи и интонацией людей образованных, разница, которая иногда выглядит очень разительной. Надо думать, что членение фразы у людей из народа ставит целью не столько отграничение единиц смысла, сколько выделение аффективных центров. С этим связано то, что роль тона и, возможно, роль *tempo* здесь более важны, чем роль интенсивности.

Известно также, что напряжение фразы слабеет каждый раз, когда интонация действует в сочетании с лексикой или грамматикой. Так, *Он здесь?* интонировано более энергично, чем *Кто здесь?*; наш пример из серии тождественности обладает интонацией более энергичной, чем в перечислении: *один, два, три, четыре* и т. д.; если в фразе *Мать пошла на работу, а дети остались дома* мы упраздним союз *а*, мы будем вынуждены сильнее отметить оппозицию между двумя частями фразы; точно так же, при прочих равных условиях, побудительная фраза будет выглядеть более энергичной, если в ней будет отсутствовать форма императива, и т. д.

К сожалению, мы не можем предпринять здесь анализ этих вопросов.

VI

Вопрос, который встает перед нами теперь, это вопрос об отношениях между лексикологическим планом и планом синтаксическим. В некоторой степени наша проблема совпадает с вопросом, изученным А. Пешковским в его работе «Интонация и грамматика» **. В целом ряде положений наши выводы совпадают с выводами Пешковского, в некоторых они расходятся.

Если бы речь шла только о том, чтобы ответить на вопрос, обслуживает ли интонация грамматику или нет, наша задача была бы значительно проще. Из всего вышесказанного, на этот вопрос вытекает только отрицательный ответ. Интонация, кажется, просто игнорирует существование грамматики, тогда как грамматика старается всячески учитывать наличие интонации.

К сожалению, вопрос отношений между лексикологическим и синтаксическим планами чрезвычайно сложный и содержит огромное количество дополнительных вопросов, связанных с этой проблемой,

---

* См. «Повторительный курс русского языка», § 35 (М., 2000, с. 131).

** В «Известиях по русскому языку и словесности», М., 1928, т. 1, с. 458–476.

без разрешения которых мы не можем двигаться вперед. Тогда как более узкий вопрос об отношениях между интонацией и грамматикой решается, так сказать, автоматически и попутно.

Не имея возможности приступить здесь к нашей проблеме во всей ее сложности, мы хотим поставить лишь некоторые вехи на пути, который ведет к ее разрешению.

Прежде всего, несколько предварительных замечаний по поводу «планов» языка.

Синтаксический план расположен между морфологическим планом и лексикологическим. В своей части, соседствующей с морфологией, он содержит *синтагматические* отношения¹⁵. Они бывают трех видов, а именно: *согласование*, *управление* и *примыкание*. Мы называем *согласованием* отражение всех формальных значений (род, число, падеж и т. д.) элемента *T* элементом *T'*, так русское прилагательное согласуется со своим существительным; согласование может привести к простому параллелизму в случае приложения. *Управление* имеет место, когда формальные значения *T'* изменены под влиянием элемента *T*, не отражая значений этого последнего: так существительное управляется глаголом. Насколько можно судить о степени «зависимости» элемента *T'*, управляемого или согласуемого, от элемента *T*, кажется, что при согласовании степень зависимости *T'* от *T* меньшая, чем при управлении. Наконец, *примыкание* (термин введен А. Пешковским, он первый вскрыл это явление) соответствует нулю согласования и нулю управления; таковы, например, отношения наречия с глаголом.

Другая часть синтаксического плана, соседствующая с лексикологическим, содержит *асинтагматические* отношения *сочинения*, *подчинения* и *вводности*. Разделяя мнение А. Пешковского, мы видим в оппозиции *сочинения* и *подчинения* оппозицию отношений *обратимых* ($a : b = b : a$) и *необратимых* ($a : b \neq b : a$). Что касается *вставки*, это, так сказать, отношения *сочинения* и *подчинения* в нулевой степени: все, что выступает как скобки, — вставка; например, *Lorsqu'ils franchirent, un peu*

---

¹⁵ Теория синтагматики рассмотрена нами во «Введении» к «Системе русского глагола» [см. с. 45 слл. наст. изд.]; она систематически применяется в изложении русской грамматики в «Повторительном курсе русского языка» (1928 г.) [см.: М., 2000, с. 97–204] и изложена более упрощенным образом в книге «Русский язык, I» (Прага, 1925 г.).

inquiets encore, la porte de la ville, le commandant de Carmelin, l'œil surnois et la moustache en l'air, vint lui-même les reconnaître et les interroger.

Переходя к лексикологическому плану, мы также констатируем здесь два порядка отношений. В той части лексикологического плана, которая близка к синтаксическому, мы отмечаем наличие следующих отношений:

- I. бинарные оппозиции: *симметрия* и *асимметрия*;
- II. открытые серии: *тождественность* и *градация*.

В этих отношениях можно видеть проявления *качественной* дифференциации.

Внешняя часть лексикологического плана знает лишь отношения между *целым, частью* и тем, что не является ни одним, ни другим, — *внесением*. Здесь речь идет скорее всего о *количественной* дифференциации.

Таким образом, оба «концептуальных» плана языка подразделяются каждый на два порядка; отсюда четыре вида отношений: *синтагматические, асинтагматические, качественные, количественные*.

Рассматривая эти четыре типа отношений, мы констатируем, что они следуют друг за другом таким образом, что каждый предыдущий порядок вкладывается* в последующий. Порядок фактов наиболее конкретных — это порядок синтагматических отношений, которые приводят к созданию грамматических категорий или «частей речи» (*существительное, глагол, прилагательное, наречие*). Он вкладывается в порядок асинтагматических отношений, который по природе своей скорее логический; эти отношения создают единицы (*подчиненную, подчиняющую, сочиненную*) более крупные, чем грамматические категории. Затем идет качественная дифференциация, в которую вкладываются отношения обратимости и необратимости и которая создает в коммуникативной единице разные по значимости подъединицы: равноценность симметрическая ($a : b$) или тождественная ($a : b : c \dots$) и неравноценность симметрическая ($a : -a$) или прогрессивная ($a_1 : a_2 : a_3 \dots$). Наконец, этот порядок вкладывается в порядок наиболее абстрактный. Здесь мы находим лишь количественное членение линии напряженности, исходящее из отношений между *целым, частью* и *внесением*.

Из этого краткого анализа следует, что интонация не может обслуживать грамматику: элементы, вытекающие из синтагматического чле-

---

* Выражением «вкладывание (одного в другое)» мы переводим термин А. Сешеэ «*emboîtement*», который использует Карцевский в своих статьях.

нения, и даже те, которые являются результатом несинтагматического членения, не находят себе подобных ни в одном из двух порядков лексикологического плана.

Это вовсе не значит, что между четырьмя порядками языковых отношений не существует никаких связей. Мы абсолютно согласны с А. Сешеэ, когда он говорит: «Может быть, в действительности, вкладывание одного плана в другой существует лишь в абстракции, и каждое конкретное явление относится одновременно ко всем порядкам, так что достигнуть полного знания какого-либо явления — насколько наука может этого достигнуть — можно только пройдя через всю серию последовательных порядков»¹⁶. Слово является великолепной иллюстрацией этой мысли. Оно относится к фонологическому, морфологическому, синтаксическому и лексикологическому планам, ко всем одновременно, и может быть понято, только если рассмотреть его «сквозь призму всей серии последовательных порядков» языка.

Попытаемся применить тот же метод к решению нашей проблемы. Рассмотрим явление, одно из самых простых и называемое *внесением*, и постараемся понять, чему оно соответствует в других порядках отношений.

Внесение, как мы сказали, — это то, что стоит вне целого и может находиться внутри целого только как вставное. В следующем порядке мы находим отношения асимметрического неравенства, которые, с точки зрения звукового выражения, реализуются через *нейтральную* или асимметрическую интонацию. Затем *вводность* (скобки, вставка) в своих отношениях с членом, с которым она связана, полностью покрывается понятием асимметрической пары [см. с. 273]. Однако обратное не верно. С нейтральной интонацией могут быть произнесены подчиненные члены. Так, например, *Я сам зайду к тебе || если ты | хотя и отдохнул | но всё ещё слаб*, или *Мы прошли мимо цветника || который был разбит перед домом | и спустились к реке*.

Наконец, *примыкание* в синтагматическом порядке аналогично внесению в том смысле, что оно тоже является «третьим членом», так как противопоставляется двум другим видам отношений, образующим пару и делящим между собой соответствующий порядок. Однако не достаточно быть примыкаемым членом, чтобы быть принятым во внимание в обрамляющих порядках, и, например, наречие не имеет никакого права на нейтральную интонацию само по себе. Если в фразе *Он*

¹⁶ *Programme et méthode*, p. 63.

работает ||_упорно продвигаясь к цели_|| над большим сочинением деепричастие (примыкаемый член) *продвигаясь* произнесено с нейтральной интонацией, то это только потому, что оно является частью чего-то вроде скобок.

Точно то же самое можно сказать о других синтаксических отношениях и их связях с интонацией. Но мы не имеем здесь возможности предпринять их систематический анализ.

Интонация не имеет ничего общего с грамматикой¹⁷, потому что отношения в обрамляющих порядках и, так сказать, «поставленных поверх» обрамленных более общие по своей природе. Явления более или менее конкретные, относясь к «низшим» порядкам, проходят, образно говоря, сквозь широкие петли сети абстрактных отношений. Однако единицы, принадлежащие к обрамленным порядкам, стремятся отождествиться с единицами обрамляющих порядков и присвоить себе различительные знаки этих последних. (Как будто встречаешься с картиной человеческого общества, там, где ее меньше всего ожидаешь.) Их усилия, кажется, остаются тщетными. Даже если принять во внимание некоторую взаимность в отношениях между порядками обрамленными и обрамляющими, у нас есть немало оснований думать, что именно последние влияют на первые. Гораздо вероятнее, что интонация влияет на грамматику, чем наоборот¹⁸. Сначала грамматика, асинтагматические связи, а за ними и синтагматические интеллектуализируют и кристаллизуют результаты членения, проделанного нашей мыслью исходя из реальности диалога, причем наша мысль выступает в своей целостности, т. е. с аффективными и волеизъявительными реакциями.

Нужно ли перечислять все попытки грамматики завладеть интонацией? Наблюдается стремление расположить *T* абсолютное (или «подлежащее») и предикативное *T'* так, чтобы симметрическая оппозиция восходящей и нисходящей частей соответствовала оппозиции между группой *T* абсолютного и группой предикативного *T'*. Но вот реаль-

¹⁷ Из вышесказанного видно, что для нас грамматика — это область синтагматических и несинтагматических отношений, ее синонимом является *синтаксис*; тогда как морфологический принцип — это проекция на звуковую прямую результатов синтаксического и семантического членений («морфемы» любого вида).

¹⁸ Можно найти аналогичные мысли у А. Сешеэ, *Essai sur la structure logique de la phrase*, Paris, 1926.

ность: *À la maison* || *nous n'avons trouvé personne* или «Я вернусь з а в т р а» || говорил мой б р à т уезжая. Можно было бы подумать, что сочинение и подчинение каждое имеет право на особую интонацию. Однако мы не нашли ни особой интонации сочинения, ни особой интонации подчинения. Отношения обратимости предполагают интонацию, начало и конец которой могут меняться местами. Но это невозможно из-за *прогрессивного* характера интонации. Только интонация тождественности или перечисления может, в некоторых случаях, годиться для сочинения. Это не много. Будучи необратимыми, интонационные отношения не могут также быть использованы подчинением, чтобы показать его отличие от сочинения. Что же говорить о согласовании или управлении? Ведь об их существовании интонация фразы даже и не подозревает.

Мы подошли к последнему вопросу, который можно попытаться разрешить в этом исследовании.

Учитывает ли фраза наличие в ее составе отдельных *слов*? Какую трактовку получают они в лексикологическом плане? Ответив на эти вопросы, мы ответим одновременно и на дополнительный вопрос, является ли фраза конструктивной основой лексикологического плана.

Что такое слово?

В первом порядке *фонологического* плана это всего лишь последовательность различных тембров; но во втором порядке того же плана это уже структура, организованная группировка слогов. Перейдем к *морфологическому* плану. Прежде всего, слово предстает перед нами как последовательность морфем, этот термин взят нами в самом широком смысле слова. Затем мы различаем здесь два вида значений, а именно значения конкретные (семантические) и значения формальные (грамматические), последние обрамляют и организуют первые. Синтагматика (первый порядок *синтаксического* плана) проводит интеграцию формальных значений, распределяя их между четырьмя категориями, находящимися между собой в отношениях T к T' , и слово предстает как единица, относящаяся к одной из категорий, оно является частью речи. Синтагматические отношения проникают, так сказать, внутрь слова, но не для того чтобы разрушить, а чтобы организовать его единство как структуру значений (ср. «частичные значения»). Асинтагматические отношения проходят над словом, и внутренняя структура слова вовсе не затрагивается этим порядком отношений, который оперирует элементами других видов предложения, охватывающих

чаще всего группы слов (подчиненные, подчиняющие, сочиненные, внесения).

Дойдя до *лексикологического* плана, слово немедленно охватывается течением фразы. Оно теперь всего лишь блок или даже частица одного блока среди других блоков, единственной индивидуальностью которых являются контуры, очерченные интонацией согласно нескольким мало отличным друг от друга моделям. Это больше не слова, даже не асинтагматические единицы, это теперь «члены фразы», которые должны соответствовать «единицам смысла». Движение этого процесса «объединения», или лексикализации становится еще более непреодолимым, когда мы приходим к порядку отношений, где существуют лишь *целое, часть и внесение*. В связи с этими двумя «высшими» планами, где ни само слово не представляет интереса, ни его «прошлое», ни то, как оно было образовано, какова была позиция, которую оно занимало в «низших» планах, — то есть в связи с *фразой* слово может окончательно перестать быть тем, чем оно было, чтобы превратиться в новую единицу или частицу более крупной единицы. Именно в этом плане, где отношения не проникают дальше поверхности членов фразы, эти последние могут беспрепятственно лексикализироваться и становиться «блоками» различной степени внутренней слитности и часто такими «непроницаемыми», что только глаз исторического видения (и то не всегда!) может различить их внутреннюю структуру.

Заметим попутно, что внесения, похоже, лексикализуются легче других, все языки изобилуют всякого сорта *dit-il, paraît-il, tiens, grrm* (< *говорит*), *мол, ей-Богу, слава-Богу (слаубоу), вишь* (< *видишь*) и т. д. Бывают случаи даже лексикализации «целого», например, *Sauve qui peut!* Два условия особенно поощряют лексикализацию: влияние сильной эмоции — явление, важность которого в речевом акте была подчеркнута Шарлем Балли, и частое повторение в диалоге единицы смысла, выполняющей всегда одну и ту же роль в фразе.

Поэтому мы называем *лексикологическим* план, где царит фраза.

VII

Наше исследование было бы неполным, если бы мы умолчали о вопросе отношений интонации с принципом *асимметричного дуализма* лингвистического знака, проявлением которого являются омонимия (т. е. транспозиция, а не омофония) и синонимия. Ибо речь идет о том,

чтобы понять, можно ли считать явления интонации семиологическими фактами. Ведь любой живой лингвистический знак характеризуется, по нашему мнению, асимметричным дуализмом своей структуры, потому что он не что иное, как пересечение отношений общего и частного. В семиологической системе любое пересечение отношений составляет знак. Из этого следует, что «любое значение, которое, как мы полагаем, мы ограничили, реализуя его в фразе, на самом деле лишь точка пересечения серии понятийных фактов с серией психологических фактов. Это значение виртуально может быть одновременно и синонимом и „омонимом“»¹⁹.

«Знак и значение не покрывают друг друга полностью, их границы не совпадают по всем точкам: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается разными знаками. Всякий знак виртуально „омоним“ и „синоним“ одновременно; это значит, что он образован пересечением этих двух серий мысленных явлений[...] Означающее (звуковое) и означаемое (функция) постоянно скользят по „наклонной плоскости реальности“. Каждое „выходит“ за рамки, определенные для него партнером: означающее стремится приобрести иные функции, кроме своей собственной, означаемое стремится найти другие способы выражения, кроме своего знака. Они асимметричны; спаренные, они находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков может развиваться языковая система: „адекватная“ позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособляемости к требованиям конкретной ситуации»²⁰.

Единицы интонации, которыми являются *члены фразы* и *фразы*, удовлетворяют ли они в своем функционировании условиям, которым, как нам кажется, должен удовлетворять живой лингвистический знак? Образованы ли и они пересечением синонимической линии с омонимической? Мы отвечаем утвердительно. Но за неимением места мы ограничимся здесь некоторыми иллюстрациями без всяких комментариев.

Вопросительная интонация — это интонация напряженная, высокого тона; естественно спросить: может ли вопрос быть выражен ина-

¹⁹ «Система русского глагола», с. 31 слл. [с. 57 слл. наст. изд.].

²⁰ «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», с. 88 и 93 [с. 239 и 245 наст. изд.].

че? Известно также, что напряженная интонация употребляется для выражения вопроса; а имеет ли она другое употребление? Ответ весьма прост. Вопрос может быть выражен, например, специальными местоименными словами; в этом случае вопросительный характер интонации слабеет и может полностью исчезнуть; таков, например, быстрый взволнованный вопрос: *Котóрый час, котóрый час?* С другой стороны, интонация антикаденции — это тоже напряженная, восходящая интонация. А разве не слышится некоторый вопрос в выражении удивления, который можно различить в нашем примере: *Я не понимáю, как в ы...* [см. с. 273] (*Ich kann es nicht begreifen, wie Sie...*). Присутствие императива ослабляет побудительный характер интонации, но он все-таки присутствует. Тогда как в предложении *Только взошли цветы, а мороз и удáръ* [см. с. 265], где значение императива транспонировано, побудительная интонация отсутствует полностью. Напротив, любое слово может передать отношение волеизъявления, и тогда оно немедленно оказывается снабженным побудительной интонацией. *Нейтральная* интонация позволяет отнести какую-либо единицу на второй план, но именно потому, что это интонация контрастная, она может прекрасно быть употреблена для выделения какой-то оригинальной мысли, надо лишь замедлить *tempo*.

Каждое перемещение означающего сопровождается изменениями в его структуре, и, естественно, происходит то же самое при перемещении означаемого²¹. Однако наша мысль, озабоченная в одинаковой степени интеграцией и дифференциацией, старается не учитывать этого как можно дольше. Иначе ни синонимия, ни омонимия не были бы возможны, что привело бы к невозможности наименования, а следовательно, к невозможности языкового акта вообще.

Нам кажется, что этих беглых наблюдений достаточно, чтобы признать за явлением интонации характер семиологического факта. Тогда перед нами немедленно встает новый вопрос о различении в фонологии фразы способов продуктивных и непродуктивных. Однако при сегодняшнем состоянии наших знаний об интонации о разрешении этого вопроса нельзя даже и думать.

Приступая к вопросу о фонологии фразы, мы вступаем в неизведанную область. Почти все здесь неизвестно, начиная с самой *фразы*. Лет двадцать пять назад Я. ван Гиннекен говорил с едкой иронией обо всех

---

²¹ «Система русского глагола», с. 33–34 [с. 60 наст. изд.].

«идолопоклонниках фразы, которую ни лингвисты, ни психологи, взятые вместе, никто не может определить»²². Кажется, что с тех пор мы ничуть не продвинулись вперед, ибо еще совсем недавно А. Мейе писал: «по правде сказать, трудно дать определение фразы или „высказывания“»²³. Другой фундаментальной трудностью была сама интонация, о которой до сих пор было сказано мало определенного и полезного для лингвиста. Было, наконец, еще одно обстоятельство, которое делало нашу задачу особенно сложной. Твердо убежденные в том, что целое объясняет части, а не наоборот, мы должны были поместить фразу и фонологию в общую систему языка, а не рассматривать их каждую в отдельности. А ведь известно, как мы пока еще далеки от синтетического взгляда на язык. Может быть, это послужит объяснением, а также и оправданием скромным результатам, к которым мы пришли в нашем исследовании.

P. S. Этот последний раздел был добавлен позже, во время считывания гранок первых шести разделов, и спустя месяц после того, как они были написаны. Именно только в этот интервал времени мы познакомились с серией замечательных статей М. Граммона, опубликованных в *Journal de psychologie* (1929–1930). Мы с большим удовольствием констатировали, что мысли автора об интонации фразы подтверждают некоторые из идей, сформулированных в нашей работе.

---

²² *Principes de linguistique psychologique*, § 149.

²³ *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, xxxi (1931), fasc. 3, p. 69.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

—А—

Адекватный — *adèquat*:

56–60, 63, 69, 185, 242–243, 245, 287.

Асинтагматический — *asyntagmatique*:

281–282, 284–286.

Аффективный — *affectif* (см. Т. 1, с. 111, 119, 173):

Аффективная речь: 42, 111, 113, 117, 161, 165, 169, 238.

Аффективный: 54–56, 158, 178, 251, 280, 284.

—В—

Вводность — *incise* (см. Т. 1, с. 117):

277, 281, 283.

Вершина — *sommet*:

255–256, 260–262, 265, 270–271, 273–274, 276, 278.

Вид:

— *aspect*: 45, 55, 66, 168–169, 175, 221–238.

Вид несовершенный: 47, 50, 56, 62, 66, 72–73, 75–76, 81, 85, 87, 93–94, 96–97, 101, 113, 166, 176–182, 186–187, 189, 199, 221–238, 256.

Вид совершенный: 47, 50; 57, 62, 72, 78, 81, 85, 87, 89, 113, 166–170, 176–182, 187, 189, 199, 221–238, 256.

См. также: *Вторичный; Имперфективация; Перфективация; Неопределенное отношение.*

— *espèce*: 44, 46, 48, 53–63, 226.

Видовой случай — *cas espèce*: 62.

Внесение — *enclave* (см. Т. 1, с. 131):

277–279, 282–283, 286.

Вставка — *incidente* (см. Т. 1, с. 117):

219, 281.

Вторичный — *secondaire* (см. Т. 1, с. 161):

Вторичная модальность: 165, 169.

Вторичная суффиксация: 120, 124, 130–131, 134, 231.

Вторичного несовершенного вида (глагол –) / вторичный имперфектив:
72–73, 75–76, 81, 87, 97, 120, 124, 130–131, 134–135, 137–139, 141–142,
144–145, 199, 201, 205, 233–234.

Вторичного совершенного вида (глагол –) / вторичный перфектив /
Вторичная перфективация: 73, 114, 124, 129, 131, 141, 234.

–Д–

Деятель – *agent* (см. Т. 1, с. 127):

43, 45, 46, 49, 52, 66, 68, 107, 109–110, 116–117, 148–156, 162, 165.

Дифференциация – *différenciation*:

41, 43, 45, 48, 58, 62, 80, 241, 248, 253, 257–259, 266, 282, 288.

Дифференциальный – *différentiel*: 43, 69, 253.

Длительность – *durée*:

43, 66, 86, 102, 114, 122, 125, 129, 130, 143, 144, 181, 221, 225–227, 231–
232, 234, 251–253, 255, 257, 258, 260, 266, 267, 270, 271, 276.

–З–

Замкнуть процесс – *renfermer le procès*:

118, 115, 116, 211, 213.

Звучащий

«Звучащая» (точка) – (*point*) «*sonnant*»: 254.

Звучащее (слово) – (*mot*) *phonique*: 43.

–И–

Изолированный – *isolé*:

Изолированная (форма): 256.

Изолированная единица: 61.

Изолированное (слово): 254.

Изолированное действие: 86, 144, 226, 232.

Изолированный глагол: 72, 97, 99–100, 119, 139, 192.

Изолированный концепт: 48, 185.

Интеллектуализированный – *intellectualisé*:

45, 159, 264.

Интеллектуальный – *intellectuel* (см. Т. 1, с. 112):

Интеллектуальная интонация: 247, 251.

Интеллектуальная фраза: 251, 258–259, 263.

Интеллектуальный язык: 117, 166.

Исходная точка: 168, 189, 210, 211, 213, 228.

Исходный — *primitif* (см. Т. 1, с. 127):

Исходная форма: 76, 80.

—Л—

Лексикализация, лексикализовать — *lexicalisation, lexicaliser* (см. Т. 1, с. 147):

42, 44, 45, 54, 56, 58, 68, 223, 286.

—М—

Мгновенный — *momentané* (см. Т. 1, с. 172):

Мгновенная модальность: 135.

Мгновенный (глагол): 61, 67, **73, 86–87**, 121, 123, 128, 133, 134, 229, 233.

—Н—

Неопределенный

— à *la personne indéterminée* (см. Т. 1, с. 127):

Неопределенное (подлежащее, лицо): 115, 148, 149, 161.

— (*verbe*) *d'aspect incertain* (см. Т. 1, с. 326):

Неопределенное отношение к виду: 81, 130, 135, 139, **141–142**.

Нулевой — *zéro de...* (см. Т. 1, с. 133):

Нулевой: 61, 79, 157, 161, 164.

Нуль (свести к —): 67, 213, 214, 235, 236.

—О—

Омонимия — *homonymie*:

57, 67, 239, 241, 242, 244, 286, 287.

Омофония — *homophonie*:

43, 241, 256, 286, 287.

Основной:

Основное слово — (*mot*) *simple* (см. Т. 1, с. 118): 45, 48, 52, 54, 55, 110.

Основной глагол — (*verbe*) *fondamental*: 75, 78, 101, 111–113, 120, 123, 128, 130, 134, 138.

—П—

Передвижения (глаголы —) — (*verbe de*) *locomotion* (см. Т. 1, с. 170):

61, 101, 111, 114–115, 127, **136**, 138, 212.

Перемещение — *déplacement*:

60, 67, 68, 111, 168, 174, **212**, 218, 240, 244, 255, 288.

Первичный — *primaire*:

Первичные суффиксы: 130–131.

Первичный глагол: 76, **77**, 83, 104, 114, 120.

Перфективация — *perfectivation*:

125—130, 132, 143, 182, 226—229, 231, 233—235.

Простые глаголы — *verbes simples* (см. Т. 1, с. 160):

66, 76, 85, 111, 114, 118, 127, 135, 138, 141.

Психологический предикат — *propos / prédicat psychologique* (см. с. 219, примеч. *):

217, 219, 265.

—Р—

Раздел (фразы) — *scission (de la phrase)*:

264—268, 270—272.

Различитель, различение — *particularisateur, particularisation* (см. Т. 1, с. 144):

40, 46, 47, 48, 52, 54, 56, 68, 111, 115, 159, 241.

—С—

Семантическое значение — *valeur sémantique* (см. Т. 1, с. 121, 141):

44, 45, 50, 51, 54, 59—61, 64, 66, 67, 93, 101, 110, 115, 121, 125, 127, 133, 138, 143, 212, 222, 242, 243, 262, 284, 285.

Семиологический:

31, 41, 42, 44—51, 56, 60, 63, 65, 67, 68, 215, 239, 240, 242—243, 247, 249, 250, 287.

Синтагма — *syntagme* (см. с. 40, примеч. 3):

40, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 52—54, 56, 186, 247.

Синтагматика, синтагматический: 42, 43, 48, 52, 54, 55, 65, 66, 68, 71, 110, 112, 113, 114, 139, 157, 185, 188, 212, 223, 281—284.

—Т—

Тематический — *thématique* (см. Т. 1, с. 326):

Тематический согласный: 78, 94.

Тематическое ударение: 74, 104, 105.

Tertium comparationis:

57, 60, 242—243.

Транспозиция / транспонировать — *transposition / transposer* (см. Т. 1, с. 116):

40, 44, 50, 52, 56—60, 151, 169, 185, 212, 226, 241, 243—244, 286, 288.

—У—

Уточнитель, уточнить, уточнение — *spécificateur, spécifier*:

46, 55, 57, 112, 150, 167.

—Ч—

Частный

Частный случай — *cas-individu*: 59, 61, 62, 115, 226.

Частное — *particulier* (в противоположность *общему*): 42, 45, 47, 51, 62, 112, 287.

Членение (фразы) — *division (de la phrase)*:

248, 251, 253, 258, 260, 263–270, 272–275, 279, 280, 282–283, 284.

Сергей Иосифович Карцевский

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

II

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Григорян

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 13.12.2003. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,865. Заказ № 9391

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrc-koshev@mtu-net.ru, lrc@osmiv.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

•
Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костошкин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6